

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Выпуск
1 (1)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 5 *А.А. Бурыкин* Историко-этимологические заметки по русской фразеологии
- 13 *И.Н. Ивашкевич* К вопросу о специфике языковой концептуализации природного пространства
- 20 *Ян Бай,
Н.В. Сорокина* Пространственно-временные координаты событий в малой прозе А.И. Солженицына
- 26 *Л.В. Бабина* Наименования оттенков цвета как результат образной интерпретации мира человеком (на материале наименований модных цветов осень–зима 2012–2013 и 2013–2014 гг.)
- 34 *А.С. Щербак* Корень *-ПИТ-* в русском топонимиконе

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

- 39 *А.Б. Туманова* Актуализация понятий «компетенция», «компетентность», «компетентностный подход» в условиях интеграции науки и образования
- 46 *Р.Д. Елибаева,
Г.Ш. Джумагулова* К проблеме самостоятельной работы студентов на занятиях русского языка в условиях кредитной технологии обучения

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

- 54 *М.В. Никольский* Культурфилософские особенности появления и формирования русской иконописной школы
- 66 *С.Н. Зенин,
В.А. Кулабухова,
М.А. Кулабухова,
В.Н. Климова* Культура Белгородчины как базовый ресурс преодоления угроз гуманитарного кризиса
- 73 *А.В. Прохоров* Восточные ценности академической культуры (на примере Китая)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

81 *В.А. Сазонова*

В.Э. Мейерхольд и его театральное наследие

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

91 *П.А. Гончаров*

Филологическая регионалистика как наука. В порядке обсуждения проблемы

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. э. н., д. психол. н., проф. И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. Р. Гольдт (Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева, д. филос., доцент Дж. Куртис (Великобритания), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг, д. филос. н., проф. О.В. Ромаха, д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Т.А. Ковалева, Э.Ю. Рассказова, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2015. – Вып. 1 (1). – 100 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 16.10.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,12. Тираж 1000 экз. Заказ № 1373. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015

© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2015.

При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несет автор.

CONTENTS

LINGUISTICS

- 5 *A.A. Burykin* Historical-etymological notes of Russian phraseology
- 13 *I.N. Ivashkevich* On the issue of specifics of language conceptualization of nature space
- 20 *Yan Bai,*
N.V. Sorokina Spatio-temporal coordinates of the events in flash fiction of A.I. Solzhenitsyn
- 26 *L.V. Babina* The names of colour shades as a result of figurative interpretation of the world by man (based on the material of names of fashionable colours autumn–winter 2012–2013 and 2013–2014)
- 34 *A.S. Scherbak* Root *-PIT-* in Russian toponymicon

METHODS AND METHODOLOGY

- 39 *A.B. Tumanova* Actualization of the concept “competence”, “competency”, “competence approach” in the conditions of integration of science and education
- 46 *R.D. Elibaeva,*
G.S. Dzhumagulova About the problem of independent work of students during the classes of Russian language in the conditions of credit technology of education

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- 54 *M.V. Nikolyskiy* Cultural-philosophic peculiarities of appearance and formation of Russian icon-painting school
- 66 *S.N. Zenin,*
V.A. Kulabukhova,
M.A. Kulabukhova,
V.N. Klimova Culture of Belgorod region as a basic resource of overcoming the menaces of humanitarian crisis
- 73 *A.V. Prokhorov* Oriental values of academic culture (based on the example of China)

CULTURAL HERITAGE

81 V.A. Sazonova

V.E. Meyerhold and his theatre heritage

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

91 P.A. Goncharov

Philological regionalistics as a science. On the basis of the study of the problem

REGULATIONS FOR CONTRIBUTORS

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
"Tambov State University named after G.R. Derzhavin" (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD of the Journal: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Main Editor), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Germany), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Great Britain), Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina, Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg, Doctor of Philosophy, Professor O.V. Romah, Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru.

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-61097 from 19 March, 2015.

Subscription index 80303 in the catalogue of the agency JCS "Rospechat"

Editors: T.A. Kovaleva, E.Y. Rasskazova, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Philological sciences and culturology. – Tambov, 2015. – Issue. 1 (1). – 100 p. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 16.10.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 12,12. Тираж 1000 экз. Заказ № 1373. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE "Tambov State University named after G.R. Derzhavin", 2015

© The journal "Tambov University Review. Series: Philological sciences and culturology", 2015.
All rights of reproduction in any form reserved.

The author is responsible for the contents of publications.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

© Алексей Алексеевич БУРЫКИН

Словарный отдел Института лингвистических исследований
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация,
доктор филологических наук, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник, e-mail: albury@rambler.ru

Посвящено рассмотрению происхождения русских фразеологизмов. Доказывается, что по какой-то причине в их осмыслении возобладал не фразеологический подход, требующий анализа сочетаний в целом, а лексический подход – толкование слова, принимаемого за стержневое слово фразеологизма. При рассмотрении трех фразеологизмов предлагается их этимология, не отмеченная ни одним фразеологическим словарем. Убедительно доказывается, что фразеологизм *Олух царя небесного* – устойчивое сочетание, являющееся полукалькой тюркского титула *uluḡ tängri qayān* – «великий небесный царь», где первый компонент оказался заимствованным, а второй и третий – переведенными. Фразеологизм *Пирог с котятми* заставляет задуматься о причинах того, почему пироги в этой идиоме – именно с котятми, а не с котом, не с кошкой, не с котенком, и почему предметом начинки такого пирога стали именно котята, что объясняется иноязычным влиянием. Идиомы *До фени / до феньки, до фонаря, до лампочки* связаны с символикой начальной буквы алфавита в дореформенном написании до 1918 г., которая считалась неприличной и является эвфемистическим синонимом тождественной по значению идиомы с обценным компонентом. Приводятся иллюстрации примеров из текстов художественной литературы.

Ключевые слова: русские фразеологизмы; происхождение идиомы; лингвокультурологический комментарий.

Олух царя небесного

Идиома *олух царя небесного* фиксируется в русских текстах начиная с первой трети XIX в. Вот некоторые примеры:¹

«Зачем же хитрить со мною? Или вы почитаете меня за такого олуха царя небесного, что я не замечу хлеба в печи и стану ее топить?» А. Бестужев-Марлинский. Статьи, 1826.

«Что бы я был за олух царя небесного, когда бы стал убирать постную катку, когда перед самым носом вареники в сметане?» Н. Гоголь. Страшный кабан, 1839.

«Знаю, ведь он такой олух царя небесного; даже прекрасного, шельма, не понимает; идет все понурый, на женщину никогда не

взглянет, а женщины на него как муха на мед». Н. Лесков. Обойденные, 1865.

«...Сергей молодецки кашлянул и крикнул: «Ну вы, олухи царя небесного! Сыпь, не зевай, гребла не замай; будут вершки, наши лишки». Н. Лесков. Леди Макбет Мценского уезда, 1864.

«Ну что, олух царя небесного, экзамена не выдержал» – поздоровался он с ним. «Не выдержал-с». М. Салтыков-Щедрин. Господа ташкентцы, 1869.

«Остались только годовые, – кухарка, старик-караульщик, прозванный Жмыхом, да малый Оська, «олух царя небесного». И. Бунин. Деревня, 1910.

«А тут еще и эти олухи царя небесного, которые с ним-то, дразнить его станут: «Что он тебе – мамаша аль супружница?» Е.И. Замятин. Непутевый, 1913.

«Конечно, надо быть олухом царя небесного, чтобы лезть в Болгарию десантом! Ей-

¹ Источником примеров является электронный ресурс «Библиотека лексикографа», разрабатываемый автором в Словарном отделе Института лингвистических исследований РАН.

богу, в штабах у нас оч-чень неглупые люди сидят». С. Сергеев-Ценский. Лютая зима, 1936.

Выражение *олух царя небесного* встречается и в современной литературе:

«Дядя Петя сапогом грохочет в дверь к студентам. «Вставайте, олухи царя небесного! Великий Сталин умер!» Вас. Аксенов. В поисках грустного бэби.

«Оратор! – изничтожал я себя. – Олух царя небесного! Еще стишки бы почитал, песенки продекламировал...» Викт. Астафьев. Последний поклон.

Отмечен даже шуточный перевод этой идиомы на латинский язык: «В письмах Александр обращался к брату так: «Толстобрюхий отче Антоние», или: «Глубокочтимый и достопоклоняемый братец Антон Павлович!». Но рядом: “Regis coelesti oluchus” – остроумие, забавлявшее в 80-х годах наших отцов». Б. Зайцев. Чехов.

В изучении исторической перспективы и происхождения данной идиомы по какой-то причине возобладал не фразеологический подход, требующий анализа сочетаний в целом, а лексический подход – толкование слова, принимаемого за стержневое слово фразеологизма.

В словаре М. Фасмера статья *олух* оказывается по сути самостоятельной, хотя в ней и упомянуто выражение *олух царя небесного* [1, т. 3, с. 236]. М. Фасмер в толковании этого слова присоединяется к мнению А.И. Соболевского, выведившего его из *волух* «Воловий пастух» с ремаркой «невероятно и происхождение из чагат. *aluk* «поглупение, отупение, растерянность» с отсылкой на мнение Ф.Е. Корша, зафиксированное в словаре А. Преображенского, у которого приведено мнение А.И. Соболевского и соображения Ф.К. Корша (полученные письменно) [2, с. 647-648]. Однако же в начале статьи отмечается: «неизвестного происхождения».

Любопытное и бесполезное дополнение к рассуждениям М. Фасмера содержится в словаре Е.Н. Шиповой: «олух, м., разг., бран. дурак, болван, простофиля, неуч. Нордстет, 1782 олух; Даль, 2, 672; Ушаков, 2, 803 (Сл. Акад., 1959, 8, 849)». Фасмер приводит этимологию слова по Соболевскому из *волух* от *вол*, т. е. воловий пастух, также еще менее, по его мнению, удачна этимология из *оглух*, напр. в ушр. *оглух* тот, кто плохо слышит.

«Невероятно и происхождение из чаг. *aluk* ‘оглупение, отупение, растерянность’ (Корш у Преобр., 1, 647 и сл.)» (Фасмер, 3, 136). Ср. Радлов *улук* (каз., тел.) дурной, негодный, незнающий) (1, 1694). Это слово, возможно, является антонимом *улук* (тар.; уйг.; чаг.) великий, большой [3, с. 250].

По-видимому, поиски этимологии выражения *олух царя небесного* при данном подходе к этимологическим решениям относительно слова *олух* оказываются бесперспективными. Хотя гипотеза А.И. Соболевского выглядит корректной и ставит предполагаемый этимон – лексему *волух* в один ряд с конох, *свинтус* из *свинтух* (приведено у А. Преображенского), ср. еще *овчух* «овечий пастух». Однако сдвиг ударения на первый слог в производных от корня *вол* не может получить объяснения. Данный факт объясняется тем, что непроемная лексема *вол* имеет ударение на флексии (парадигма В в акцентологической классификации), а все производные – ударение справа от корня, ср: *воловина*, *волоный*. Кроме того, вторая часть идиомы – *царя небесного*, не имеющая синонимов, вообще не поддается истолкованию.

В «Древнетюркском словаре» отмечено слово *uluγ* «большой, старший, великий сильный, большой высокий» [4, с. 610], в этой же статье приведено словосочетание *uluγ tängri* «великий Бог».

Содержательная подборка примеров на идиому *олух царя небесного* и слово *олух* была дана еще М.И. Михельсоном [5].

Есть основания полагать, что словосочетание *олух царя небесного* является полукалькой тюркского титула *uluγ tängri qaγan* – «великий небесный царь», где первый компонент оказался заимствованным, а второй и третий – переведенными. Подобные примеры тюркских компонентов в лексике и идиоматике не единичны, ср. *белиберда* из тюрк *bilim berdim* «Я передал знание»¹ (видимо, заключительная фраза посольской речи) (У Фасмера т. 1, с. 148 – без этимологии с пометой «темное слово»), ни *бельмеса* – с тат. *белмес* «может быть, он не знает» – форма сослагательного наклонения на с – от глагола *bel* – знать, превратившегося в татар-

¹ Независимо от автора данной статьи эта же этимология была предложена д. филол. н. О.А. Мудраком (Институт языкознания РАН).

ском языке в *бил-*, с показателем отрицания *-ме-*. [1, т. 3, с. 149-150].

Имеется еще целый ряд очень старых ориентализмов, не фиксировавшихся в письменных источниках на протяжении столетий, но сохраняющихся в русском просторечии: *хана, кранты, окочуриться, кильдым*, возможно и др. [6, с. 11, прим. 11].

Пироги с котятами

Идиома *Пироги с котятами* со значением «что-то неприятное, нелогичное», в отличие от выражения *Олух царя небесного* фиксируется исключительно современными текстами. Они могут быть разделены на несколько групп.

1. Примеры, потенциально являющиеся расширением идиомы *вот такие пироги*: ср. «Вот такие пироги с котятами... Хренотень, мягко говоря, продолжалась. За пять минут опроса выяснилось, что сбор не играл ни дож, ни вахтенные, ни бертольеры». А. Бушков. *Сварог 7 – Чужие паруса*.

«Вот такие, брат, пироги с котятами. – Тим по новой зевнул, сполз головой на подушку и трудно приоткрыл красные, слипающиеся глаза». Дм. Вересов. *Сердце Льва*.

«(<Юрий> Поднял рюмку, выпил, ест, смотрит на Матвея, сидящего без движений). Вот такие пироги с котятами, ага? Ну, бывают же в жизни совпадения!» Н. Коляда. *Вор*.

«Естественно, возбуждены уголовные дела – ...сразу по нескольким статьям. В том числе и о покушении на ваше убийство, Любовь Петровна. Вот такие пироги с котятами. – Никита бросил быстрый взгляд на наручные часы». Ольга Опалева. *Маросейка*, 12.

«Ах вот какие пироги с котятами. Коллеги, что ли? В разведшколе ЦРУ, понимаете ли, вместе обучались, а потом судьба развела». В. Рыбаков. *Человек напротив*.

2. Примеры, где при преобразованиях идиомы форма *пироги* заменяется на *пирожки*:

«Жизнь такая. Опять же... жена, может, вернется... Вот такие, родной, пирожки... с котятами. Проще надо». Вадим Леванов. *Артемиды с ланью*.

«А я про него забыл, – Кравченко сплунул, – вот такие, Серега, пирожки с котятами». Татьяна Степанова. *Темный инстинкт*.

3. Примеры, где компоненты идиомы *пироги с котятами* принадлежат разным

участникам диалога: «Эх-х-х! – вздохнула почтальонша. – Всяко бывает. Человек предполагает, а судьба смеётся. Вот такие пироги... – С котятами! – добавил отец. – Где тут расписаться?» Б. Алмазов. *Деревянное царство*.

4. Примеры, где реализуется синтагматическая связь между сходными фразеологизмами: «Писатель. Сказки. Никогда в жизни не сочинял сказок. Из чего они вообще сочиняются? Жил-был Царь... Нет, не то. Жили-были рыжие летучие сосиски... Опять не то... А, вот! Жил-был суп с котом и пироги с котятами... Тьфу ты, ерунда какая-то получается...». Ксения Драгунская. *Целоваться запрещено*.

Последний пример послужил основой для опыта толкования этой идиомы: ср. «Почти пироги с котятами... нечто столь неприемлимое, что оно если и бывает, то когда-нибудь потом. Конечно, когда на вопрос «А что потом?» – отвечают: «Суп с котом». Это во многом обусловлено глубокой рифмой, но ведь рифм много, а устойчивый ответ – один. И не будь это словосочетание столь невозможным, оно никогда бы не прижилось в языке. Такие, вот, пироги с котятами... парадокс». А. Легостаев, Св. Логинов. *Кухонные фразеологизмы*.

Имеется группа примеров, где сложное именование *пироги с котятами* соотносится с ситуацией продажи пирожков в общественных местах: «Именно вот бурчало, как иной раз бурчит в животе, когда на вокзале где-нибудь слопаешь так называемый пирожок «с котятами». Серг. Иванов. *Не стрелять...*

«Среди строительного хаоса, примостившись у рельсов, закутанная тетушка в белом переднике продавала пирожки, словно в городе на углу; из алюминиевых кастрюль, накрытых марлей, шёл вкусный пар. – С чем пирожки? С котятами? – С котятами, сынок!.. Гар-р-рячие, кому, с мясом!..» Анат. Кузнецов. *Огонь*.

«А так... какой-то Чикаговавилон для иногородних с сильно выраженной азиатчиной, в котором родного, московского, – ни на грош. Ах, где вы, пирожки с котятами, кружка пива на углу Кривоколенного переулка, знаменитый сумасшедший с улицы Горького...». Вяч. Пьецух.

Внимание к парадигматике фразеологических единиц заставляет задуматься о причинах того, почему пироги в этой идиоме — именно *с котятками*, т. е. не *с котом*, не *с кошкой*, не *с котенком*, и почему предметом начинки такого пирога стали именно котята. Одна из напрашивающихся гипотез тут — иноязычное влияние, присутствующее в точке дискурса, соотносительной с появлением уличных пирожков.

Можно думать, что изначально обозначением начинки рыночных пирожков, которые по ситуации никогда не съедают те, кто их выпекает или продает, послужило татарское *катнаш ит* «смешанное мясо». Вспоминается реплика Меншикова из фильма «Петр Первый» и похожий текст в одноименной пьесе А.Н. Толстого «Меншиков. Эх, эх, эх, эх!.. С пылу, с жару, на грош пару... Расхватывай, новые принесу... А вот пироги с зайчатиной, со всякой всячиной, с требухой, с мясом, запивай кислым квасом...». Тут требуха — как раз и есть *катнаш ит*, смешанное мясо. Сами татарские слова вызывают ассоциации с кот, *кот наши*, а формы *кат ит* — с котятками. Напрашивается лингвокультурный комментарий — московиты явно не жаловали продукцию татарских торговцев пирожками.

Можно думать, что выражение *пироги с котятками* вошло в узус в качестве замены эвфемистической идиомы, данной в словаре М.И. Михельсона как *пироги с горохом в рот*, отмеченного у Л. Толстого («Власть тьмы») [5], чаще имеющей форму *в рот (ситного) пирога с горохом*. Эта редкая идиома встречается в обсуждениях пьесы Л. Толстого (И. Анненский, В.П. Буренин, А.К. Черткова) и у других авторов первой половины XX в. (С.Т. Григорьев, И. Наживин, К. Петров-Водкин), с последней фиксацией в историческом романе А.И. Соколова «Меншиков» (1993).

До фени ~ до феньки, до фонаря, до лампочки

Предложные разнородные сочетания, характеризующие безразличное или пренебрежительное отношение говорящего или объекта речи к каким-то предметам, действиям или событиям, образуют синонимический ряд [7, с. 145]. В чем причина объединения в синонимичных идиомах наименований осве-

тительных приборов? Заметим, относительно новых, очевидно, связанных с электричеством, ни свечи, ни подсвечники, ни лампы в составе таких фразеологизмов не присутствуют. Иллюстративный материал на все указанные идиомы в целом не выходит за границы второй половины XX в. Нам не удастся обнаружить интересующие нас выражения ни у авторов XIX в., ни в произведениях начала XX в.

До лампочки: «А если мы в режиме, значит, на девочек и не гляди, а после игры и самому тебе все до лампочки». Вас. Аксенов. Аврора Горелика.

«Название возникло в голове сразу: «От Ильича до лампочки» с подзаголовком: «Учебник истории советской и антисоветской власти для слабо развитых детей». Интересно, что ни один иностранец не «врубается» в суть названия. Объяснение, что все начинается от рождения Ильича, что так назывались электрические лампочки в период «электрификации всей страны», что есть известное русское выражение «до лампочки», не помогает». Арк. Арканов. Вперед в прошлое.

«Ладно... Не унывай, мальчики. А ты, дед, чего, а? Пей! А мне до лампочки... — Так он чего, — спросил Куров, — отпустил его начальник-то? — А мне до лампочки... Кого?» Вас. Белов. Привычное дело.

«Н-да, успокоили, называется, старика... Ему наши жалости — до лампочки». Ю. Бондарев. Тишина.

«Даже записал мои слова о незаконных методах следствия в тридцать седьмом году. Тогда я еще не знала выражения «до лампочки». Но ему безусловно все было именно до нее». Евгения Гинзбург. Крутой маршрут.

«И все, видишь, ухитряются этого не замечать! Им до лампочки, Федька. Абсолютно до лампочки всем, что кто-то там...». В. Дудинцев. Белые одежды.

Зафиксированы примеры со сравнительным оборотом: «Они продолжали меня поносить, а мне было до них как до лампочки». Георгий Эфрон. Дневники.

«Я таскал ее этюдник, а когда она зарисовывала какой-нибудь старый особняк, стоял возле нее, любясь не архитектурой, до которой мне было как до лампочки, а Элой как таковой». В. Шефнер. Лачуга должника.

В одном случае идиома *до лампочки* присутствует в контаминации с глаголом в переносном значении: «Скажут, что я нарочно поддался. А мне плевать до лампочки!» Л. Кассиль. Будьте готовы, ваше высочество.

До фонаря: «Отвращения, заметим, чисто эстетического, потому что политика мне до фонаря». Дм. Быков. Блуд труда.

«Ты все это в прокуратуре, говори, нам – до фонаря...». А. Вайнер, Г. Вайнер. Эра милосердия.

«А народные страдания им как-то до фонаря». М. Веллер. Перпендикуляр.

«И это не сегодняшние демократические денечки, когда говори, что хошь, всем до фонаря». Людм. Гурченко. Аплодисменты.

«Скучно. Грязно и душно. Впрочем, плевать мне, мне все – до фонаря». Ю. Ряшенцев. Метро.

«...ей эти мои книжки – до фонаря». В. Шукшин. Из детских лет Ивана Попова.

До феньки: «Да нет, мамаша, какая вы непонятливая, – досадливо сказал Глеб, – просто красивый лицом и одеждой и внутренне собранный, которому до феньки все туры на колесах». Вас. Аксенов. Затоваренная бочкотара.

«Мне эти санитарные жалости до феньки! Ясно, Леночка?» Ю. Бондарев. Последние залпы.

«До феньки мне ваша музыка». Д. Гранин. Картина.

До фени: «Вот начальнички все эти твои мне до Фени». А. Адамов. След лисицы.

«Жена в больнице, а ему до фени». Нора Адамян. Трое под одной крышей.

«Работягам были до фени перлы нашего стиля». М. Веллер. Голубые города.

«Все обиды теперь – до фени... / Точно кайф мечты наизусть». А. Вознесенский. Тьмать.

«Наши политические слезы очереди были до фени». Е. Евтушенко. Волчий паспорт.

«...представьте себе нормального моряка, которому гуманитарные размышления до фени». В. Конечный. Последний рейс.

«Им же все до фени. Кому здесь нужны люди искусства, милый мой?!» В. Смехов. Записки на кулисах.

«Да как тебе сказать, Блинов. Всем все до фени. Полное равнодушие...» И. Штемлер. Универмаг.

В одном примере фразеологизм *до фени* выражает увеличенную меру количества для предмета речи: «Лекарств у него там до фени, каких хочешь, но на все случаи жизни – зеленка и пирамидон». Г. Владимов. Три минуты молчания.

Имеются случаи игры омонимами *феня* как фразеологический синоним фонаря и лампочки и гипокористической формы женского имени *Феня* (От Феодосия, Федосья). Ср.: «На субботник?.. Можно на субботник, только по этому делу до жены моей, до Фени, до Фенички. Озеленение?.. Деревья обкопать?.. Чудное дело. А как же. Только с этим не ко мне, а к жене моей. До Фени. До Фенички. Она разберется». М. Жванецкий. Феня, моя жена.

В имеющемся опыте этимологического объяснения этой группы фразеологизмов сделана попытка объединить несколько идиоматических единиц: «Под ядреной феней при этом понималась легкодоступная деревенская девушка, которой в городе приходилось идти на панель и поджидать своих клиентов «под фонарем» [8, с. 720]. В.М. Мокиенко связывает этот синонимический ряд фразеологизмов вместе с более редкими формами (*до форточки, до потолка, до жердочки, до мушки, до лампы*) с польскими идиомами, видя в них основу для русских [9, с. 315-322], однако же *феня*, занимающая столь важное место в количестве и лингвокультурной составляющей примеров, в славянских аналогиях не присутствует.

Против такого объяснения говорит сразу несколько фактов. Во-первых, сами эти выражения не относятся ни к бытию деревенских девушек в городе, ни к началу эры газовых или электрических фонарей при панели, т. е. на тротуаре. Во-вторых, нигде в примерах *Феня* и *фонарь* не образуют единства, что с неизбежностью имело бы место, если бы тут и в самом деле шла речь о девушке под фонарем. Стало быть, трансформации компрессии фразеологизма тут усматривать не приходится. В-третьих, легкодоступные девушки никак не засветились с частотными именами в идиоматике у себя дома в деревне. Синонимическая замена *до фонаря* – *до лампочки* очевидна, как очевидны и морфологические варианты *до фени* – *до феньки*, причем, по нашим данным, первый вариант *до фени* – вообще не данный словарем В.П. Жу-

кова, М.И. Сидоренко и В.Т. Шклярова, встречается почти в 10 раз чаще варианта *до феньки*. Последнее, однако, мало что дает для этимологических поисков.

В чем же тут дело?

Заметим сразу же, что интересующая нас *феня* не имеет никакого отношения к аналогичному компоненту идиомы *по фене ботать*, которое, как мы полагаем, является арготическим преобразованием словосочетания «по офене работать» – с усечением первого слога каждого слова как приемом тайноречия. Это предположение сразу отсылает нас к истокам блатной «фени» – к вариантам тайного языка офеней-бродячих торговцев и ремесленников и выпадает из оборота при анализе материала интересующего нас синонимического ряда *до фени – до лампочки*.

Как мы полагаем, происхождение оборота *до фени* связано не с личным именем Феодосия – Феня, а с символикой начальной буквы этого имени в дореформенном написании до 1918 г. Это имя писалось с начальной *ѳ* – фитой. Символика этой буквы в русской лингвокультуре в общем хорошо известна, и мы можем на ней не останавливаться [10].

Совершенно очевидно, что прекрасно известное гоголевское *фетюк*, образованное по той же модели, от которой образуются в общенной лексике пренебрежительные названия мужчин. В.Г. Белинский отметил: «Особенное неблаговоление благовоспитанного рецензента навлекло на себя слово *фетюк*, употребленное Ноздревым, и при нем, в выноске, объяснение автора, что «фетюк, слово обидное для мужчины, происходит от буквы *ѳ*, почитаемой некоторыми неприличною». (Журнальные и газетные заметки 1843 г.) Это слово встречается у Д.В. Григоровича, А.В. Дружинина, Ф.М. Достоевского, О.И. Сенковского и уходит в XX в., оставаясь по крайней мере в первой половине XX в. изредка употребительным.

Специфические сниженные ассоциации на букву *ѳита* отмечаются в текстах первой половины XIX в.: «Здесь старик с лицом печальным / Букв славянских красоту / Мажет золотом сусальным / Пресловутую *ѳиту*» А.Ф. Воейков. Стихотворения. Известен водевиль П.С. Федорова «Аз и ферт», муссирующий тему *ѳиты* в мужских именах и фамилиях. В 1887 г. А.П. Чехов писал своему дяде М.Е. Чехову «Если б от меня зависело, я

упразднил бы и *ѳать*, и *ѳиту* (дурацкая буква!), и *ѳицу*, и *ѳи*». А.П. Чехов. Письма.

Обнаруживается не так уж мало примеров и со словом *фетюк*, и с его синонимами, содержащими начальную *ѳиту*, ср. «Перехавши границу, русский культурный человек становится необыкновенно деятельным. Всю жизнь он слыл *ѳатюем*, *фетюком*, *ѳалалеем*; теперь он во что бы то ни стало хочет доказать, что по природе он совсем не *ѳатюй*...». М. Салтыков-Щедрин. За рубежом.

«...он женится и является здесь не рассудительным молодым человеком, а влюбленным простофилю, или – как Гоголь говорил – «*фетюком*». Н. Лесков. Карикатурный идеал.

«Вот и все равно, что «родственная жвачка», с тем преимуществом, что не выйдет новой сплетни и нового ожесточения бабьих сердец, которым *Фетюки* – мужья с одной и с другой стороны не умеют сказать мудрое и спасительное «цыц!»». Н.С. Лесков. Письмо к Н.П. Крохину от 29 октября 1888 г. (Арх. А.Н. Лескова: А.Н. Лесков. Жизнь Николая Лескова).

«Тут взвоют как, / Как взноют тут: / Один: тюфяк! / Другой: фетюк! / – Как есть Фетис! / – Чуть тронь – по швам! / Один: раскис! / Другой: сплошал!»». М. Цветаева. Молодец.

Во второй половине XX в. слово *фетюк* используется в исторических произведениях: «Федор Федорович только сжимал в ярости кулаки и восклицал: – Ах, Фетюк, Фетюк!». Л. Раковский. Адмирал Ушаков.

«С этими молодыми фетюками Демком и Иванцем не перемолвишься словом о том, что давит на сердце». П.Я. Загребельный. Богдан. «Человек должен быть блаженненьким, умственно убогим, безвольным фетюком – только таким обеспечен вход в царствие небесное». М. Колесников. Лобачевский.

Как и некоторые другие архаизмы XIX в., слово *фетюк* воскресло, ср. «Зачем только начальство приставило этого фетюка к нашему полку?» Б. Акунин. Квест. Впрочем, все последние цитаты взяты из исторических романов.

Крайне любопытен пример, где лексема *фетюк* оказывается примененной к лошадям: «Не хуже, а те – аглицкие тарабахи, а наши – тамбовские фетюки: это разница!» – «Да уж ты известный ответчик, на все ответишь, а

просто их кучер лучше умеет править». <...> Села я опять в карету, и погнажи. Мирон поспевает: куда они на тарабах, туда и мы на своих фетюках, не отстаем». Н. Лесков. Полунощники.

Как мог осуществиться подобный перенос и причем тут Тамбов – не вполне понятно, возможно, проявляется постепенно затухающее представление о Тамбове как о глухой провинции, где *фетюками* оказываются даже кони.

Причины изменения графического облика слова – *фетюк* вместо ожидаемого *фитюк*, как кажется, связаны с гиперкоррекцией записи лексемы, при написании с *и* становящейся похожей на украинизм. Впрочем, написание *фитюк* известно, хотя и в поздних примерах: ср. «Проспитесь сначала, фитюк! – брезгливо ответил ротмистр». К. Паустовский. Разливы рек.

«Фитюки и щелкоперы, мыслители! Обиженного, обокраденного домовладельца Базаркина... приписали к домовым!». Владимир Орлов. Шеврикука, или любовь к привидению.

Буква *фита* в некоторых контекстах ассоциируется с окончанием чего-либо, формируя фразеологический омоним к рассматриваемому выражению, ср. «Уже на эстраде сидели, – отделами и подотделами: геологический, геогнозический, географический, геодезический, геологический; далее, далее, – хоть до «фиты». А. Белый. Москва под ударом.

Наконец, имеются примеры, где слово *фита* используется в соматическом значении, что и давало повод говорить о ее «неприличности»: «Аяй, дядя, какой ты дошлый, а ну, умудрись – пымай в ширинке блоху, вошь ли, насади ее фитой и держи за уши, пока ворона не каркнет...». А. Веселый. Россия, кровью умытая.

В прямом значении – пренебрежительно о мужчине – лексема *фита* тоже известна: «Ишь ты, фита какая! Князя ему в вестовые». В. Сиповский. Коронка в пиках до валета.

В качестве замены лексемы *фетюк* в художественных текстах XX в. появляется морфологически производная от этого слова фамилия Фетюков, даваемая отрицательным персонажам: самый известный пример у А. Солженицына («Один день Ивана Денисовича»).

При обсуждении выражения *до фени*, *до феньки*, как кажется, ускользнуло от внимания исследователей слово *фефела* («Фефела (новг., твр., нижег., тамб.) – простофиля, разиня; толстая, неуклюжая баба» [5]), встраивающееся в ряд Фалалей, Фетис, Фатюй, также имеющее аналогии в антропонимике в виде Фефел – народная форма от Феофил, Феофилакт, Феофила, Теофила. Ср. «Пришла Проблема Пола, Румяная фефела, И ржет навеселе». С. Черный.

Итак, в ряду идиом *до фени*, *до феньки* – *до фонаря* – *до лампочки* – исторически первичным представляется первый компонент, связанный не с женским именем (эти ассоциации явно вторичны и искусственны), а с названием буквы *фита*, которая, во-первых, считалась неприличной еще до того, как это отметил в своем примечании к тексту «Мертвых душ» Н.В. Гоголь, и, во-вторых, ассоциировалась с концом алфавита (*ижица* была конечной буквой алфавита чисто номинально, *фита* имела несравненно большую частотность). Само по себе словосочетание *до фени*, *до феньки*, очевидно, в речи было эвфемистическим синонимом тождественной по значению идиомы с обценным компонентом. Несколько позднее, когда перестали действовать ассоциации выражения *до фени* с отмененной «неприличной» и последней по ассоциациям буквой алфавита, эта идиома за счет уже не графических, а чисто фонетических ассоциаций приобрела синоним *до фонаря*, хотя слово *фонарь* писалось с «фертом».

Наконец, за счет синонимической замены идиома *до фонаря* получила еще один смысловой и стилистовый аналог – *до лампочки*, много реже – *до лампы*. Показательно, что в выстраиваемых цепочках почти полностью отсутствуют не только слова со сходным значением, но и какие-либо иные дериваты от слов *фонарь* и *лампа*.

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1964–1972.
2. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. М., 1910–1914. Т. 1.
3. Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969.

5. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Спб., 1896–1912.
6. *Олядыкова Л.Б., Бuryкин А.А.* «Слово о полку Игореве»: современные проблемы филологического изучения (Исследования и статьи). Элиста, 2012.
7. *Жуков В.П., Сидоренко М.И., Шкляров В.Т.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.
8. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005.
9. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авось до ятя. Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2004.
10. *Двинятин Ф.Н.* Об одном «буквенном» и одном «алфавитном» текстах // Лингвистические этюды. Памяти проф. А.И. Моисеева. СПб., 2004.
1. *Fasmer M.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. M., 1964–1972.
2. *Preobrazhenskiy A.G.* Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 2 t. M., 1910–1914. T. 1.
3. *Shipova E.N.* Slovar' tyurkizmov v russkom yazyke. Alma-Ata, 1976.
4. *Drevnetyurkskiy slovar'.* L., 1969.
5. *Mikhel'son M.I.* Russkaya mys'l' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy: v 2 t. Spb., 1896–1912.
6. *Olyadykova L.B., Burykin A.A.* “Slovo o polku Igoreve”: sovremennye problemy filologicheskogo izucheniya (Issledovaniya i stat'i). Elista, 2012.
7. *Zhukov V.P., Sidorenko M.I., Shklyarov V.T.* Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo yazyka. M., 1987.
8. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'. M., 2005.
9. *Mokienko V.M.* Pochemu tak govoryat? Ot Avosya do yatya. Istoriko-etimologicheskii spravochnik po russkoy frazeologii. SPb., 2004.
10. *Dvinyatin F.N.* Ob odnom “bukvennom” i odnom “alfavitnom” tekstakh // Lingvisticheskie etyudy. Pamyati prof. A.I. Moiseeva. SPb., 2004.

Поступила в редакцию 3.08.2015 г.

UDC 81

HISTORICAL-ETYMOLOGICAL NOTES OF RUSSIAN PHRASEOLOGY

Aleksey Alekseevich BURYKIN, Lexical Department of Institute of Linguistic Researches of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russian Federation, Doctor of Philology, Doctor of History, Leading Scientific Worker, e-mail: albury@rambler.ru

It is devoted to the review of the origin of Russian phraseological units. It is proved that there were some reasons why not a phraseological approach prevailed, requiring analysis of the combination in general, but a lexical approach – interpretation of a work, which is supposed to the core word of the phraseological unit. During the review of three phraseological units their etymology is proposed, which is not marked by any phraseological dictionary. It is proved that phraseological unit *Олх царя небесного* (sainted blockhead) – is a stable combination which is half-loan translation of Turkic title *uluγ tāngri qayan* – “Great Heavenly King”, where the first component is borrowed and the second and the third are translated. Phraseological unit *Пирог с котятми* (that's how it is, (loan trans. cakes with kittens)) makes thinking about the reasons why these cakes are certainly with kittens, but not with a tom-cat, cat, or a kitten and why is the filling of these cakes are the kittens that is explained by the foreign influence. Idioms *До фени / до феньки, до фонаря, до лампочки* (I don't give a damn about it) are connected with symbolic of the first letter of the alphabet in pre-reformation writing before 1918, which was supposed to be improper and is euphemistic synonym to the meaning of the idiom with offensive language component. The illustrations of the examples of the texts of fiction are given.

Key words: Russian phraseological units; the origin of idiom; lingua-culturological literature.

УДК 81

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА

© Ирина Николаевна ИВАШКЕВИЧ

Белорусский государственный университет, г. Минск,
Республика Беларусь, кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой английского языка гуманитарных
специальностей, e-mail: ivash@tut.by

В рамках когнитивного направления изучена специфика языковой концептуализации природного пространства в английском языке. Категория «Природные пространства» представляет определенный формат знания об онтологии мира. Богатство языковых форм для репрезентации базовых концептуальных характеристик природных реалий свидетельствует о связи зрительного восприятия с когнитивными процессами концептуализации и категоризации в данном языковом социуме. Определенные структуры знания, выявленные в результате концептуализации и категоризации английских природных пространств, могут быть представлены как на языковом, так и концептуальном уровнях, что позволяет более полно понять общие когнитивные принципы и механизмы, участвующие в процессе формирования категорий языка. Богатство языковых форм для репрезентации английского природного пространства и его базовых характеристик свидетельствует о связи зрительного восприятия с процессами концептуализации и категоризации в данном языковом социуме. Семантика природных пространств в английском языке характеризуется детальным «уровнем квантования», прорисовки действительности. Знания, выявленные в результате концептуализации английских природных реалий, могут быть представлены как на языковом, так и концептуальном уровнях, что позволяет более полно понять общие принципы и механизмы, участвующие в процессе формирования категорий языка. Это в значительной мере расширяет научные представления об особенностях языковой концептуализации и категоризации английского природного пространства и интерпретирующей деятельности языкового сознания.

Ключевые слова: языковая концептуализация; категория; природное пространство; концептуальная характеристика; категоризация; структуры знания.

Вопросы, связанные с концептуализацией и категоризацией различных типов знания в семантике языковых знаков, находятся сегодня в фокусе внимания когнитивной лингвистики, которая изучает язык в его корреляции с различными ментальными структурами и процессами: восприятием, вниманием, памятью, мышлением человека. В рамках когнитивного подхода к изучению языковых явлений особое внимание уделяется разъяснению того, «что же представляет собой когнитивный взгляд на вещи и такие связанные с ним концепты как структура знания и структура представления, или репрезентации знания, когнитивные способности человека и особенности тех когнитивных систем, которые участвуют в восприятии мира и отражении воспринятого и осмысленного в языковых знаках» [1, с. 40].

Отправным моментом в когнитивно-дискурсивной парадигме является «собственно **репрезентация знаний в языке** как результат двух основных познавательных процессов, осуществляемых с помощью языка – концеп-

туализации и категоризации. Следствием этих процессов становится выделение объектов и событий действительности разного уровня сложности и их осмысление в качестве единиц знания разного формата» [2, с. 23].

В качестве одного из базовых когнитивных феноменов, участвующих в обработке сенсорной информации, поступающей к человеку по разным каналам, постулируется базовая категория ПРОСТРАНСТВО, в которой находит свое отражение общая онтология и эпистемология мира. Понятия пространство и время, по оценке исследователей, настолько фундаментальны, что на определенной ступени развития культуры, в древних мифологических, религиозных и философских системах, они рассматривались как «генетическое начало мира».

На современном этапе развития философской мысли категория пространство трактуется как всеобщая форма существования материи, как форма сосуществования материальных объектов и процессов (характеризует структурность и протяженность ма-

териальных систем). <...> Пространство и время имеют объективный характер, неотделимы от материи, неразрывно связаны с ее движением и друг с другом, обладают количественной и качественной бесконечностью <...> Всеобщие свойства пространства – протяженность, единство прерывности и непрерывности [3, с. 1082]. С точки зрения современной психологии, восприятие пространства – это механизм чувственно-эйдическо-визуального отражения пространственных предикатов-свойств предметов, их детализации по величине, длине, форме и т. д. <...> Значимую роль в восприятии пространства играют визуальные, двигательные, кожные, вестибулярные анализаторные системы [4, с. 85].

Поскольку пространство – это первая реальность, в которой человек осознает свое я и свое место в нем, вполне естественно, что в любом языке представлен целый арсенал языковых средств объективации пространства и пространственных отношений (предлоги, наречия, местоимения, глаголы, существительные и др.). В лингвистическом освещении в современных когнитивных исследованиях представлены также различные типы пространств: физическое, концептуальное, геометрическое, географическое, антропоцентрическое, мифологическое, художественное и т. д. На материале разных языков исследуются отдельные фрагменты языковых картин мира, в которых представлены схемы восприятия пространства в языковом сознании представителей определенного социума.

В рамках категории пространство как основной онтологической категории выделяется особая концептуальная область – **природное пространство**, с которым человек непосредственно сталкивается в своей жизнедеятельности. Как отмечает болгарский ученый А. Николова, чтобы организовать свое существование, человечество в первую очередь должно было узнать и осмыслить пространство своего обитания, изучить его и измерить для своих практических целей. История всех древних цивилизаций показывает, какую существенную роль в их развитии играла среда обитания, территория, которую занимало то или иное государство, ее топологические и размерные характеристики [5]. По Л.А. Манерко, пространство, окружаю-

щее человека, накладывает определенный отпечаток на мировосприятие всего мира. Знание о пространстве составляет основу перцептуального опыта индивида и включает сенсорные, биологические, моторные и другие структуры. Понимание этой категории невозможно без целого ряда факторов, существующих в реальном мире и времени [6, с. 211].

Формирование знаний о пространстве ученые связывают с выделением особых ментальных образований – концептов, в содержании которых репрезентированы свойства физического пространства, изучение которых позволяет выявить специфику их отражения в сознании говорящего. Категория «Природные пространства» представляет собой определенный формат знания об онтологии мира. Эта категория держится на основательном остоле базовых слов-идентификаторов, которые структурируют и упорядочивают данную категорию, демонстрируя сложные взаимоотношения и связи между целым (space) и его частями (area, place), отражая становление философской мысли, которая постулировала структурную организованность бытия. Вполне естественно, что разветвленная микросистема слов-идентификаторов предполагает неоднородный и сложный характер категории «Природные пространства», что еще раз подтверждает мнение о том, что естественная категория строится зачастую как многофокусная (см. работу [7]).

Проведенный анализ позволил выявить определенные структуры знания, которые стоят за единицами с пространственным значением (материал статьи представлен в сокращенном виде). Это в первую очередь различные перцептивные и пространственные признаки, которые характеризуются разветвленной системой и разнообразной комбинаторикой в первичных значениях имен (hill ‘a conspicuous and often rounded natural elevation of the earth's surface, less high or craggy than a mountain’; ridge ‘a long narrow raised land formation with sloping sides’ и др.). Так, например, в рамках системной категоризации (термин Н.Н. Болдырева) выявлено, что первоочередную фиксацию в семантике этих единиц получают визуальные признаки **линейных размеров**, которые характеризуют большие пространственные площади, участ-

ки суши или подчеркивают масштабность пространства. Языковое воплощение данные концептуальные признаки получают с помощью прилагательных *vast, extensive, large, considerable, spacious, wide, broad, expansive, capacious* etc. Как известно, размеры, восприятие которых осуществляется, прежде всего, с помощью самого информативного из органов чувств – зрения, являют собой наиболее наглядные и понятные наблюдателю, фиксирующему наивную картину мира, физические величины [8, с. 117].

Одним из основных параметрических признаков природный реалий, присутствующих в английском языковом сознании, является признак **вертикаль**. Языковые средства реализации данного измерения как одного из основных измерений трехмерного пространства, создающего объемность, следующие: *bottomless* (extremely deep and seeming to have no bottom); *deep* (a long way down from the top or the surface); *depth* (the distance from the top to the bottom of something, for example the sea, a river, or a hole); *fathomless* (very deep and impossible to measure); *profound* (deep); *shallow* (with only a short distance from the top or surface to the bottom); *unfathomable* (incapable of being fathomed); *immeasurable* (a distance or quality that is immeasurable is so large or extreme that it cannot be measured); *deep-sea* (of, found in, or characteristic of the deep parts of the sea). Ср.: *abyss* ‘a very deep or unfathomable gorge or chasm’; *ford* ‘a shallow area in a river that can be crossed by car, horseback, etc. Для характеристики высоты волн может использоваться перцептивный признак *high*: *bore* ‘a high steep-fronted wave moving up a narrow estuary, caused by the tide’ etc. [9–11].

Языковые способы представления знания о визуальном признаке **форма** в семантике природных объектов разнообразны, поскольку данный статический признак, наряду с параметрическими признаками, является основной характеристикой в идентификации природных объектов. Средства вербализации природных форм в семантике наименований водного и земного пространства следующие: 1) глаголы (*project conspicuously, look like: something that looks like a pointed top of a mountain peak*); 2) имена прилагательные (*angular, abrupt, rounded, pointed, serrated, irregular, sharp, prominent, resembling or suggestive of a horn / a spur, peaked, rugged, jagged,*

uneven, steep, vertical, overhanging, protruding, bold, elevated, flat-topped, gentle, precipitous, streamlined, steep, elongated, conical etc.); 3) имена прилагательные, указывающие на форму (*shaped like a needle, suggesting a pinnacle / a crest / a spur, resembling a mountain peak / a palisade / a shelf*): *aiguille* ‘a rock mass or mountain peak shaped like a needle’ etc.; 4) имена существительные (*shape, form, line, outline, contour, point, chain, protuberance*). Ср.: *palisade* ‘a line of bold cliffs’.

Такое богатство языковых форм для репрезентации природного пространства свидетельствует о связи зрительного восприятия с процессами концептуализации и категоризации мира. Вариативность перцептивного признака формы, который концептуализирует элементы определенной структуры знания и наиболее выделен в языковом сознании, имеет свое научное объяснение. По выражению А.А. Уфимцевой, знаковая репрезентация, «перевод» материального в идеальное, реального предмета в предмет наименования, происходит только тогда, когда появляется возможность с помощью какой-либо формы слова или других элементов языка воссоздать в сознании тот или иной предмет в пространстве. Поэтому естественно, что в т. н. однозначных словах, именах особенно предметов, контурное, внешнее представление доминирует, а визуальный (по форме, цвету и т. п.) и слуховой, тактильный и другие признаки становятся содержательными признаками, дифференцирующими данный класс или категорию предметов [12, с. 90].

Добавим, что многие природные объекты (например, горные вершины, горные хребты, выступы и пр.) представляют собой визуально воспринимаемые топографические пространства (формы), следовательно, получают первоочередную фиксацию в языковом сознании, которое отображает далее данную информацию в семантике языковых форм в процессах концептуализации. На значимость визуального признака формы в когнитивных процессах идентификации объектов указывают G.A. Miller and P.N. Johnson-Laird [11, p. 214]: “object recognition depends heavily on **shape perception**. Variations in size, brightness, colour, or location are not unimportant, but the major factor is shape” (идентификация объекта зависит в большей степени от восприятия формы. Вариативность призна-

ков по размеру, яркости, цвету или местоположению также важны, но основным фактором является форма (перевод наш. – И. И.).

Специфика категоризации перцептивных признаков в семантике имен, номинирующих различные виды пространств и форм их организации, проявляется прежде всего в различных конфигурациях перцептивных признаков в значении данных единиц, свидетельствуя о том, что в языке находят преломление отдельные атрибуты реального физического пространства. Поскольку перцептивный образ пространственных объектов ассоциируется у носителей языка в первую очередь с их размером и формой, то и в семантике языковых форм данная корреляция представлена наиболее полно. Так, конфигурация визуальных признаков размера и формы актуализируется в семантике наименований возвышенностей: knoll ‘a small rounded hill’; hill ‘a conspicuous and often rounded natural elevation of the earth's surface, less high or craggy than a mountain’; ledge a narrow shelflike rock projection on a cliff or mountain etc.

Вслед за К.А. Гиляровой отметим, что форма коррелирует с размером следующим образом. Во-первых, форма предмета во многом есть не что иное, как именно размерное соотношение между его сторонами, частями и измерениями. Во-вторых, форма оказывается неревантной или малозначимой характеристикой, когда речь идет об очень малых, или, наоборот, очень больших, не сравнимых с человеком по размеру объектах» [13, с. 9]. Считается, что языковая картина мира в целом и языковая категоризация признака формы в частности подчинены принципу антропоцентричности: все в языке фиксируется либо с точки зрения позиции Наблюдателя, либо с точки зрения функционального использования объектов.

Концептуальный признак **движение** играет важную роль в языковой концептуализации природного пространства. Движение – это способ существования материи, ее неотъемлемое свойство, непрерывный процесс изменения и развития материального мира. В интерпретации О.Т. Молчановой визуальное восприятие движения в целом зависит от фона. Движение или перемещение объектов в пространстве – это восприятие рекуррентных изменений пространственных отношений,

таких, например, как изменение местоположения, направления и формы объектов, или изменение ракурса, относительно которого объекты зрительно воспринимаются [14, с. 621]. Таким образом, ученый указывает на бесспорный факт связи между двумя фундаментальными категориями: движением и восприятием (motion is understood through perception).

В содержании концепта ДВИЖЕНИЕ маркированы такие признаки, как ‘перемещение воды в каком-либо направлении’, ‘скорость’, ‘интенсивность’, ‘характер движения’, ‘форма движения водных потоков’ и др. Наиболее репрезентативно концептуальный признак движение представлен именами прилагательными: *dashing, tumultuous, violent, fast, swift, continuous, swiftly flowing, rapid, sluggish, strong, forceful, fast-running, precipitous, standing, mobile* etc. A swift river current will undercut the outer bank of a meander (Jilbert, John ‘Geography Basic Facts’). Hillsden stopped by a window and gazed down at the sluggish waters of the Thames below (Forbes, Bryan ‘The Endless Game’). Somewhere below in the turbulent maelstrom was the starboard rail (Lunnon-Wood, Mike Let Not the Deep).

Концептуальные признаки ‘перемещение воды в каком-либо направлении’ и ‘движение волн’ вербализованы в значении наименований природных пространств глаголами *flow, run, carry, move, continue, cross, overflow, extend, spin round, advance, recede, fall* etc. Ср.: arroyo ‘a narrow valley in a North or South American desert that is usually dry but carries water during a rain storm; canyon ‘a deep narrow valley with steep sides and often with a stream flowing through it; flume ‘a ravine or gorge with a stream running through it’; bore ‘a high steep-fronted wave moving up a narrow estuary, caused by the tide’ etc. В семантике наименований водных потоков представлен концептуальный признак ‘форма движения’, который репрезентирован следующими видами: 1) вихревое движение (*whirling*); 2) движение по спирали или винтообразное движение (т. е. формой напоминающее винтовую нарезку *spiralling*); 3) вращательное движение (*rotary; spinning*); 4) движение по кругу или кругами (*circular; in a circle*). Ср.: vortex ‘a whirling mass or rotary motion in a liquid, gas, flame, etc., such as the spiralling movement

of water around a whirlpool'; swirl 'a whirling or spinning motion, esp in water' etc.

Концептуальный признак **локативность** является одним из важнейших маркеров в семантике природных пространств, главной функцией которого является номинация местоположения в пространстве (where-system) и пространственной ориентации. Он находит свое языковое воплощение в виде разноразличных лексических и лексико-грамматических средств английского языка и представлен различными пространственными индикаторами: 1) предлогами типа in, at, onto, on, near, between, down, along, across, through etc.; 2) глаголами fall, rise, cross etc.; 3) наречиями somewhere, far, farther, up, down etc.; 4) географическими названиями: southwestern Asia / northern Africa, in N. Africa etc. Ср.: channel 'a strait or narrow sea between two close landmasses'; waterfall 'an area in a stream or river where running water falls down from a high place'; bight 'a bend in a coast forming an open bay'; wadi or wady 'a watercourse in N. Africa and Arabia, dry except in the rainy season' etc.

Как показывает анализ, основным языковым средством вербализации локативных отношений в семантике природных реалий является дейктический способ: локативные предлоги и наречия. Данные языковые средства актуализируют когнитивные признаки, которые, по оценке исследователей, конституируют ядерный слой концепта ЛОКАТИВНОСТЬ: 1) вертикаль (over, under, above, below, beneath, underneath, up, down): mountain 'a landmass that projects conspicuously above its surroundings'; ledge 'a ridge of rock that lies beneath the surface of the sea'; 2) горизонталь (on, behind, in front of, ahead, opposite, beyond): cirque 'a deep steep-walled basin on a mountain usually forming the blunt end of a valley; escarpment 'a steep slope in front of a fortification'; 3) объемность (in, inside, within, through): valley a low area of land between mountains or hills, usually with a river flowing through it; gorge 'a deep valley with high straight sides where a river has cut through rock'; 4) направленность по длине: bottomland 'low-lying land along a watercourse'; 5) расположение, нахождение на близком расстоянии от кого-либо или от чего-либо (at, near, beside, by, round, around) и др.

По наблюдению А.А. Уфимцевой, понятия и категории есть всего лишь «сокращенный опыт», абстракция от предметного ряда вещей и явлений, которая совершается путем **чувственного восприятия последних**. Поэтому в знаковое значение слова с предметно-вещественным характером его семантики не могут быть не включены элементы чувственного восприятия: зрительного, слухового и пространственного представления вещей и предметов [12, с. 89]. В отличие от пространственных признаков, другие перцептивные признаки (цвет, вкус, запах) получают незначительную репрезентацию в семантике природных пространств. Так, перцептивный признак цвет (в основном – это ахроматический цвет, вербализованный в наименованиях волн) вербализован лишь в значении отдельных лексем. Ср.: breaker 'a large wave covered with white bubbles that is moving towards land'; whitecaps (or white horses) 'a wave with a white broken crest'. Бедно представленный в дефинициях, визуальный признак цвет в сочетании с другими перцептивными признаками имеет широкую представленность в синтагматике. Ср.: Road rolled over a hill and curled down among flesh-pink dunes (BNC 556). At the back window, the oaks and the steep brown hill looked wonderfully romantic in the deluge. However, I didn't envy the line (BNC 2304). The hills fall to the sea in gentle contours, exactly as they should; there is woodland and cliff, and part of the outline of Euboea across a blue strait (BNC CA 6 1755).

Богатство языковых форм для репрезентации английского природного пространства и его базовых характеристик свидетельствует о связи зрительного восприятия с процессами концептуализации и категоризации в данном языковом социуме. Семантика природных пространств в английском языке характеризуются детальным «уровнем квантования, прорисовки действительности» [15, с. 417]. Знания, выявленные в результате концептуализации английских природных реалий, могут быть представлены как на языковом, так и концептуальном уровнях, что позволяет более полно понять общие принципы и механизмы, участвующие в процессе формирования категорий языка. Это в значительной мере расширяет научные представления об особенностях языковой концептуализации и категоризации английского природного про-

странства и интерпретирующей деятельности языкового сознания.

1. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
2. Болдырев Н.Н. Структурирование опыта и интегрирование смысла в высказывании // Когнитивные исследования языка. Вып. 13. Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов, посвященный памяти проф. Н.А. Кобриной. Москва; Тамбов, 2013. С. 18-30.
3. Философский энциклопедический словарь / редкол. С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оgly, И.Ф. Ильичев и др. М., 1989.
4. Современный словарь по психологии / авт.-сост. В.В. Юрчук. Мн., 2000.
5. Николова А. Категория пространства, ее языковая репрезентация и лингвистическое описание. URL: <http://www.russian.slavica.org> (дата обращения: 22.07.2003).
6. Манерко Л.А. Типы знаний, определяющие древнеанглийскую категорию пространства // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2008. С. 210-233.
7. Ивашкевич И.Н. Структура и семантическая организация многофокусных языковых категорий // Когнитивные исследования языка. Вып. 7. Типы категорий в языке: сборник научных трудов / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. Москва; Тамбов, 2010. С. 269-280.
8. Семенова С.Ю. О некоторых свойствах имен пространственных параметров // Логический анализ языка: языки пространств. М., 2000. С. 117-126.
9. Merriam-Webster Online. URL: <http://www.m-w.com/org> (дата обращения: 22.07.2003).
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford, 2005.
11. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Cambridge, 1976.
12. Уфимцева А.А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики). М., 1986.
13. Гилярова К.А. Языковая концептуализация формы физических объектов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.
14. Molchanova O.T. Topography cognition and place-names (with reference to attention distribution, object location, and shape category) // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 614-628.

15. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

1. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira. M., 2004.
2. Boldyrev N.N. Strukturirovanie opyta i integrirovaniye smysla v vyskazyvanii // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 13. Mental'nye osnovy yazyka kak funktsional'noy sistemy: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyy pamyati prof. N.A. Kobrinoy. Moskva; Tambov, 2013. S. 18-30.
3. Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' / redkol. S.S. Averintsev, E.A. Arab-Ogly, I.F. Il'ichev i dr. M., 1989.
4. Sovremennyy slovar' po psikhologii / avt.-sost. V.V. Yurchuk. Mn., 2000.
5. Nikolova A. Kategoriya prostranstva, ee yazykovaya reprezentatsiya i lingvisticheskoe opisanie. URL: <http://www.russian.slavica.org> (data obrashcheniya: 22.07.2003).
6. Manerko L.A. Tipy znaniy, opredelyayushchie drevneangliyskuyu kategoriyu prostranstva // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Moskva; Tambov, 2008. S. 210-233.
7. Ivashkevich I.N. Struktura i semanticheskaya organizatsiya mnogofokusnykh yazykovykh kategoriy // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 7. Tipy kategoriy v yazyke: sbornik nauchnykh trudov / gl. red. serii E.S. Kubryakova, otv. red. vyp. N.N. Boldyrev. Moskva; Tambov, 2010. S. 269-280.
8. Semenova S.Yu. O nekotorykh svoystvakh imen prostranstvennykh parametrov // Logicheskiy analiz yazyka: yazyki prostranstv. M., 2000. S. 117-126.
9. Merriam-Webster Online. URL: <http://www.m-w.com/org> (data obrashcheniya: 22.07.2003).
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English by Hornby. Oxford, 2005.
11. Miller G.A., Johnson-Laird P.N. Language and Perception. Cambridge, 1976.
12. Ufimtseva A.A. Leksicheskoe znachenie (printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki). M., 1986.
13. Gilyarova K.A. Yazykovaya kontseptualizatsiya formy fizicheskikh ob"ektov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2002.
14. Molchanova O.T. Topography cognition and place-names (with reference to attention distribution, object location, and shape category) // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 614-628.

15. *Nikitin M.V.* Kurs lingvisticheskoy semantiki. SPb., 1996.

Поступила в редакцию 10.09.2015 г.

UDC 81

ON THE ISSUE OF SPECIFICS OF LANGUAGE CONCEPTUALIZATION OF NATURE SPACE

Irina Nikolaevna IVASHKEVICH, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of English Language Department of Humanitarian Specialties, e-mail: ivash@tut.by

Within the framework of cognitive direction the specifics of language conceptualization of natural space in English language is studied. The category "Natural spaces" is a definite format of knowledge about the anthology of the world. The variety of language forms for representation of basic conceptual characteristics of natural realia is the evidence of connection of eye perception with cognitive processes of conceptualization and categorization in this language society. The definite structures of knowledge, which were revealed as a result of conceptualization and categorization of English natural spaces, may be presented both in language and conceptual levels, that let us understand the general cognitive principles and mechanisms, participating in the process of formation of categories of the language. The variety of language forms for representation of English natural space and its basic characteristics is the evidence of the connection of eye perception with the processes of conceptualization and categorization in this language society. The semantics of natural spaces in English language is characterized by detailed "level of quantization", the definite image of the reality. The knowledge, revealed during conceptualization of English natural realia, may be presented both at language and at conceptual level, which let understand the general principles and mechanisms, participating in the process of formation of categories of language. This, in some relation, widens the scientific ideas of the peculiarities of language conceptualization and categorization of English natural space and interpreting activity of language consciousness.

Key words: language conceptualization; category; natural space; conceptual characteristics; categorization; structure of knowledge.

УДК 82.09

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ КООРДИНАТЫ СОБЫТИЙ В МАЛОЙ ПРОЗЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

© Ян БАЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра русской
филологии и журналистики, e-mail: missingapril@yeah.net

© Наталия Владимировна СОРОКИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: sorok_tam@rambler.ru

Рассматриваются особенности хронотопа в произведениях А.И. Солженицына. На материале ранних рассказов «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка» проанализированы художественные детали, создающие специфические приметы реального и художественного времени и пространства в малой прозе писателя. Определены основные направления художественных поисков писателя в создании национального колорита времени и места описываемых событий. Подробно, на содержательном и лингвистическом уровнях, рассмотрен «принцип сжатия художественного времени» в рассказе «Один день Ивана Денисовича», уточнены приемы детализации событий. Выявлены конкретные художественные приемы, способствующие созданию полноценной картины жизни при изображении событий в пределах ограниченного временного и пространственного диапазона. Определены художественные способы расширения временных рамок и границ замкнутого пространства. Выделены текстовые единицы, способствующие созданию специфических пространственно-временных связей. Предложено новое прочтение названия рассказа «Случай на станции Кочетовка», дополняющее представления об особенностях пространственно-временной организации прозы писателя. Проанализированы причины графического выделения слов и выражений в тексте рассказа. Обоснованы возможные векторы сопоставительного анализа прозы А.И. Солженицына и Е.И. Замятина. Обозначены пути формирования писательской концепции связи прошлого – настоящего – будущего времени в масштабах жизни одного человека и целого народа.

Ключевые слова: рассказы А.И. Солженицына; организация пространственно-временных отношений; художественные детали.

Организация пространственно-временных отношений в художественном произведении является одним из сюжетно- и жанровообразующих компонентов. В малой прозе А.И. Солженицына этот показатель играет особую роль.

Литературоведы неоднократно справедливо указывали на использование автором «принципа сжатия художественного времени», ярко проявившемся уже в первом опубликованном рассказе писателя: «В одном дне лагерного зека Солженицыну удастся показать чуть ли не всю его жизнь, в которой отразилась одна из граней национальной жизни середины XX в.» [1, с. 432]. Это утверждение верно и для других произведений. Описываемые в малой прозе повседневные события происходят, как правило, в рамках ограниченного времени и небольшого пространства: в лагере («Один день Ивана Денисовича»), в деревне («Матренин двор»), на стан-

ции Кочетовка («Случай на станции Кочетовка»), на поле Куликовом («Захар-Калита») и т. п. Объемность рассказов создается на основе краткого периода и обилия событий, описанных с достаточными подробностями.

А.В. Урманов, размышляя о принципе соотношения «большого» и «малого» в произведениях А.И. Солженицына и об идейно-эстетической нагрузке художественных деталей, высказал мнение о том, что деталь в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» «характеризует не переживания персонажа, а его «внешнюю» жизнь – является одной из достоверных подробностей лагерного быта» [2, с. 29]. Однако в этом случае исследовательское представление о деталях имеет отношение только к конкретным вещам или действиям героев. Этот момент возможно, как представляется, расширить применительно и к пространственно-временным характеристикам.

Повествование об одном дне лагерной жизни тщательно конкретизируется автором до мельчайших подробностей с добавлением в картину жизни заключенных застывших и мертвых оттенков, которые подчеркивают продолжительность и бесконечность мучений эков. Темп лагерной жизни оказывается более быстрым, чем темп жизни в свободном мире. По признанию А.И. Солженицына, для того чтобы описать всю лагерную жизнь, «по сути, достаточно описать один всего день в подробностях, в мельчайших подробностях, притом день самого обыкновенного работяги, и тут отразится вся наша жизнь» [3, с. 461].

Лагерная жизнь ограничена в определенном временном и пространственном диапазоне. События механически повторяются. Об этом – уже первая фраза произведения: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъем – молотком об рельс у штабного барака» [4, с. 15]. Описанный в рассказе день был для Шухова «ничем не омраченным, почти счастливым» [4, с. 114]. Герою довольно того, что «на дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся» [4, с. 114]. Автор перечислил события, происходившие в течение дня. Но особо отметил неслучившееся: «не посадили», «не выгнали», «не попался», «не заболел» – все неприятные возможности не сбылись. Положительные моменты подчеркнуты в следующих действиях: «закосил кашу», «хорошо закрыл процентовку», «клат весело», «подработал», «купил» и «перемогся». Лагерная жизнь давила Шухова и физически, и психологически, но она не уничтожила внутреннюю силу русского человека. Таким образом, писатель в каждое из перечисленных событий вложил позитивные элементы, которые создают яркий контраст бесконечному отчаянию эков и лагерной системе.

В целом светлый тон рассказа проявляется не только в развязке. Он прозрачно и детально видится в каждом решении героев, в разговорах Шухова с другими людьми, в его действиях. Автор показал радости Шухова, хотя и незначительные, но заметные и

повсеместные. Писатель соединил светлое восприятие человека и темные стороны лагеря вместе, чтобы первое противостояло второму: живая человеческая душа против безжалостного лагеря и даже против целой социальной системы.

День – это короткий отрезок в масштабах всей жизни. Но в плане деятельности он является насыщенным, поскольку в каждом текущем моменте перед героями появляются разные «мелкие новости», которые дают заключенным разные «мелкие возможности». Писатель перечислил эти возможности: «...шить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавички; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтобы ему босиком не топтаться вокруг кучи, не выбирать; или пробежать по каптеркам, где кому надо услужить, подмести или поднести что-нибудь...» [4, с. 15]. Эти возможности рассматриваются как стимулы изменения лагерной жизни, в них сконцентрированы жизненные правила в лагере, вокруг них развивается сюжетная линия рассказа и именно ими лагерная жизнь отличается от нормальной жизни.

Скорее всего, сущность этого единого мира проявляется не только через отдельные маленькие моменты; в целом же мир лагеря является неподвижным. Лагерь является закрытым пространством; стены физически ограничивают лагерную жизнь от окружающего мира. В рассказе, кроме этих ограничивающих стен, мир лагеря характеризуется мелкими событиями, подобными невидимым стенам, которые изолируют героев от настоящей жизни. Так автор представил некую недоговоренность, которую отгадывают сами читатели: наблюдаемая снаружи жизнь в лагере – мертвая. Лагерная жизнь повторяется в мелочах «от звонка до звонка» [4, с. 114]. Получается, что у эков нет будущего, и мысли, возникавшие у них в лагере, вряд ли могли касаться далекого будущего.

С другой стороны, «кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать...» [4, с. 15]. То есть те, кто хорошо знают, умеют использовать возможности, появляющиеся в лагере, могут и выжить либо хитростью, жестокостью, либо жизненным опытом и умом. Именно в контексте вопроса о выживании автор показал каждую деталь лагерной жизни. Вместе с заданным вопросом начинаются

и день Шухова, и сюжет рассказа: с пяти часов утра до того, что «засыпал Шухов вполне удовлетворенный» [4, с. 114]. Это единственный вопрос, который волнует героев каждую минуту. Цель каждодневной деятельности героев рассказа – одна: убежать от голода и холода и не умереть. Например, герой тратил много сил на «хлеб». В тексте рассказа отдельное слово «хлеб» повторяется 27 раз. Употребляются и другие однокоренные слова: «хлебушка», «хлебец», «хлебной», «хлебать», «хлеборезка» – и текстовые синонимы: «пайка», «полпайка» (слово «пайка» повторяется 22 раза). Через столь подробное изложение читатели точно знают, как в лагере дают экам хлеб; какой дают хлеб; сколько раз в день дают хлеб; сколько у каждого эка хлеба; как надо кушать этот хлеб, с кашей или без ничего; когда его кушать; как держать в руках, где положить и как спрятать... В размышлениях о хлебе возникали разные мысли о том, что «надо хлеб хранить, жизнь не потерять», ведь хлеб является средством к выживанию и отождествляется с теми вещами, которые необходимы для существования эков. Все, что заботит эков, коренным образом зависит от хлеба; все остальные мысли или потеряли значение, или исчезли.

Однако благородные человеческие качества не изношены в лагерных условиях; они проявляются по-другому, становятся незаметными. Для Шухова делать добрые дела принципиально важно, это является частью его натуры. Хитрость Шухова является «умом в маленьком масштабе», что свойственно и другим героям рассказа. Например, Шухов думал: «За что Алешка молодец: эту книжечку свою так засовывает ловко в щель в стене – ни на едином шмоне еще не нашли» [4, с. 28]). У Алешки есть только переписанная половина Евангелия, а он перечитывает, и людям свои мысли внушает. Он так же, как Шухов, своим способом делает другим маленькое добро.

«–На, Алешка! – и печенье одно [Шухов. – Б. Я., Н. С.] ему отдал. Улыбится Алешка. – Спасибо! У вас у самих нет! – Е-ешь! У нас нет, так мы всегда заработаем» [4, с. 113]. Печенье изменило свой статус в лагерных условиях, став деликатесом. Оказывается, что дав печенье Алешке, Шухов совершил очень щедрый поступок. Шухов –

не жадный, не эгоист, умеет делить радость с другими людьми. Главное: в лагере всякое маленькое добро увеличивается в размерах по своей важности, оказывается гораздо большим, чем является в нормальных жизненных условиях.

Расширяя границы настоящего времени и замкнутости пространства, А.И. Солженицын много уделял внимания вопросу будущего. Об этом он размышлял не только в своих произведениях, но и при чтении других авторов. А.И. Солженицын, например, считал, что Е.И. Замятин «видит далекое завтра» [5, с. 2]. Именно это – художественное прозрение и пророческий характер произведений Е.И. Замятина – стали одним из факторов собственно писательского и исследовательского сближения имен двух художников.

Замечено, что «первоначальное авторское заглавие рассказа «Один день Ивана Денисовича», «Щ-854», вольно или невольно отсылает читателя к роману Е. Замятина «Мы», где граждане единого тоталитарного государства обозначены такими же обезличивающими номерами вместо имен» [6, с. 8]. Появление номеров и шифров в упомянутых произведениях не является случайным совпадением и следствием простой симпатии А.И. Солженицына к Е.И. Замятину, а подтверждает мысленную и духовную близость художественных мастеров.

В отличие от Е.И. Замятина, у А.И. Солженицына созданные характеры не из будущего мира. Более важным понятием для писателя является понятие настоящего. Он пишет о том, что было, есть и происходит в нашей жизни. «Сегодня» существует в качестве исторического фрагмента, оно само по себе удивительно и поучительно. Народ всегда ощущает себя в рамках настоящего, его нужды, проблемы и уровень жизни отражают развитие общества.

Размышления А.И. Солженицына о будущем конкретизовались в изображении деталей настоящей жизни героев. Главный герой рассказа «Один день Ивана Денисовича» Шухов, – ээк, проживающий свою жизнь в трудовом лагере. Не важно, сколько времени герой прожил и еще проживет заключенным. Главное, как он живет в настоящий момент: терпит ли холод и голод, мучается ли?

День Шухова показан через художественную лупу, автор досконально разобрал

каждое действие и психологическое движение героя. С помощью этих деталей возможно предположить, как пережил Шухов эти годы и какие трудности ему придется преодолеть в будущем. Все второстепенные герои рассказа также проходят испытания, страдают. Это воплощено не только в идейном плане, но и на лингвистическом уровне. Героям принадлежат короткие реплики, в которых употребляются просторечия. Писатель специально выделил ударение в словах, наполнил разговоры глаголами повелительного наклонения, междометиями, восклицательными и вопросительными предложениями. Есть и авторские объяснения в скобках. Цель подобных художественных приемов заключается в том, чтобы не исказить события, происходившие в лагере, что обеспечивает оригинальность истории и позволяет размышлять о будущем на основе реальности. Если учесть, что Шухов и другие герои – одни из представителей своей эпохи, тогда их день не только является всего лишь маленьким фрагментом в десятилетней жизни одного невинного человека – их день предстает как образец жизни огромного количества русских людей. И «таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три» [4, с. 114]. В развязке рассказа в последних предложениях А.И. Солженицын напомнил читателям, что «не омраченный, почти счастливый» [4, с. 114] день повторяется снова и снова. Процесс повторения этих дней заставил всех обдумать суть жизни заключенных: это нечто большее, чем повторение длительного тихого отчаяния в застывшем времени. А.И. Солженицын передал духовное переживание, нравственное возмущение и, наконец, социальное потрясение, чтобы никто не смог позволять себе сказать, что десять лет были ничтожным фрагментом истории.

Показательным в плане соотношения настоящих и будущих событий является рассказ «Случай на станции Кочетовка». Произведение еще раз демонстрирует мастерство Солженицына «в использовании художественной детали, <...> диалога, <...> в создании подробного портрете литературных героев» [7, с. 173]. Заметим, что уже само название рассказа имеет символические оттенки, вызывает разные ассоциации. *Случай* – недлительный факт; слово, перед которым требу-

ется поставить подходящие имена прилагательные типа «важный», «неожиданный», «неприятный» и др. *Станция* – пункт остановки, через который протянутся дороги или пересекутся с другими. Одновременно это эпизодический фрагмент, узел между прошлым и будущим. События, происходившие на станции, возможно, станут решающими факторами, которые не менее важны, чем повороты в судьбе человека. Иными словами, на маленькой железнодорожной станции преднамеренные и нечаянные поступки Зотова могут сильно повлиять на судьбы других людей; его решения предвещают изменения жизненных путей людей малознакомых и невиновных.

Зотов, главный герой рассказа, – человек ответственный, патриотичный, он четко осознает свой долг и важность работы, поэтому не позволяет себе ошибаться в вопросах, связанных с войной и Родиной. Но он не ожидал, что сыграет чрезвычайно важную роль в судьбе Тверитинова и полностью изменит его последующую жизнь. Зотов сомневался в правильности своего поступка, но ему, к сожалению, нечем ответить на недоумение и мучения Тверитинова. «– Вы – з а д е р ж и в а е т е меня?!» [4, с. 207] – вопрос дан вразрядку с вопросительным и восклицательным знаком, что указывает на «логическое ударение, подчеркнуто громкую интонацию» [8, с. 243], замедленный темп произнесения слова. Это арест, произведенный неожиданно для Тверитинова; его слова звучат с испугом и сомнением. И эти чувства противоположны обдуманному плану Зотова, и арест стал жестоким и подлым событием. Однако в процессе ареста молодой лейтенант твердо поступает, хотя в самый момент ареста «овладела Зотовым робость» [4, с. 207]: необходимо ловить Тверитинова, поскольку он является подозрительным человеком.

Мир, существующий под пером А.И. Солженицына, раскрывается на материале «настоящего». Справедливо высказывание А.И. Солженицына о том, он «умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия» [6, с. 9], и он стал «тайнозрителем социального и исторического» [9, с. 322]. В малой прозе А.И. Солженицына

читается портретный очерк или история героя, находившегося в определенном историческом периоде.

Реальный мир с его пространственно-временными координатами в художественных произведениях А.И. Солженицына восстановлен путем детализации событий. Это позволяет автору сделать акцент на двух моментах. Во-первых, по сравнению с величиной и продолжительностью истории описываемые события являются, пользуясь терминологией писателя, крохотными. Во-вторых, в противовес первому положению, писатель концентрирует внимание на личностной активности героев, проявляемой в частных ситуациях, и реакции на эти маленькие события.

Размышляя о будущем, А.И. Солженицын обращался к истории. Писатель поместил героев, многие из которых имели реальных прототипов, в определенные исторические условия, обрисовал их поведение и образ жизни. По сравнению с бесконечным временем и пространством жизнь человека является лишь «ничтожным отрезком», «но изнутри человеческой жизни они (ничтожные отрезки. – Б. Я., Н. С.) обретают единственный ценностный центр, по отношению к которому уплотняются, наливаются кровью и плотью» [10, с. 232]. Ведущее значение в организации пространственно-временных отношений в малой прозе А.И. Солженицына приобретает детальное изображение ограниченного периода в судьбе героя, который, однако, становится целостным отражением всей жизни не только одного человека.

1. Голубков М.М. А.И. Солженицын // История русской литературы XX в. (20–90-е гг.). Основные имена. М., 1998.
2. Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М., 2003.
3. Сараскина Л.И. Александр Солженицын. М., 2008.
4. Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 1. Рассказы и Крохотки. М., 2006.
5. Солженицын А.И. Из Евгения Замятина. «Литературная коллекция» // Новый мир. 1997. № 10.

6. Спиваковский П. Через полвека // «Ивану Денисовичу» полвека: Юбилейный сборник (1962–2012). М., 2012.
7. Полякова Л.В. Тамбовская магистраль. Тамбов, 2011.
8. Сорокина Н.В. Графическое выделение слов и выражений в произведениях писателя // Сорокина Н.В. Типология романистики Л.М. Леонова. Тамбов, 2006.
9. Седакова О. Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына. М., 2005.
10. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической действительности // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

1. Golubkov M.M. A.I. Solzhenitsyn // Istoriya russkoy literatury KhKh v. (20–90-e gg.). Osnovnye imena. M., 1998.
2. Urmanov A.V. Tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna. M., 2003.
3. Saraskina L.I. Aleksandr Solzhenitsyn. M., 2008.
4. Solzhenitsyn A.I. Odin den' Ivana Denisovicha // Solzhenitsyn A.I. Sbranie sochineniy: v 30 t. T. 1. Rasskazy i Krokhutki. M., 2006.
5. Solzhenitsyn A.I. Iz Evgeniya Zamyatina. "Literaturnaya kolleksiya" // Novyy mir. 1997. № 10.
6. Spivakovskiy P. Cherez polveka // "Ivanu Denisovichu" polveka: Yubileynyy sbornik (1962–2012). M., 2012.
7. Polyakova L.V. Tambovskaya magistral'. Tambov, 2011.
8. Sorokina N.V. Graficheskoe vydelenie slov i vyrazheniy v proizvedeniyakh pisatelya // Sorokina N.V. Tipologiya romanistiki L.M. Leonova. Tambov, 2006.
9. Sedakova O. Malen'kiy shedevr: "Sluchay na stantsii Kochetovka" // Mezhdv dvumya yubileymi (1998–2003): Pisateli, kritiki i literaturovedy o tvorchestve A.I. Solzhenitsyna. M., 2005.
10. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy deystvitel'nosti // Bakhtin M.M. Literaturno-kriticheskie stat'i. M., 1986.

Поступила в редакцию 8.09.2015 г.

UDC 82.09

SPATIO-TEMPORAL COORDINATES OF THE EVENTS IN FLASH FICTION OF A.I. SOLZHENITSYN

Yan BAI, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian Philology and Journalism Department, e-mail: missingapril@yeah.net

Nataliya Vladimirovna SOROKINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: sorok_tam@rambler.ru

The peculiarities of chronotope in the works of A.I. Solzhenitsyn are considered. Based on the materials of the earliest stories “One Day in the Life of Ivan Denisovich”, “An Incident at Krechetovka Station” the artistic details, which create specific marks of real and artistic time and space in flash fiction of the writer are analyzed. The basic directions of artistic search of the writer in the time of national coloration of the time and place of the described events are defined. “The principle of shrinking the time of the fiction” in the story “One Day in the Life of Ivan Denisovich” is founded in detail based on content and linguistic levels. The concrete artistic devices which create the full picture of life during showing the events of life within the frames of the limited time and space range are revealed. Artistic ways of widening the time frames and borders of the closed space are defined. The text units, which are for the formation of specific spacio-temporal connection are marked. New reading of the name of the story “An Incident at Krechetovka Station”, adding the ideas of peculiarities of spacio-temporal organization of prose of the writer is proposed. The reasons of graphical highlighting of the words and phrases in the text of the story are analyzed. The possible vectors of comparative analysis of prose of A.I. Solzhenitsyn and E.I. Zamyatin are founded. The ways of formation of writer’s concept of the link of the past – present – future in the scale of one person and the whole people are denoted.

Key words: stories of A.I. Solzhenitsyn; organization of the spacio-temporal relations; artistic details.

УДК 81'373

**НАИМЕНОВАНИЯ ОТТЕНКОВ ЦВЕТА КАК РЕЗУЛЬТАТ
ОБРАЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ
(на материале наименований модных цветов
осень–зима 2012–2013 и 2013–2014 гг.)¹**

© Людмила Владимировна БАБИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор, профессор кафедры английской филологии,
e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Рассматриваются наименования оттенков цвета как результат образной интерпретации мира человеком. Показывается, что данные языковые единицы возникают вследствие вторичной интерпретации, результатом которой являются новые знания о мире, которые связаны с процессами вторичной концептуализации и категоризации. Данная интерпретация предполагает, что, опираясь на коллективные знания, человек субъективно выделяет определенные их аспекты, на основе которых формируются новые знания, передаваемые производными единицами. Обосновывается важность использования метода когнитивного моделирования при анализе семантики наименований оттенков цвета, позволяющих красочно передать представления о цвете. На материале наименований модных цветов осень–зима 2012–2013 и 2013–2014 гг. выявляются типы когнитивных моделей, по которым образуются цветообозначения: метонимические (WHOLE – PART), метафорические, метафтонимические, пропозициональные когнитивные модели QUALITY (COLOUR) LIKE / AS OBJECT и QUALITY (COLOUR) ASSOCIATED WITH PLACE. Определяются цветообозначения, создание которых осуществляется при помощи одной когнитивной модели (однословные наименования оттенков цвета – *Titanium, Rhapsody, Acai*, etc.), и цветообозначения, при конструировании которых задействуются несколько моделей (составные наименования оттенков цвета – *French Roast, Honey Gold, Pink Flambe*, etc.).

Ключевые слова: интерпретация; наименование оттенка цвета; метонимическая когнитивная модель; пропозициональная когнитивная модель; метафорическая когнитивная модель; метафтонимическая когнитивная модель.

Интерпретация, по мнению Н.Н. Болдырева, разрабатывающего основы изучения языковых единиц как результатов творческой интерпретации мира, может пониматься широко и узко. В широком понимании интерпретация предстает как познавательная активность, осуществляющаяся посредством языка и способствующая появлению нового коллективного знания. Интерпретация в узком смысле – это «языковая познавательная активность отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [1]. Вместе с тем субъективная интерпретация невозможна без опоры на коллективные знания, в т. ч. находящие отражение в языке. Не случайно, как отмечают исследователи, язык, незримо присутствуя в нашей сфере ценностей и сис-

теме жизненных установок, подсказывает тот или иной способ интерпретации окружающего нас мира. Исходя из сказанного, выявляются два типа интерпретации – первичная, результатом которой выступают категоризации естественных объектов, и вторичная, результатом которой являются новые знания о мире, связанные с процессами вторичной концептуализации и категоризации.

Производная лексика отражает знания об объектах и событиях мира, появившиеся вследствие вторичной интерпретации. В ходе данной интерпретации, опираясь на коллективные знания, человек субъективно выделяет определенные их аспекты, на основе которых формируются новые знания, передаваемые производными единицами. Выделение тех или иных аспектов базируется на потребности человека или дать представление об объективных (онтологических) признаках предмета, явления, или о своих субъективных ассоциациях, связанных с ними, которые определяются тем, как человек, являясь определенной личностью и представителем оп-

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте») в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

ределенного этноса, оценивает мир, исходя из своего отношения к миру и своей практической деятельности. Однако даже в случае выбора концептуальных характеристик, отражающих онтологические признаки предмета или явления, вторичная интерпретация зачастую базируется на образности, о чем свидетельствуют английские цветообозначения, создаваемые по различным когнитивным моделям.

Метод моделирования, его использование в когнитивной лингвистике

Метод моделирования лежит в основе любой науки, поскольку изучить какой-либо абстрактный или материальный объект, не прибегая в исследовательских целях к его имитации, невозможно. Термин «модель», являющийся междисциплинарным, характеризуется многозначностью. Вместе с тем, осуществив анализ дефиниций термина «модель», приведенных в энциклопедическом словаре, можно вывести универсальное для всех дисциплин представление о том, что такое модель. Модель – это образец, форма, эталон для производства какого-либо продукта, его более удобная для наблюдения реплика. Модель представляет собой некий схематизированный конструкт, назначение которого имитировать или «замещать» более сложный и трудно наблюдаемый оригинал. Несмотря на упрощенность и схематичный характер, модель позволяет выявить и изучить наиболее важные для исследования свойства исходного объекта, и поэтому она выступает продуктивным способом его познания [2]. Точность разработки модели изучаемого объекта зачастую определяет результат исследования. Выделяются разные типы моделей, поскольку модели могут представлять собой средства изучения или описания внутреннего строения оригинала (структурные модели), его поведения (функциональные модели) и развития (динамические модели) [3].

Хотя метод моделирования признается общелингвистическим, его понимание в различных парадигмах лингвистического знания несколько разнится. Появившись в рамках структурной лингвистики в 60–70-е гг. XX в. благодаря возникновению математической лингвистики и проникновению в языкознание идей и методов кибернетики, термин «модель» использовался в различных облас-

тях – в словообразовании, синтаксисе, стилистике для описания языковых явлений безотносительно лежащих в их основе мыслительных процессов.

В рамках когнитивной лингвистики важным стало показать «соотношение и взаимодействие языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, а также на основе изучения языкового опыта – опыта использования языковых единиц – смоделировать, насколько это возможно, сами эти структуры, их содержание и связи, внося тем самым свой посильный вклад в общую теорию интеллекта» [4]. Такое моделирование структур знания позволяет изучить процесс накопления и обработки информации в сознании человека, а также то, как это знание хранится и активизируется.

Достаточно известным в когнитивной лингвистике является подход к моделированию семантики языковых единиц, предложенный Дж. Лакоффом. Как отмечает Дж. Лакофф, человек прибегает к использованию когнитивных моделей, чтобы понять мир. Он их использует при теоретическом осмыслении мира, при создании научных теорий и теорий для повседневного употребления [5]. Ученый вводит понятие идеализированной когнитивной модели (ИКМ). ИКМ, соотносясь с мыслительными пространствами, передает им заложенную в ней структуру, организуя тем самым наше сознание. В целом, ИКМ может пониматься как обобщенная совокупность концептуальных структур, которая является конвенциональной для говорящих людей, принадлежащих определенному языковому сообществу [6]. В концептуальной системе Лакоффом выделяются четыре типа моделей: образно-схематические, метонимические, метафорические, пропозициональные.

Наименования оттенков цвета, созданные по когнитивным моделям, как отражение образной интерпретации

Рассмотрим наименования модных цветов осень–зима 2012–2013 и 2013–2014 гг., предлагаемых корпорацией Pantone [7; 8], среди которых наряду с уже хорошо известными обозначениями, например, *emerald* (изумрудный, изумрудно-зеленый), используется целый ряд мало известных наименований. Данные наименования, образно передающие представления о том или ином от-

тенке цвета, созданы относительно недавно, например, *koi* (оранжевый Кои, оранжевый оттенок), о чем свидетельствует тот факт, при описании этих цветов дается разъяснение того, что определило использование тех или иных языковых средств для их обозначения.

Изучение данных обозначений оттенков цвета показало, что одной из моделей, определяющих формирование их семантики, является метонимическая когнитивная модель (см. также [9]). Метонимия по-разному определяется в лингвистике: как перенос названия по смежности понятий, как замена одного названия предмета другим названием по отношениям, которые существуют между этими двумя понятиями. Второе определение настолько широко, что позволяет под метонимию подвести самые разнообразные случаи замены одного понятия другим. Так, например, метонимией является замена причины следствием, целого частью или конкретного абстрактным. Метонимия как концептуальное явление впервые привлекла внимание когнитивных лингвистов в 1980 г., о чем свидетельствует книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [5]. В ней, в первую очередь, обращается внимание на то, что метонимия, выходя за рамки языкового явления, функционирует в нашей концептуальной системе в виде устойчивых, регулярных метонимических концептов, которые систематизированы в нашем сознании и отражены в культуре посредством языка. Суть когнитивной метонимии заключается в том, что какая-либо область концептуального содержания может служить средством репрезентации всего концепта. В рамках концептуальной структуры один из входящих в нее концептов может репрезентировать другой связанный с ним концепт или всю структуру в целом.

Для обозначения цвета метонимически могут использоваться названия окружающих нас предметов, растений, явлений живой и неживой природы, которые обладают определенным цветом и воспринимаются как ЦЕЛОЕ (WHOLE), как носители определенного цвета, а цвет воспринимается как ЧАСТЬ (PART). Данная модель активно используется при создании наименований оттенков цвета, о чем свидетельствуют рассматриваемые наименования.

Исследование показало, что их семантику определяет метонимическая когнитивная модель WHOLE – PART, которая может иметь следующие разновидности:

– WHOLE (продукт) – PART (цвет): *French Roast, Bright Chartreuse, Honey Gold*.

French Roast (Французский кофейный). Цвет получил свое название благодаря кофе, который подают во французских кафе и ресторанах. Кофе французского способа обжаривания предназначен для людей не из робкого десятка, поскольку для него отбираются самые твердые латиноамериканские зерна кофе, выдерживающие обжаривание до самого темного цвета. Как отмечают создатели наименования, это изысканный глубокий коричневый оттенок.

Bright Chartreuse (яркий салатовый). Свое название данный яркий салатово-лимонный оттенок получил благодаря известному ликеру Шартрез, рецепт которого изобрели картезианские монахи в монастыре ля Гранд Шартрез близ Гренобля. Разработанный на основе ста тридцати растений этот эликсир имеет несколько вариантов: Зеленый Шартрез (*Chartreuse Verte*), содержащий 55 % об. алкоголя, и более мягкий Желтый Шартрез (*Chartreuse Jaune*) крепостью 43 % об.

Honey Gold (золотой мед). Наименование оттенка цвета представляет собой сочетание, в состав которого входит название такого продукта, как мед, позволяющее уточнить оттенок желтого цвета. При описании цвета приводится следующая его характеристика: «удивительно мягкий приглушенный желтый оттенок <...> призван вызвать приятные и немного ностальгические воспоминания о теплом солнечном лете, которые помогут скрасить холодные и промозглые осенние дни» [7]. Следует отметить, что название цвета *gold* было создано по метонимической модели WHOLE (драгоценный камень, минерал, металл) – PART (цвет), которая была положена в основу наименований оттенков: *emerald, Titanium*.

Titanium (титановый). Как известно, титан – это «металл серебристо-серого цвета с едва заметным светло-золотистым оттенком» [10]. Именно данная информация учитывалась создателями наименования, по мнению которых оно используется для называния приглушенного серо-оловянного оттенка средней интенсивности, являющегося одним

из самых нейтральных и универсальных цветов осени и зимы.

– WHOLE (краска и краситель) – PART (цвет): *Ultramarine Green*.

Ultramarine Green (зеленый ультрамарин). В состав словосочетания – наименования оттенка цвета входит название пигмента, позволяющее уточнить оттенок зеленого цвета. Ультрамарин в зависимости от своего состава может быть белым, зеленым, синим, фиолетовым и красным. В данном случае речь идет о глубоком приглушенном зеленом оттенке.

– WHOLE (артефакт) – PART (цвет): *carafe*.

Carafe (кофейный коричневый, янтарно-кофейный оттенок). При трактовке данного цвета отмечается, что толковать название подобного оттенка можно двояко. Если брать за основу английский вариант, то, вероятнее всего, имеется в виду глиняная или керамическая емкость, предназначенная для приготовления кофе, поскольку дословно *carafe* переводится как *графин*. Если принимать во внимание французскую направленность прошлогоднего популярного оттенка *french roast* (французский кофейный, глубокий коричневый оттенок), то цвет *carafe* означает либо выдержанное вино, налитое в красивый графин, либо же изысканный драгоценный камень [8].

– WHOLE (объект неживой природы) – PART (цвет): *Rose Smoke*.

Rose Smoke (дымчатый розовый). Всем известно, что дым представляет собой поднимающиеся вверх серые клубы. Данная информация учитывается при создании наименования нежного пастельного розового оттенка с легкой дымкой, т. е. серовато-розового цвета.

– WHOLE (объект фауны) – PART (цвет): *koi*.

Koi (оранжевый Кои, оранжевый оттенок). Свое название цвет получил благодаря одной из самых красивых разновидностей декоративных рыб – японских карпов под названием Кои, обладающих очень ярким и привлекательным окрасом (золотые, оранжевые, белые). Название рыбок переводится с японского языка как «парчовый карп», что характеризует модный оранжевый оттенок, который словно покрыт сверху легким сверкающим налетом [8].

– WHOLE (объект флоры) – PART (цвет): *Acai*, *Linden green*, *deep lichen green*, *Rhapsody*, *Tangerine Tango*.

Acai (фиолетовый Асаи, темно-фиолетовый). Наименование данный цвет получил по названию плода пальмы Асаизейро, темно-пурпурной, круглой, маленькой ягоды, которая является отличным природным антиоксидантом.

Linden green (липовый зеленый, желто-зеленый). Как известно, листья липы «весной нежно-зеленые с ярко-красными, парными прилистниками, летом – темно-зеленые, снизу сизоватые, осенью – бледно-желтые, желтые, желто-охряные и переходных тонов. Бледно-кремовые или желтоватые цветки с сильным ароматом...» [11]. Именно данную информацию принимали во внимание создатели наименования, по мнению которых это самый легкий тон оттенков зеленого.

Deep lichen green (зеленый мох, болотный цвет). Наименование оттенка цвета представляет собой сочетание, в состав которого входит название растения мох, позволяющее уточнить оттенок зеленого цвета. При описании цвета приводится следующая его характеристика: «очень близкий к темно-оливковому и светлому камуфляжу, глубокий цвет зеленого мха имеет отношение к хаки...» [12].

Rhapsody (Рапсодия), как отмечается при его описании, «приглушенный серовато-фиолетовый оттенок, один из самых нежных среди топ-10 модных цветов осень-зима 2012–2013» [7]. Данное наименование оттенка отсылает к такому цветку, как роза *Rhapsody in Blue* (Голубая рапсодия). Это сорт необыкновенного цвета, одна из самых близких к синему цвету роз на сегодняшний момент. Ее цветки изначально пурпурно-фиолетовые, но с возрастом выгорают до нежно-серо-сиреневых [13].

Tangerine Tango (Мандариновое танго). Данное наименование используется для обозначения сочного и яркого оранжевого оттенка. При его создании помимо метонимии используется также метафора. Метафорическая модель, как известно, определяется как существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема, соединяющая ментальные репрезентации с чувственной и опытной основой [5]. В соответствии с обозначением, приятным Дж. Лакоффом и

М. Джонсоном, метафорическая модель / метафорическая проекция может быть представлена следующим образом: ОБЛАСТЬ ЦЕЛИ ← ОБЛАСТЬ ИСТОЧНИКА. При создании рассматриваемого наименования оттенка цвета происходит обращение к области источника ТАНЕЦ. Сравнение оттенка цвета со старинным аргентинским танцем танго, отличающимся энергичным и четким ритмом, позволяет передать, насколько ярким является оттенок оранжевого.

Интерес представляют наименования оттенков *Olympian Blue*, *Pink Flambe*, представляющие собой сочетание А А. На наш взгляд, при их формировании метонимический перенос осуществляется более одного раза.

Olympian Blue (Олимпийский синий) – очень смелый насыщенный синий цвет, названный так в честь Олимпийских игр 2012 г. Официальная эмблема Олимпийских игр представляет собой пять сплетенных колец синего, черного, алого, желтого и зеленого цветов, изображенных на белом фоне. Следовательно, сначала осуществляется метонимический перенос WHOLE (событие) – PART (эмблема), затем WHOLE (эмблема) – PART (кольцо синего цвета) и, наконец, WHOLE (кольцо синего цвета) – PART (цвет).

Pink Flambe (розовый огонь) – яркий, но в то же время нежный розовый оттенок с легким дымчатым налетом. Составной частью данного наименования является прилагательное *flambé* (политый спиртом и подожженный). Через описание процесса происходит отсылка к огню, пламени, для которого характерны наличие яркости, а также дымки, что и учитывается при создании данного наименования оттенка.

Создание рассмотренных наименований предполагает обращение к метонимической когнитивной модели, однако при формировании некоторых цветообозначений, представляющих собой сочетание существительного и прилагательного (N A), типа *Linden green*, *Honey Gold*, *Ultramarine Green* следует учитывать и пропозициональную модель QUALITY (COLOUR) LIKE / AS OBJECT (КАЧЕСТВО (ЦВЕТ), ПОДОБНОЕ ОБЪЕКТУ). Пропозициональная модель выводится с учетом того, что исходное сочетание может быть подвергнуто прямому преобразованию

в словосочетание иного типа: *Linden green* – green as a linden (зеленый как липа), *Honey Gold* – gold as honey (желтый как мед), *Ultramarine Green* – green as ultramarine (зеленый как ультрамарин). Такого рода преобразование позволяет восстановить связь между двумя компонентами словосочетания. Кроме того, при восстановлении пропозициональной модели учитывается семантика сложных слов, образованных по модели N + A. Словообразовательное значение данных слов, с которым соотносится вышеупомянутая пропозициональная когнитивная модель, выявляется на основе дефиниций сложных слов. Например: *ruby-red* (рубиново-красный) – of a colour at the end of the colour spectrum (next to orange); resembling the colour of blood or cherries or tomatoes or rubies (цвет, подобный цвету крови, вишни, помидоров, рубинов); *lime-green* (яркий светло-зеленый) – having a bright, light-green colour, like that of a lime (цвет, подобный цвету лайма); *sulphur-yellow* (зеленовато-желтый) – of something having the yellow colour of sulfur (цвет, подобный цвету серы) [14]. С учетом дефиниций сложных прилагательных словообразовательное значение можно определить следующим образом: *have colour (red, green, yellow) like / as colour of something (ruby, sulphur, lime)* (иметь цвет (красный, зеленый, желтый), подобный цвету чего-либо (рубина, серы, лайма)).

Интерес представляет наименование оттенка цвета *Mykonos blue* – сочетание N A, составной частью которого является топоним. Пропозициональная модель, определяющая семантику подобного цветообозначения, выявляется на основе их дефиниций и словообразовательного значения. Рассмотрим дефиниции цветообозначений, составной частью которых являются топонимы:

Lincoln green (желтовато-зеленый или коричневатозеленый) – a yellowish-green or brownish-green colour; so named after a green fabric formerly made at Lincoln, England (называется по цвету ткани, произведенной в Линкольне) [15];

Persian pink (персидский розовый, светло-розовый) – since the color rose is so well loved in Persia (Iran), some shades of rose are named after Persia, such as the light tone of rose at right that is called Persian pink. This colour is very popular in women's fashion. The

first recorded use of Persian pink as a color name in English was in 1923 (название дается по названию страны – Персии (Иран), в которой этот цвет пользуется популярностью) [16].

Принимая во внимание приведенные дефиниции, словообразовательное значение наименований оттенков цвета можно определить как: *colour associated with place* (цвет, ассоциируемый с местом). Пропозициональная модель, соотносимая с данным словообразовательным значением, будет иметь следующий вид: QUALITY (COLOUR) ASSOCIATED WITH PLACE (КАЧЕСТВО (ЦВЕТ), АССОЦИИРУЕМОЕ С МЕСТОМ). Очевидно, что, как и в предыдущих случаях, активизируются наши фоновые знания, а именно знания об этом месте. Первый компонент словосочетания *Mykonos blue* (Миконос синий, темно-синий) является названием одного из самых красивых греческих островов в Средиземном море.

Что касается наименований оттенков *samba* (красная Самба, вишнево-красный оттенок), *turbulence* (турбулентный серый, темно-серый графитный оттенок), то при создании данных наименований цвета, скорее всего, действовала метафтонимическая модель (сочетание метафорической и метонимической моделей) [17]. В основу названия цвета *samba* положено название одного из самых зажигательных латиноамериканских танцев, как следствие этого, ассоциации, связанные с этим танцем, переносятся на цвет – драматический, смелый, экстравагантный. Одним из популярных цветов в одежде танцоров, исполняющих этот танец, является красный цвет, поэтому, возможно, при создании наименования использовался и метонимический перенос.

Цветовое обозначение *turbulence* прямо не называет цвет, но имплицитно указывает на характеристику цвета – интенсивность. Как известно, турбулентность – это явление, наблюдаемое во многих течениях жидкостей и газов и заключающееся в том, что в этих течениях образуются многочисленные вихри различных размеров, которые характеризуются большой интенсивностью [18]. По мнению создателей цветового обозначения, *turbulence* – интенсивно серый – символизирует природу: мокрый асфальт, промозглое осеннее графитное небо, первые заморозки. Метоними-

ческий перенос заключается в том, что свойство определенного явления указывает не на сам цвет, а на отдельную характеристику серого цвета.

Особняком стоит цветовое обозначение *vivacious* (живительная фуксия, живительный розовый, карминово-розовый оттенок с легким дымчатым подтоном), образованное от английского прилагательного *vivacious*, которое переводится как *живой, оживленный*. По субъективной характеристике, приписываемой цвету создателями наименования и обозначаемой прилагательным, называется цвет – глубокий цвет живительной фуксии, ассоциирующийся с неудержимостью, дикостью и чувственностью [12].

Таким образом, все наименования оттенков цвета, активизируя знания о предметах и явлениях окружающего мира, передают не только представления о цвете, но и ассоциации, связанные с объектами и явлениями, названиями которых обозначается цвет.

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о том, что наименования оттенков цвета образно, т. е. творчески преобразовано, живо, красочно, отражают знания о явлениях мира, появившиеся вследствие вторичной интерпретации. При формировании семантики цветовых обозначений используются разные когнитивные модели: метафорические, метафтонимические когнитивные модели, метонимическая когнитивная модель WHOLE – PART, пропозициональные когнитивные модели QUALITY (COLOUR) LIKE / AS OBJECT и QUALITY (COLOUR) ASSOCIATED WITH PLACE. При этом может использоваться как одна модель (однословные цветовые обозначения), так и несколько (составные цветовые обозначения).

1. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. 19. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сборник научных трудов. Москва; Тамбов, 2014. С. 20-28.
2. Беляевская Е.Г. Модель и моделирование в лингвистических исследованиях // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов, 2008. С. 98-110.
3. Пиотровский Р.Г. Моделирование в лингвистике // Вопросы романского и общего языкознания. СПб., 1998. С. 86-96.

4. *Болдырев Н.Н.* Принципы и методы когнитивных исследований языка // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов, 2008. С. 11-29.
5. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.
6. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.
7. Модные цвета осень–зима 2012–2013. URL: <http://signorina.ru/1566-modnye-cveta-osen-zima-2012-2013.html> (дата обращения: 16.08.2015).
8. Модные цвета осень–зима 2013–2014. URL: <http://signorina.ru/page,2,1807-modnye-cveta-osen-zima-2013-2014.html> (дата обращения: 16.08.2015).
9. *Бабина Л.В.* О некоторых когнитивных моделях, определяющих создание наименований оттенков цвета (на материале наименований модных цветов осень–зима 2013–2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5. Ч. 1. С. 27-30.
10. Космический металл: (Все о титане). URL: <http://www.markmet.ru/kniga-po-metallurgii/kosmicheskii-metall-vse-o-titane> (дата обращения: 16.08.2015).
11. Дерево Липа. URL: <http://flower.onego.ru/kustar/tilia.html> (дата обращения: 16.08.2015).
12. URL: http://zdorov.forblabla.com/blog/45355184066/Modnyie-tsveta-sezona-osen-zima-2013-2014?from=mail&l=bnq_bn&bp_id_click=43564986985&bpid=43564986985 (дата обращения: 16.08.2015).
13. Rhapsody in Blue: Энциклопедия роз. URL: <http://www.rosebook.ru/roses/modern-shrub/rhapsody-in-blue/> (дата обращения: 16.08.2015).
14. Wordnik. URL: <http://www.wordnik.com> (accessed: 16.08.2015).
15. Онлайн-словарь ABBYY Lingvo-Online. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com> (дата обращения: 16.08.2015).
16. URL: <http://en.wikipedia.org> (дата обращения: 16.08.2015).
17. *Riemer N.* Remetonymizing metaphor: Hypercategories in semantic extension // Cognitive linguistics. 2002. Vol. 12. № 4. P. 379-401.
18. Значение слова «Турбулентность». URL: <http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-T/T14106.shtml> (дата обращения: 16.08.2015).
2. *Belyaevskaya E.G.* Model' i modelirovanie v lingvisticheskikh issledovaniyakh // Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka. Tambov, 2008. S. 98-110.
3. *Piotrovskiy R.G.* Modelirovanie v lingvistike // Voprosy romanskogo i obshchego yazykoznanija. SPb., 1998. S. 86-96.
4. *Boldyrev N.N.* Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka // Printsipy i metody kognitivnykh issledovaniy yazyka: sb. nauch. tr. Tambov, 2008. S. 11-29.
5. *Lakoff Dzh., Dzhonson M.* Metafor, kotorymi my zhivem. M., 2004.
6. *Lakoff G.* Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. Chicago, 1987.
7. Модные tsveta osen'–zima 2012–2013. URL: <http://signorina.ru/1566-modnye-cveta-osen-zima-2012-2013.html> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
8. Модные tsveta osen'–zima 2013–2014. URL: <http://signorina.ru/page,2,1807-modnye-cveta-osen-zima-2013-2014.html> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
9. *Babina L.V.* O nekotorykh kognitivnykh modelyakh, opredelyayushchikh sozdanie naimenovaniy ottenkov tsveta (na materiale naimenovaniy modnykh tsvetov osen'–zima 2013–2014 gg.) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2014. № 5. Ch. 1. S. 27-30.
10. Kosmicheskiy metall: (Vse o titane). URL: <http://www.markmet.ru/kniga-po-metallurgii/kosmicheskii-metall-vse-o-titane> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
11. Derevo Lipa. URL: <http://flower.onego.ru/kustar/tilia.html> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
12. URL: http://zdorov.forblabla.com/blog/45355184066/Modnyie-tsveta-sezona-osen-zima-2013-2014?from=mail&l=bnq_bn&bp_id_click=43564986985&bpid=43564986985 (data obrashcheniya: 16.08.2015).
13. Rhapsody in Blue: Entsiklopediya roz. URL: <http://www.rosebook.ru/roses/modern-shrub/rhapsody-in-blue/> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
14. Wordnik. URL: <http://www.wordnik.com> (accessed: 16.08.2015).
15. Onlayn-slovar' ABBYY Lingvo-Online. URL: <http://lingvopro.abbyyonline.com> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
16. URL: <http://en.wikipedia.org> (data obrashcheniya: 16.08.2015).
17. *Riemer N.* Remetonymizing metaphor: Hypercategories in semantic extension // Cognitive linguistics. 2002. Vol. 12. № 4. P. 379-401.

18. Znachenie slova "Turbulentnost". URL:
<http://alcala.ru/bse/izbrannoe/slovar-T/T14106.shtml>
(data obrashcheniya: 16.08.2015).

Поступила в редакцию 8.09.2015 г.

UDC 81'373

THE NAMES OF COLOUR SHADES AS A RESULT OF FIGURATIVE INTERPRETATION OF THE WORLD BY MAN (BASED ON THE MATERIAL OF NAMES OF FASHIONABLE COLOURS AUTUMN–WINTER 2012–2013 AND 2013–2014)

Lyudmila Vladimirovna BABINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Professor of English Philology Department, e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

The names of colour shades as a result of figurative interpretation of the world by man are considered. It is shown that these linguistic units are formed in the process of secondary interpretation, which results in new knowledge about the world related to secondary processes of conceptualization and categorization. This interpretation suggests that a person taking into account the collective knowledge of the world subjectively highlights certain aspects of them, on which new knowledge represented by derived units is generated. The importance of using the method of cognitive modelling in the analysis of the semantics of names of color shades, allowing vividly convey ideas about color, is substantiated. The types of cognitive models according to which the colour terms are formed – metonymic (WHOLE – PART), metaphoric, metaphonymic, propositional cognitive models QUALITY (COLOUR) LIKE / AS OBJECT and QUALITY (COLOUR) ASSOCIATED WITH PLACE by the material of nominations for fashionable colours autumn–winter 2012–2013 and 2013–2014. The colour terms the creation of which is realized by a certain cognitive model (single-word names of color shade – *Titanium*, *Rhapsody*, *Acai*, etc.) are distinguished and colour terms under designing of which several models (composite names of color shade – *French Roast*, *Honey Gold*, *Pink Flambe*, etc.) are implemented.

Key words: interpretation; nomination of colour shade; metonymic cognitive model; propositional cognitive model; metaphoric cognitive model; metaphonymic cognitive model.

КОРЕНЬ *-ПИТ-* В РУССКОМ ТОПОНИМИКОНЕ¹

© Антонина Семеновна ЩЕРБАК

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и журналистики,
e-mail: ant_scerbak@mail.ru

Посвящена рассмотрению этимологии корня *-ПИТ-*, лежащего в основе ойконимов *Питерка*, *Питерка 1-я*, *Питерка 2-я*, *Питерское*, *Питим*, гидронима *Питерка* на территории Тамбовской области, улицы *Питиримская* в г. Тамбове. Данный факт позволяет говорить о ретроспективном осмыслении номинации в русской ономастике. Доказывается, что топонимы как одна из составляющих ономастического пространства определяются тремя уровнями категоризации: базовым, субординатным и суперординатным. Общепринятые названия ойконимов и городских линейных объектов содержат наиболее ценную информацию, характеризующую адресность (официальные наименования топонимов). Такие топонимические единицы сосредоточены на базовом уровне. Неофициальные названия адресных объектов, данные местными жителями, например, *Питер*, ориентированы на обиходную устную речь (на основе ассоциаций, созвучия и т. п.) и представлены на субординатном уровне. На этом же уровне представлены и топонимы, бытующие в разговорной речи, когда коммуниканты владеют ситуацией общения и сопровождающая топоним апеллятивная единица может опускаться: *Я живу в Питере. Мне выходить на Ценского*. Лингвокогнитивная направленность исследования позволяет рассмотреть специфику номинации географических объектов в понятийном ракурсе, при которой внимание сосредоточено на ментальных процессах возникновения в языке топонимических и урбанонимических единиц, сопровождающих расширение парадигмы лингвистического руссифицирования.

Ключевые слова: номинация в русской ономастике, корень *-ПИТ-*, категоризация топонимов, апеллятивно-онимический комплекс.

Наибольший пласт географических онимов, отмеченных на территории Тамбовской области, содержит финно-угорские, мордовские и тюркские элементы. Иноязычные топонимы на территории области являются одной из наиболее ранних форм отражения географической действительности в сознании человека, возникших в первую очередь ради ориентирования в пространстве. Они и сохраняются до сегодняшнего дня потому, что служат для передачи пространственных отношений с помощью пространственных ориентиров в той или иной языковой среде.

Б.И. Зимин отмечает, что тюркское наследие оставило довольно значительный след в топонимике Тамбовской области (населенные пункты: *Энгуразово*, *Карай-Марьино*, *Карай-Салтыки*; гидронимы *Балыклей*, *Битюг*, *Ира*, *Каиша* и др.) [1, с. 182-184]. Наличие финно-угорских элементов в тамбовской топонимии отмечал П.Я. Горбунов (реки *Пишляйка*, *Пичаевка*, *Савала* и др.) [2, с. 165-175]. М.Н. Морозова выделяла мордовские элементы в названиях рек, населен-

ных пунктов и урочищ (*Мокша*, *Калаис*, *Мокрая* и *Сухая Панда*, *Пичаево*, *Липляй* и др.) [3, с. 52-63].

Являясь преимущественно русской, тамбовский топонимикон содержит мордовские (в основном эрзянские), татарские и синкретичные (в основном русско-мордовские), а также другие единицы. При этом мордовские элементы доминируют в гидронимических названиях (эрзянский детерминатив *-лей* и мокшанский *-ляй*, *-лай* в значении «река»).

Обращает на себя внимание тот факт, что на современной карте Тамбовской области в Жердевском и Пичаевском районах отмечаются два села с одинаковым названием *Питим*.

Поздняя колонизация Тамбовского края (к концу XVII в. набеги с юга и юго-востока на территорию Тамбовщины почти прекратились) способствовала дальнейшему заселению и освоению западной, восточной и южной частей Тамбовского края. Освоение русскими поселенцами Жердевского района началось на рубеже XVII–XVIII вв., в этот период мелкими помещиками и их крестьянами-однодворцами было основано село,

¹ Работа выполнена в рамках реализации РГНФ за 2015 г., проект № 15-04-00379.

Питим. Причем следует отметить, что это село было основано экономическими (ранее монастырскими) крестьянами, переселившимися из одноименного села Пичаевского уезда [4, с. 443]. Село *Питим* Жердевского р-на упоминается в документах ревизской сказки 1834 г. по Бурнакской волости Борисоглебского уезда под названием: «*Деревня Питим*».

Относительно этимологии первоначального названия Питим однозначных сведений не имеется. Однако существует несколько версий, одна из которых восходит к мужскому имени Питирим.

А.В. Суперанская, отвечая в «Российской газете» (РГ (Неделя) № 4418 от 20 июля 2007 г.) на вопрос Л.В. Питиримовой из Краснодарского края о происхождении фамилии Питиримов, пишет: «Фамилия Питиримов образована от имени Питирим, происхождение которого не ясно. Оно появляется в церковных календарях в XVIII в. как имя нескольких монахов. В старых календарях были имена Питим и Питирун, также не вполне понятные».

Анализ святцев показал, что имя Питирим было преимущественно монашеским, мирских людей этим именем практически не называли. Вполне логично предположить, что первоначальное село *Питим* Пичаевского района взяло в основу своего названия церковное имя *Питирим* с усечением до *Питим*. В пользу этой версии служит тот факт, что село *Питим* было основано крепостными крестьянами Солотчинского монастыря.

Как известно, к числу тамбовских святых относится просветитель Тамбовского края святитель Питирим – епископ Русской православной церкви, епископ Тамбовский и Козловский.

Заметим, анализ планов города Тамбова 1884, 1914 и 1917 гг. выявляет ряд изменений в названиях улиц. В XIX – начале XX в. вследствие усиления влияния церкви увеличивается количество улиц, имеющих церковные названия, среди которых отмечена улица *Питиримская*. В 1918 г. «в соответствии с духом времени», в связи с тем, что она носила «буржуазное» название, улица *Питиримская* была переименована в улицу *Степана Разина*.

По свидетельству Н.В. Муравьева, «в документах ревизской сказки 1795 г. записа-

но, что деревня *Питим* населена экономическими крестьянами». «Судя по документам, *Питим* основан значительно раньше 1795 г. крепостными крестьянами Солотчинского монастыря» [5, с. 91].

Согласно другой версии, этимология топонима *Питим* может быть основана на водах, изложенных Е.В. Львовым. По его мнению, в древнейшие времена был образ богочеловека Йимы (Имир, Богумир), царя золотого века, жившего на территории современной России и упоминаемого в священном писании древних ариев Авесте. В настоящее время в нашей стране, по утверждению Е.В. Львова, локализовано множество топонимов, призванных увековечить образ Йимы. Среди списка названий автор приводит и название *Питим* [6].

В этимологическом словаре тюркских слов значится перевод формы *-pit-* – *кончаться*. Можно предположить, что поселение могло изначально располагаться вблизи водоема (ручья или реки), т. е. вблизи того места, где река или ручей кончаются, т. е. у их устья. В этом случае название поселения можно возвести к характеристикам водного объекта, исток – устье [7, с. 116].

В ряду слов с корнем *-ПИТ-* выделяется крупное старинное село Моршанского района *Питерское*, впервые упомянутое в документах 1623 г. Оно было названо по реке *Питерка*. Название, возможно, восходит к слову *питер* в выражении «много было у батюшки и питеру и и'деру», т. е. «питья и еды» – от *пить*, как *и'дер* – от *еда*, *есть*. Такое выражение бытует в олонецких говорах [8, с. 21; 9, с. 268].

М.Н. Морозова считает, что название *Питерка* восходит к мордовскому слову *пиче / пича* в значении «сосна» [3, с. 8]. По мнению ученого, река получила название по роду соснового леса по ее берегам. К мордовскому слову *пиче* восходит и гидроним *Пичера* – «сосновая река». На карте Тамбовской области в настоящее время она обозначена как *Печора*, видимо, это произошло по причине «забвения» этимологии гидронима русскоязычным населением.

В ойконимах *Питерка*, *Питерка 1-я*, *Питерка 2-я*, *Питерское* (Моршанский р-н), *Питим* (Жердевский р-н, Пичаевский р-н) [10, с. 235] и гидрониме *Питерка* явно присутствует общий корень ПИТ. Этот корень,

по свидетельству Н.К. Фролова, отмечен в хантыйском топонимиконе со значением «черный» [11, с. 125] – иноязычная основа оформлена русским словообразовательным формантом.

По мнению Б.А. Серебrenникова, названия населенных пунктов с формантом *-ИМ* (типа Питим) в языке манси и хантов используются в обозначении рек, а сам формант является пермскоугорским по происхождению и ассоциируется со значением «река» [12, с. 19]. Следовательно, *Питим* – это «черная река». Вероятно, и *Питерка*, имеющая тот же корень, имеет то же значение.

Как известно, что в древности со словом «черный» многие народы, в частности иранцы, тюрки, угро-финны, связывали свое представление о пространстве, увязывая его с практикой ориентации в окружающем мире. Этим словом они обозначали *север*, северную сторону небосклона, где находилась Полярная звезда.

В настоящее время следует учитывать тот факт, что данная территория являлась местностью наиболее позднего заселения русскими, в названиях сел отразилась история заселений, построек церквей, владение земель или особенности рельефа местности, наличие рек, озер, лесов и т. п. Меняется уклад жителей, появляются новые официальные названия, но среди народа уживаются те представления о названии, которые близки и понятны, опираются на традиции.

Так, числительные в названиях сел *Питерка 1-я* и *Питерка 2-я* (Моршанский р-н) актуализируются в сознании как единицы, служащие для кодирования нумеративного топонимического смысла и представлений. В памяти человека названия местности, в которых используются числительные, хранятся как отдельные единицы, структура каждой из которых отражает очередность заселения местности во времени. Например, выходцы из *Левых Ламок* основали позже *Вторые Левые Ламки*, и уже затем появилось население с названием *Третьи Левые Ламки*.

Это своего рода топонимическая омонимия. Однако наличие числительного *Первый*, *Второй*, *Третий* снимает эту омонимичность.

При освоении пространства в аспекте времени первый объект в этом случае является первичным, соответственно, все другие –

последующие. Иными словами, первоначальное название (первое) всегда ценится выше нового, ибо оно есть абсолютное начало, т. е. не имеет прецедента. Возможно, речь должна идти и о глубокой привязанности людей к тем местам, которые они покинули, возможно, вынужденно.

Обращает на себя внимание тот факт, что порядковое числительное могло употребляться в качестве самостоятельного названия топообъекта. Так, в начале XIX в., когда южная часть города Тамбова застраивалась, появились улицы *Первая*, *Вторая*, *Третья*, *Четвертая* и *Пятая*. Данная модель для номинации тамбовских населенных пунктов не характерна.

Таким образом, топонимическая картина мира, отраженная в наименованиях ойконимов, являет собой сложную системно-структурную организацию и служит средством фиксации реалий окружающей действительности и тех ее особенностей, которые отражают важные культурно-исторические события, социально-бытовые особенности из жизни населения, т. е. представления человека о мире и в то же время понимание этого мира самим носителем языка.

Рассмотрение имени собственного в аспекте теории иерархической организации топонимикона позволяет опираться на теорию трех уровней категоризации топонимических единиц, под которыми понимаются различные способы структурирования знания, находящие выражение в ономастике: *базовый*, *суперординатный* и *субординатный* [13, с. 76-80].

Наибольшая часть ономастических знаний человека и общепринятых именований сосредотачивается на базовом уровне, который является определяющим в структуре ономастической категоризации. *Базовым* уровнем является срединный уровень, на котором объективируются знания о традиционном (официальном) названии географической местности. Этот уровень содержит наибольшую часть наших топонимических знаний.

Суперординатный уровень передает знания общего порядка, на этом уровне топонимические знания объективированы категорией единицей МЕСТО. На *субординатном* уровне сосредоточены неофициальные названия географических объектов, сохраняя при этом локальные особенности на фоне

общерусской ономастической традиции. Этот уровень репрезентирует топонимическую картину, которая имеет место в том или ином регионе. Используя традиционные модели названия, каждый регион, в зависимости от местных традиций, понимания окружающей действительности, поэтики слова, которые присущи данной среде, вносит в эту традицию (или сохраняет традиции) определенные коррективы. Иными словами, если в каком-либо регионе отмечаются некоторые отступления от традиционно принятых норм, то у жителей данного региона именно на субординатном уровне сосредотачивается специфика в назывании.

Известно, что 16 (27) мая 1703 г. город Санкт-Петербург был основан русским царем Петром I, и свое название он получил в честь святого апостола – Святого Петра, небесного покровителя императора. Однако неофициальное название города *Питер* бытует в разговорной речи, т. е. ориентировано на обиходную устную речь (по всей вероятности, на основе ассоциаций, созвучия).

Подобного рода неофициальные названия, как, впрочем, и официальные названия типа «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», Тамбовская область, поэма «Тамбовская казначейша», конфеты «Тамбовский волк» функционируют в составе апеллятивно-онимических комплексов. Ср.: Питерский университет, торговый комплекс «Питер», Издательский дом «Питер», Питерский медицинский университет, движение «Питерский щит», Питерский бренд, Питерский клуб рыбаков, Словарик питерского сленга, питерский жаргон, русский шансон «Питерский централ» и др.

В этом случае топоним функционирует только в составе апеллятивно-онимического комплекса, в который входят апеллятивная лексика и единичное наименование объекта, в нашем случае слово *Питер* и производное от него – *питерский*. Наличие апеллятивно-онимических комплексов служит показателем того, что имена собственные, функционирующие только в составе апеллятивно-онимических комплексов, всегда сопровождаются апеллятивной лексикой (поэма, конфеты, университет, бренд, жаргон, сленг и т. д.).

На субординатном уровне сосредоточены и высказывания с отсутствующими именами нарицательными типа город, улица.

Ср.: *Я живу в Питере*. Аналогичными примерами могут служить высказывания типа *Живу на Ценского*. *Живу на Интернациональной*. *Мне выходить на Чичканова*. Коммуниканты владеют ситуацией общения, и апеллятивная единица, сопровождающая топоним, может опускаться.

Таким образом, частотность названий с корнем -ПИТ- имеет прямое отношение не только к человеческому стремлению разделения действительности естественным путем и особому способу его представления в языке, но и к явлению антропоцентризма в языке, поскольку только в результате своей деятельности человек, в силу своего воображения, расчленяет окружающий его географический мир, устанавливает связи между объектами и присваивает им имена собственные. В результате топонимическое пространство предстает как когнитивная сущность.

Рассмотрение различных интерпретаций этимологии одного корня в ойконимах *Питерка*, *Питерка 1-я*, *Питерка 2-я*, *Питерское*, *Питим*, гидронима *Питерка* на территории Тамбовской области, улицы *Питирикская* в г. Тамбове и неофициальное название *Питер* в настоящее время в сознании носителей русского языка фонетически увязались. Рассмотрение их в аспекте иерархии трех уровней категоризации топонимических единиц позволяет детальнее описать категории, функционирующие в топонимической системе языка, что дает новый инструментальный лингвистическому исследованию.

1. *Зимин Ю.И.* Мордовские и татарские названия населенных пунктов Тамбовской области // Вопросы краеведения в школах и пединститутах. Тамбов, 1962.
2. *Горбунов П.Я.* К вопросу о топонимах Тамбовской области // Вопросы краеведения в школах и пединститутах. Тамбов, 1962.
3. *Морозова М.Н.* Мордовские элементы в топонимии Тамбовской области // Ономастика Поволжья. Горький, 1971.
4. Тамбовская энциклопедия / под ред. Л.Г. Протасова. Тамбов, 2004.
5. *Муравьев Н.В.* Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988.
6. *Львов Е.В.* Участие семейства слогов «ем / им» в словообразовании. URL: <http://www.sworld.com.ua/simpoz2/214.pdf> (дата обращения: 12.05.2015).

7. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М., 2003.
8. Дмитриева Л.И., Щербак А.С. Словарь гидронимов Тамбовской области. Тамбов, 2000.
9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1987. Т. 3.
10. Щербак А.С., Буркин А.А. Из опыта изучения ареальных характеристик ойконимов с диалектными основами в сравнении с ареалами соответствующих диалектных лексических единиц // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2013. Вып. 9 (125). С. 235-242.
11. Фролов Н.К. Избранные работы по языкознанию: в 2 т. Тюмень, 2005. Т. 2. Топонимика и этнонимика.
12. Серебренников Б.А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1955. № 6.
13. Щербак А.С. Когнитивный подход к изучению ономастики // Проблемы науки и образования в условиях мировой глобализации: труды 7 Международной научно-практической конференции. Шымкент, 2015.
4. Tambovskaya entsiklopediya / pod red. L.G. Protasova. Tambov, 2004.
5. Murav'ev N.V. Iz istorii vozniknoveniya naselennykh punktov Tambovskoy oblasti. Voronezh, 1988.
6. L'vov E.V. Uchastie semeystva slogov "em / im" v slovoobrazovanii. URL: <http://www.sworld.com.ua/simpoz2/214.pdf> (data obrashcheniya: 12.05.2015).
7. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S". M., 2003.
8. Dmitrieva L.I., Shcherbak A.S. Slovar' gidronimov Tambovskoy oblasti. Tambov, 2000.
9. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. M., 1987. T. 3.
10. Shcherbak A.S., Burykin A.A. Iz opyta izucheniya areal'nykh kharakteristik oykonimov s dialektnymi osnovami v sravnenii s arealami sootvetstvuyushchikh dialektnykh leksicheskikh edinit' // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2013. Vyp. 9 (125). S. 235-242.
11. Frolov N.K. Izbrannye raboty po yazykoznaniiyu: v 2 t. Tyumen', 2005. T. 2. Toponimika i etnonimika.
12. Serebrennikov B.A. Volgo-Okskaya toponimika na territorii Evropeyskoy chasti SSSR // Voprosy yazykoznaniiya. 1955. № 6.
13. Shcherbak A.S. Kognitivnyy podkhod k izucheniyu onomastiki // Problemy nauki i obrazovaniya v usloviyakh mirovoy globalizatsii: trudy 7 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Shymkent, 2015.
1. Zimin Yu.I. Mordovskie i tatarskie nazvaniya naselennykh punktov Tambovskoy oblasti // Voprosy kraevedeniya v shkolakh i pedinstitutakh. Tambov, 1962.
2. Gorbunov P.Ya. K voprosu o toponimakh Tambovskoy oblasti // Voprosy kraevedeniya v shkolakh i pedinstitutakh. Tambov, 1962.
3. Morozova M.N. Mordovskie elementy v toponimii Tambovskoy oblasti // Onomastika Povolzh'ya. Gor'kiy, 1971.

Поступила в редакцию 9.09.2015 г.

UDC 81'373.21

ROOT -PIT- IN RUSSIAN TOPONYMICON

Antonina Semenovna SCHERBAK, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor of Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

It is devoted to the review of etymology of the root -PIT-, which is based on the oikonym *Piterka*, *Piterka 1st*, *Piterka 2nd*, *Piterskoe*, *Pitirim*, hydronym *Piterka* on the territory of Tambov region, Piterskaya street in Tambov. This fact let us talk about retrospective consideration of nomination in Russian onomastics. It is proved, that toponyms as of the components of onomastic space is defined by three levels of categorization: basic, subordinate and superordinate. Generally accepted names of oikonyms and urban linear units contain the most valuable information, which characterizes the addressness (official names of topounits). Such toponymic units are concentrated on basic level. Unofficial names of address units, given by the local inhabitants, for example *Пумер* (Peter, short for Saint-Petersburg), are oriented for the everyday oral speech (based on associations, accord and etc.) and are presented at subordinate level. At this level toponyms are also presented, which are used in colloquial speech, when communicators own the situation of communication and the accompanying toponym appellative unit may be omitted. *I live in Peter. I am going out at Tsensky street.* Linguacognitive direction of the research let review the specifics of nomination of geographic units in conceptual perspective when the attention is focused on mental processes of appearance in the language of toponymic and urbanonymic units, accompanying the widening of paradigm of linguistic studies of Russian.

Key words: nomination in Russian onomastics; root -PIT-; categorization of toponyms; appellative-onymic complex.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 37

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ «КОМПЕТЕНЦИЯ», «КОМПЕТЕНТНОСТЬ», «КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД» В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

© Айнагуль Бектасовна ТУМАНОВА

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, доктор филологических наук,
профессор кафедры русской филологии и мировой литературы,
e-mail: a.tumanova@inbox.ru

Изложен краткий обзор употребления актуальных в современной науке терминов: компетенция, компетентность, компетентностный подход с целью определить к ним авторское отношение. Рассматривается проблема формирования образовательных (ключевых) компетенций у обучающихся, представлена попытка поспособствовать повышению качества образования и решению проблемы подготовки высококвалифицированного специалиста, соответствующего международным стандартам. Современное общество требует формирования конкурентоспособного специалиста, умеющего реагировать на быстроменяющиеся обстоятельства жизни, в связи с чем является актуальным определение целостной системы ключевых компетенций, среди которых важное место занимает коммуникативная компетенция. Совершенствование данного вида компетенции необходимо для эффективного осуществления речевой деятельности как в сфере социально-культурной, так и в будущей профессиональной. Это объясняется тем, что речь, с одной стороны, является средством общения и взаимодействия между людьми, с другой стороны, показателем интеллектуального потенциала будущего специалиста. Утверждается, что внедрение компетентностного подхода в вузы повышает эффективность учебного процесса, и, соответственно, будет повышаться качество образования. Поэтому необходима разработка новых стандартов обучения, новых типовых и рабочих программ, учебно-методических комплексов, учебников и учебных пособий, ориентированных на ожидаемые результаты.

Ключевые слова: компетенция; компетентность; компетентностный подход; ключевые компетенции; коммуникативная компетенция.

В системе образования в последние десятилетия обрели большую популярность такие понятия, как «компетенция», «компетентность», «компетентностный подход». Данные термины рассматриваются с различных позиций, поэтому не имеют однозначного толкования.

Обзор литературы позволяет говорить о том, что одни исследователи рассматривают понятия «компетенция» и «компетентность» как синонимичные, или как взаимообусловленные и взаимодополняемые понятия, другие же – различают их как два самостоятельных понятия. Согласно первой точке зрения: понятие «компетенция» (от лат. – способный, знающий, осведомленный, авторитетный) означает позитивную оценку, некое знание и умение, вызывающее доверие к специалисту, уровню его профессиональной подготовлен-

ности. Отсюда термины «компетенция» и «компетентность» понимаются как: способность делать что-либо эффективно; соответствие требованиям при трудоустройстве; способность выполнять профессиональные функции (Глоссарий терминов Европейского фонда образования – ЕФО, 1997).

Согласно другой точке зрения термин «компетентность» – это социально-профессиональная деятельность человека, основанная на знаниях, т. е. компетенциях (Дж. Равен). По мнению А.В. Хуторского, данные понятия разделяются следующим образом: компетенция – совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), сформированных в пределах каких-либо предметов (процессов) и необходимых для качественной продуктивной деятельности. А компе-

тентность – это владение человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности [1, с. 35].

Следует отметить большой вклад в разработку проблем, связанных с изучением и использованием понятий «компетенция» и «компетентность», российских и зарубежных исследователей Л.А. Петровской, Т.Г. Бариновой, А.Г. Бермус, Е.А. Быстровой, О.Е. Лебедева, И.А. Зимней, Н.В. Кузьминой, Л.М. Митиной, О.Е. Лебедева, Е.В. Зеленской, А.В. Хуторского, Э.Ф. Зеер, Б. Оскарссон, Дж. Равен, Д.Е. Дэвидсона, М.Д. Аскич и других, а также казахстанских ученых: М.Ж. Джадриной, К.К. Жанпеисовой, К.Л. Кабдоловой, Ж.Х. Салхановой, К.У. Кунаковой, Г.Д. Аульбековой, В.А. Болотова, В.В. Серикова, Ж.Т. Даулетбековой, А.Б. Тумановой, Б.А. Ариновой, В.Е. Абаева, Ж.Н. Бисенбаевой и др.

Понятие «компетенция» в образовании применительно к теории языка ввел Н. Хомский в 70-х гг. XX в. в США, где данное понятие стало широко использоваться (затем и в странах Европы) в связи с проблемой индивидуализации обучения. Поэтому американские ученые связывают компетентность не с профессиональной характеристикой, а с общей характеристикой субъекта. Н. Хомский предлагает различать знание языка и компетенции, под знанием он выделяет систему языка, а под компетенцией – использование языка в конкретных ситуациях [2].

На сегодняшний день всем понятно, что обществу нужны специалисты с багажом знаний, умений и навыков, соответствующих требованиям рынка труда, имеющие способности решать задачи в практической деятельности. В связи с этим мы согласны с мнением Г.К. Селевко о том, что термины компетенция и компетентность разграничиваются: компетенция есть образовательный ресурс, выражающийся в подготовленности выпускника. В реальном владении методами, средствами деятельности форма сочетания знаний, умений, навыков позволяет ставить и достигать цели по преобразованию окружающей среды. Компетентность есть интегративное качество личности, проявляющееся в общей способности и готовности к деятельности, основанной на знаниях и опыте [3, с. 163].

В рамках непрерывного образования выделяются следующие виды компетенций: готовность к научному, системному познанию мира, готовность к социализации и общественной деятельности, стремление совершенствовать себя. Что же касается высшего образования, целью которого является подготовка квалифицированного специалиста, то компетентность определяется в узкой сфере профессиональной деятельности и в широкой области профессиональной деятельности, в общенаучной сфере, в сфере социальных отношений. В связи с этим совершенно справедливо утверждение Ж.Х. Салхановой о том, что особую актуальность приобретает расширение и разработка в образовательной программе всех видов учебной деятельности, приближенной к профессиональной. При создании планов внеучебных мероприятий следует учитывать необходимость формирования ценностно-смысловых и социальных компонентов компетентности будущего специалиста [4, с. 77-78].

М.В. Рыжаков отмечает, что быть компетентным означает способность мобилизовать в данной ситуации полученные знания и опыт [5, с. 12-24]. По мнению Ж.Х. Салхановой, компетенция не может быть изолирована от конкретных условий ее реализации. Она тесно связывает одновременную мобилизацию знаний, умений и способов поведения, настроенные на условия конкретной деятельности. Компетенция не сводится ни к знаниям, ни к умениям. Часто можно встретить людей, обладающих обширными знаниями, но не умеющих мобилизовать их соответствующим образом в нужный момент. Быть компетентным не означает быть ученым или образованным. Таким образом, компетенция становится сферой отношений, существующих между знанием и действием в человеческой практике. Связь эта очевидна: без знаний нет компетенции, но не всякое знание и не во всякой ситуации проявляет себя как компетенция [4, с. 83-84].

Обобщая материал по рассматриваемому вопросу, приведем толкование компетенции в образовании (оно несколько отличается от указанных значений) – это совокупность знаний, навыков и умений, формируемых в процессе обучения по той или иной дисциплине, а также способность к выполнению каких-либо определенных видов деятельно-

сти. Отсюда следует, что компетентность – непосредственный результат образования, выражающийся в овладении учащимися определенным набором способов деятельности. Кроме того, понятие компетентности включает не только когнитивную и операционально-технологическую составляющие, но и мотивационную, этическую, социальную и поведенческую [6]. Данное понятие включает результаты обучения (знания, умения и навыки), систему ценностных ориентаций, привычки и др. В связи с этим компетентности формируются не только в процессе обучения в школе и вузе, но и под влиянием семьи, социального окружения, политики, культуры и т. п. [7].

Компетентность – это готовность и способность личности реализовать свою образованность в условиях практической деятельности. Соответственно профессиональная компетентность включает в себя собственно профессиональное образование человека, опыт работы по специальности, постоянное повышение уровня образования и квалификации, его социальную зрелость (ответственное отношение к работе, проявление инициативности, креативности, толерантности и др.). Все эти моменты должны учитываться в структуре и содержании образования на всех его уровнях (М.Ж. Джадрина, К.Т. Арынов, Г.З. Байжасарова, Д.Н. Кулибаева, С.Д. Муканова, Ж.Х. Салханова и др.).

В данной работе мы используем термины компетенция и компетентность как понятия, неразрывно связанные друг с другом: формирование определенных знаний, умений и навыков (компетенции), которыми нужно владеть, а уровень сформированности определенных знаний, умений и навыков определяет уровень владения ими (компетентность). Компетентность в рамках обсуждаемой темы обозначает уровень образованности, т. е. овладение обучающимся рядом социально необходимых компетенций (названных в науке ключевыми), которые позволят субъекту действовать адекватно в незнакомой ситуации.

Коммуникативный подход. Конкурентоспособность человека на современном рынке труда во многом зависит от его способности приобретать и развивать умения, навыки и компетенции, которые могут использоваться в его практической деятельности. В совре-

менных условиях уровень образованности определяется не объемом знаний, а способностью решать проблемы различной сложности на основе имеющихся знаний. Соответственно в педагогической среде акцентируется внимание на компетентностном подходе в преподавании, конечным результатом которого является моделирование специалиста – компетентного человека, т. е. специалиста с развитыми компетенциями в различных сферах деятельности (О.Е. Лебедев, Т.Г. Барина, Д.Е. Дэвидсон, Э.Ф. Зеер, М.Ж. Джадрина, В.А. Болотов, В.В. Сериков и др.).

Таким образом, компетентностный подход – это совокупность общих принципов определения целей образования, организации образовательного процесса и оценки образовательных результатов. К числу таких принципов относятся следующие положения:

1) смысл образования заключается в развитии у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования социального опыта, элементом которого является и собственный опыт учащихся;

2) содержание образования представляет собой дидактически адаптированный социальный опыт решения познавательных, мировоззренческих, нравственных, политических и иных проблем;

3) смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучаемых опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных проблем, составляющих содержание образования;

4) оценка образовательных результатов основывается на анализе уровней образованности, достигнутых обучающимися на определенном этапе обучения (О.Е. Лебедев, Д.Е. Дэвидсон, Э.Ф. Зеер, А.Г. Бермус, И.А. Зимняя, Е.В. Зеленская, А.В. Хуторской и др.).

В системе образования различают 3 важных этапа становления компетентностного подхода:

1-й этап (1960–1970 гг.) – вводится в научный оборот термин «компетенция», выделяются факторы для дифференциации терминов «компетенция» и «компетентность»;

2-й этап (1970–1990 гг.) – используются термины «компетенция» и «компетентность» в профессиональной подготовке в сфере менеджмента (теория и практика);

3-й этап (с 1990 г.) – рассматривается компетентность в образовании как профессиональная компетентность.

В период 3-го периода развития компетентностного подхода в содержании документов ЮНЕСКО определяются компетенции, которые должны рассматриваться всеми как ожидаемые результаты образования. Кроме того, устанавливается необходимость введения компетентностного подхода в систему современного образования в связи с требованиями Болонского процесса.

Образовательный процесс при компетентностном подходе выполняет роль основного средства целенаправленной подготовки студентов к самообразованию, благодаря чему обучающийся научится самостоятельно проектировать и двигаться к осуществлению своих жизненных и профессиональных задач. Следовательно, как утверждает Ж.Х. Салханова, современный качественный результат образования представляет собой предварительно выделенный состав определенных компетенций, отраженный в компетентностной модели образования и модели выпускника как соответствующей заказу потребителя, социальному заказу. Соответственно модель специалиста и является не только основным показателем качества и результата образования, но и системообразующим фактором для определения качественных характеристик как всего категориального состава системы компетентностного образования, так и характеристик составляющих его компонентов: стратегии, цели, содержания, методов, технологий, средств обучения, форм контроля и оценки и т. д. [4, с. 83].

Таким образом, совокупность определенных знаний, умений и навыков, называемые компетенциями, должна быть конкретно обозначена в программах, курсах как ожидаемые результаты, которыми обучающемуся нужно овладеть.

Изучение научно-методической литературы по развитию ключевых компетенций в разных странах (см. систему образования в Нидерландах, Австрии, Британии) убеждает в том, что ключевые компетенции – это необходимое условие повышения качества

высшего и среднего профессионального образования, это совокупность компетенций, позволяющих вести себя уверенно и адекватно той или иной ситуации.

По словам А.Г. Бермус, формулировки ключевых компетенций представляют наибольший разброс мнений; при этом используются как европейская система ключевых компетенций, так и классификации российских и казахстанских ученых, в составе которых представлены от 3 до 39 различных видов компетенций. Для разных типов деятельности ученые выделяют различные виды компетентности. Наиболее общими среди них можно выделить следующие компетенции: ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая компетенции и компетенции личностного самосовершенствования [8]. Приведем некоторые из них. Например, Советом Европы (1996) определяются 5 групп ключевых компетенций, о формировании которых очень важно знать при обучении по современным образовательным программам:

1) политические и социальные компетенции, такие, как способность брать на себя ответственность, участвовать в совместном принятии решений, регулировать конфликты ненасильственным путем, участвовать в функционировании и в улучшении демократических институтов;

2) компетенции, касающиеся жизни в многокультурном обществе (межкультурные компетенции);

3) компетенции, касающиеся владения устным и письменным общением, которые важны в работе и общественной жизни;

4) компетенции, связанные с возникновением информационного общества;

5) способность учиться всю жизнь как основа непрерывной подготовки в профессиональном плане.

Авторы «Стратегии модернизации содержания общего образования» выделяют в структуре ключевых компетентностей:

– компетентность в сфере самостоятельной познавательной деятельности, основанную на усвоении способов приобретения знаний из различных источников информации, в т. ч. внешкольных;

- компетентность в сфере гражданско-общественной деятельности (выполнение ролей гражданина, избирателя, потребителя);
- компетентность в сфере социально-трудовой деятельности (в т. ч. умение анализировать ситуацию на рынке труда, оценивать собственные профессиональные возможности, ориентироваться в нормах и этике взаимоотношений, навыки самоорганизации);
- компетентность в бытовой сфере (включая аспекты собственного здоровья, семейного бытия и проч.);
- компетентность в сфере культурно-досуговой деятельности (включая выбор путей и способов использования свободного времени, культурно и духовно обогащающих личность);
- компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности;
- компетентности, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми;
- компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах компетентности.

Ж.Х. Салханова, основываясь на данной классификации ключевых компетенций / компетентностей, выделяет 4 блока компетенций (10 основных видов компетенций), которые в дальнейшем проявятся в качестве компетентностей:

- 1) компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности, общения;
- 2) компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы;
- 3) компетенции, относящиеся к деятельности человека;
- 4) компетенции информационных технологий: прием, переработка, выдача информации; преобразование информации (чтение, конспектирование), массмедийные, мультимедийные технологии, компьютерная грамотность; владение электронной, интернет-технологией.

Кроме того, Ж.Х. Салханова отмечает, что компетенции намного шире суммы знаний, умений и навыков, приобретаемых в процессе обучения, хотя формируются на их основе [4, с. 86].

К.Ж. Аганина же выделяет в качестве ключевых всего 3: компетентность решения

проблем, информационную компетентность, коммуникативную компетентность [6].

Обзор научной литературы позволяет утверждать, что ключевые компетенции очень разнообразны, многомерны, многопрофильны и могут использоваться в различных сферах деятельности обучающего: в учебной, научной и будущей профессиональной деятельности. По мнению Ж.Н. Бисенбаевой, «компетентностный подход, наряду с личностно-ориентированным, являясь ведущей образовательной парадигмой в методологическом плане, оказывает влияние на основные компоненты системы языкового образования: цели, содержание, методы обучения [7]. Этот подход включает результаты обучения (знания, умения и навыки), систему ценностных ориентаций, привычки и др. В связи с этим компетентности формируются не только в процессе обучения в школе и вузе, но и под влиянием семьи, социального окружения, политики, культуры и т. п.

Компетентностный подход позволяет осуществлять обучение иностранному языку с учетом реальных потребностей общества / личности, практики социального межкультурного взаимодействия, основывать учебный процесс на мотивации обучающихся, формировать и развивать ценностные ориентиры» [9, с. 44].

Иными словами, ключевые компетенции формируются в процессе реализации компетентностного подхода, сущность которого заключается в том, что обучающийся должен ставиться в различные ситуации, в которых он должен вести себя адекватно целям и задачам общения, для чего ему необходимо использовать полученные знания, умения и навыки. Совокупность знаний, умений, навыков и опыта, необходимых обучающемуся для его практической деятельности, А.В. Хуторский называет образовательными компетенциями. Мы согласны с выбором такого термина – образовательные компетенции, т. е. способствующие получению образования (знаний по какой-либо дисциплине, области, сфере), образованности (суммы определенных компетенций) в определенной сфере деятельности обучающегося: учебной, учебно-научной, научной, профессиональной.

Таким образом, основываясь на вышеуказанных классификациях ключевых компетенций, предлагаем выделить следующие

(применительно к языковым дисциплинам) образовательные компетенции: коммуникативная компетенция, информационная компетенция, социально-культурная компетенция, предметная компетенция, учебно-профессиональная компетенция. Ведущей из ключевых компетенций является коммуникативная компетенция, формирование которой непосредственно ведется в процессе обучения языку (английскому, казахскому, русскому). При этом формирование профессиональной коммуникативной компетенции осуществляется в пределах системы высшего образования. Отсюда понятно, что роль языковых дисциплин в вузе еще больше повышается, это требование времени, современного рынка труда. В этой связи требуется совершенствовать программы, конкретизировать цели, задачи и конечные результаты (компетенции), внедрять современные эффективные формы и методы работы в учебный процесс.

Объективная необходимость модернизации современной системы обучения (в частности и языкам) в Казахстане нашла свое выражение в уровне организации учебного процесса, во внедрении кредитной технологии обучения. На наш взгляд, это способствует повышению качества образования. Уровневое обучение языку как важному элементу общей и профессиональной культуры и средству профессионального общения приобрело особую актуальность [10–14]. Кроме того, в стране с 2005 г. идет реализация национально-культурного проекта «Триединство языков в Республике Казахстан», что также актуализирует необходимость знания языков. С целью осуществления компетентного подхода разработаны и внедрены новые стандарты и новые дисциплины. Так, для студентов неязыковых вузов республики изучение дисциплины «Профессиональный русский язык» / «Профессиональный казахский язык» / «Профессиональный английский язык» – это не только средство овладения будущей специальностью, но и возможность осуществлять в будущем компетентное профессиональное общение, что позволит легко адаптироваться к динамично изменяющимся условиям трудовой деятельности.

1. Хуторской А.В. Ключевые компетенции как компонент личностно ориентированного об-

- разования // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-64.
2. Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.
3. Селевко Г.К. Педагогические компетенции и компетентность // Сельская школа. 2004. № 3.
4. Салханова Ж.Х. Компетентность и компетенции. Алматы, 2013.
5. Рыжаков М.В. Ключевые компетенции для Европы // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 2.
6. Аганина К.Ж. Оқушылардың экономикалық білім берудің дидактикалық негіздері: пед. ғыл.: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Алматы, 2004.
7. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. 2012. 10 июля.
8. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы реализации компетентного подхода в образовании. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения: 10.08.2015).
9. Бисенбаева Ж.Н. Формирование коммуникативной компетенции у будущих офицеров на основе современных педагогических технологий: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Алматы, 2013.
10. Туманова А.Б. Уровневое обучение языкам в техническом вузе как один из способов повышения речевой культуры // Русская речевая культура и текст: 8 Международная научная конференция. Томск, 2014. С. 314-318.
11. Tumanova A.B., Dauletbekova Z.T. and other. Level of language learning in a technical college in polylingual specialist training // 4 International Conference on Science and Technology. L., 2014.
12. Туманова А.Б., Павлова Т.В. Коммуникативные технологии обучения русскому языку как один из эффективных способов подготовки будущих специалистов // Язык и межкультурная коммуникация: сборник материалов 3 Международной научно-теоретической конференции. Алматы, 2014. С. 35-38.
13. Туманова А.Б. Реализация компетентного подхода в преподавании русского языка в техническом вузе // Компетенции и компетентный подход в современном образовании: коллективная монография. М., 2013. С. 210-230.
14. Tumanova A.B., Kurmanbay G.S., Pavlova T.V. Formation of communicative competences at trainees in process of languages training in non-language higher education institution // Science and World. International scientific journal. Volgograd, 2014. Vol. 3. № 5 (9). P. 74-79.

1. *Khutorskoy A.V.* Klyuchevye kompetentsii kak komponent lichnostno orientirovannogo obrazovaniya // *Narodnoe obrazovanie*. 2003. № 2. S. 58-64.
2. *Khomskiy N.* Yazyk i myshlenie. M., 1972.
3. *Selevko G.K.* Pedagogicheskie kompetentsii i kompetentnost' // *Sel'skaya shkola*. 2004. № 3.
4. *Salkhanova Zh.Kh.* Kompetentnost' i kompetentsii. Almaty, 2013.
5. *Ryzhakov M.V.* Klyuchevye kompetentsii dlya Evropy // *Standarty i monitoring v obrazovanii*. 1999. № 2.
6. *Aganina K.Zh.* Okushylardynekonomikalyk bilim berudin didaktikalyk negizder: ped. gyl.: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Almaty, 2004.
7. *Nazarbaev N.A.* Sotsial'naya modernizatsiya Kazakhstana: Dvadsat' shagov k Obshchestvu Vseobshchego Truda // *Kazakhstanskaya pravda*. 2012. 10 iyulya.
8. *Bermus A.G.* Problemy i perspektivy realizatsii kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii. URL: [//www.eidos.ru/jornal/2002/0423.htm](http://www.eidos.ru/jornal/2002/0423.htm) (data obrashcheniya: 10.08.2015).
9. *Bisenbaeva Zh.N.* Formirovanie kommunikativnoy kompetentsii u budushchikh ofitserov na osnove sovremennykh pedagogicheskikh tekhnologiy: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Almaty, 2013.
10. *Tumanova A.B.* Urovnevoe obuchenie yazykam v tekhnicheskoy vuzakh kak odin iz sposobov povysheniya rechevoy kul'tury // *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: 8 Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya*. Tomsk, 2014. S. 314-318.
11. *Tumanova A.B., Dauletbekova Z.T. and other.* Level of language learning in a technical college in polylingual specialist training // *4 International Conference on Science and Technology*. L., 2014.
12. *Tumanova A.B., Pavlova T.V.* Kommunikativnye tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak odin iz effektivnykh sposobov podgotovki budushchikh spetsialistov // *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya: sbornik materialov 3 Mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii*. Almaty, 2014. S. 35-38.
13. *Tumanova A.B.* Realizatsiya kompetentnostnogo podkhoda v prepodavanii russkogo yazyka v tekhnicheskoy vuzakh // *Kompetentsii i kompetentnostnyy podkhod v sovremennoy obrazovanii: kollektivnaya monografiya*. M., 2013. S. 210-230.
14. *Tumanova A.B., Kurmanbay G.S., Pavlova T.V.* Formation of communicative competences at trainees in process of languages training in non-language higher education institution // *Science and World. International scientific journal*. Volgograd, 2014. Vol. 3. № 5 (9). P. 74-79.

Поступила в редакцию 10.09.2015 г.

UDC 37

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT "COMPETENCE", "COMPETENCY", "COMPETENCE APPROACH" IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION OF SCIENCE AND EDUCATION

Ainagul Bektasovna TUMANOVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Doctor of Philology, Professor of Russian Philology and World Literature Department, e-mail: a.tumanova@inbox.ru

A short review of use of relevant terms in modern science: competence, competency and competence approach with the aim of defining the author's relation is given. The problem of formation of educational (key) competences at students is reviewed, an attempt to provide the rise of the quality of education and the decision of the problem of preparation of highly qualified specialist, who will suit the international standards is presented. Modern society requires the formation of competitive specialist, who can react on the rapidly changing life circumstances, because of this the concept of full system of key competences is relevant, where an important place takes communicative competence. The improvement of this type of competence is needed for effective implementation of speech activity both in the sphere of social-cultural and for future profession. This is explained by the reason that the speech of the one hand is the mean of communication and interaction between people, on the other hand the marker of intellectual potential of future specialist. It is stated that the implementation of competence approach in the institutes of higher education increases the efficiency of educational process and accordingly will increase the quality of education. That is why the development of new standards of education, new typical and working programs, educational and methodic complexes, textbooks and school-books, oriented on the expected results is needed.

Key words: competence; competency; competence approach; key competence; communicative competence.

УДК 378

К ПРОБЛЕМЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ КРЕДИТНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

© Раушан Дуйсеновна ЕЛИБАЕВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева,
г. Шымкент, Республика Казахстан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры педагогики, e-mail: raushan_1959kz@mail.ru

© Гульнара Шингисовна ДЖУМАГУЛОВА

Южно-Казахстанский гуманитарный институт им. М. Сапарбаева,
г. Шымкент, Республика Казахстан, кандидат психологических наук,
доцент, зав. кафедрой педагогики, e-mail: zhumagulova-73@mail.ru

Рассматривается современная ситуация профессионального общения, которая диктует определенные требования, для выполнения которых необходимым является не только правильное оформление единиц языка профессиональной коммуникации, эквивалентность их значений, но и соответствие необходимым международным стандартам. В связи с этим в Республике Казахстан в условиях кредитной технологии обучения в вузах самостоятельная работа студентов является одной из важнейших инновационных форм обучения в содержании системы высшего образования. Эффективность проведения самостоятельной работы студентов зависит от правильного сочетания объема аудиторной и самостоятельной работы. Доказывается, что одна из главных задач самостоятельной работы обучающегося – это обеспечение глубины изучения и прочности усвоения студентами учебного материала, его профессиональной компетенции, потребности к самообразованию и саморазвитию, развития критического мышления. Внедрение новых технологий обучения – это инновационный процесс, он подчиняется всем требованиям и правилам инновационной деятельности. Кредитная технология – это образовательная технология, повышающая уровень самообразования студентов и творческого освоения знаний на основе индивидуализации, выборности образовательной траектории в рамках строгой регламентации учебного процесса и учета объема знаний в виде кредитов.

Ключевые слова: кредитная технология; самопознание студента; методы и приемы.

В настоящее время активизация самостоятельной работы студента является одним из основных направлений перестройки системы высшего образования в Казахстане. Сегодня специалист с высшим образованием – это человек, свободно ориентирующийся в мировом информационном пространстве, имеющий необходимые знания и навыки о современной информационной технологии, совершенствующий свои знания. И в этой связи высшая школа Казахстана находится на пути возрождения интеллектуального потенциала республики, формирования личности творческой, всесторонней. Важными условиями, определяющими эффективность самостоятельной работы студента, являются правильное сочетание объема аудиторной и самостоятельной работы.

В последнее десятилетие в системе образования Республики Казахстан в целом и в высших учебных заведениях в частности отмечается направленность на модернизацию всех сфер системы образования. В связи с

этим идут активные процессы по выявлению и установлению инновационных подходов в обучении и подготовке будущих специалистов, соответствующих требованиям современного времени (поддержка Лиссабонской конвенции, присоединение к Болонскому процессу, реализация проекта о триединстве языков в Республике Казахстан и др.). Для чего разрабатываются новые стандарты образовательного содержания, основанного на интеграции науки и образования, внедряются современные педагогические парадигмы и подходы для достижения высокого качества организации учебного процесса и тем самым способствующие более качественной подготовке специалистов (компетентностный подход, личностно-ориентированный подход; «образование, ориентированное на результат», обучение в течение жизни; конкретизация результатов образования, формирующихся в виде различного типа компетенций) [1, с. 170-171].

Главные задачи самостоятельной работы студента – это обеспечивать глубину изучения и прочность усвоения обучающимся учебного материала, его профессиональную компетенцию, потребность к самообразованию и саморазвитию, развития критического мышления. Организация самостоятельной работы предполагает определение места самостоятельной работы обучающегося, эффективные формы и методы обучения, разработку соответствующих методических рекомендаций и указаний.

В этих условиях значительный акцент должен быть сделан на функции преподавателя при организации самостоятельной работы обучающегося:

- 1) планирование и организация домашних заданий;
- 2) объяснение цели каждого задания и процедуры выставления оценок;
- 3) консультация и помощь в выполнении заданий;
- 4) своевременная проверка заданий и представление обратной связи в виде поправок, комментариев и оценок;
- 5) точные записи о выставленных оценках.

Вести эти записи следует в понятной и удобной форме, представлять их обучающимся (а также администрации) по их просьбе в любое время. На кафедре должен быть заведен журнал самостоятельной работы студентов и журнал самостоятельной работы студента под руководством преподавателя, возле кафедры должен быть вывешен график их проведения.

Самостоятельная работа студентов включает два вида.

1. Выполнение домашних заданий, таких как реферат, кейс кроссворд, решение задач, упражнений и т. п. *Домашние задания выполняются самим студентом.* Для этого он снабжается заданиями преподавателем и рекомендациями по их выполнению. Очень важно, чтобы соблюдалась ритмичность в течение семестра.

2. Выполнение аудиторной самостоятельной работы студентов, цель которой углубить знания по изучаемой дисциплине, получить практические навыки и определить степень усвоения теоретического материала.

Аудиторная самостоятельная работа студентов осуществляется на всех видах

учебных занятий: лекции, практические (семинарские), лабораторные занятия.

Аудиторная самостоятельная работа студентов – это совместная работа студента и преподавателя, поскольку учебные занятия проводятся в диалоговом режиме – тренинг, дискуссия, деловая и дидактическая игра, презентация, составление кейса, разработка индивидуального и группового проектов и т. п.

Самостоятельная работа студентов под руководством преподавателя – одна из форм учебной работы при обучении по кредитной технологии. Проводится в виде аудиторного занятия. Имеет 2 функции – **консультативную и контролирующую.**

Исследователи, занимающиеся проблемой самостоятельной работы студентов, вкладывают в понятие «самостоятельная работа» разное содержание (С.И. Архангельский, И.А. Зимняя, С.В. Акманова, В. Граф, И.И. Ильясов, Б.П. Есипов, Т.Д. Речкина, А.Г. Молибог, В.М. Андронов, Э.В. Гопан). Самостоятельная работа трактуется как самостоятельный поиск необходимой информации (С.И. Архангельский); как творческая деятельность (И.А. Зимняя), как разнообразные виды индивидуальной или групповой деятельности студентов на занятиях или во внеаудиторное время без преподавателя, но под его контролем (Б.П. Есипов), как самообразование студента (С.В. Акманова). На наш взгляд, самостоятельная работа может рассматриваться как один из видов познавательной деятельности, направленной на общеобразовательную и специальную подготовку студентов под управлением преподавателя. В данном случае преподаватель приобретает статус консультанта, который планирует, оценивает и контролирует самостоятельную деятельность студентов.

Важными условиями, определяющими эффективность самостоятельной работы студентов, являются: правильное сочетание объема аудиторной и самостоятельной работы; правильная методическая организация работы студента (побуждение студента работать самостоятельно); обеспечение необходимыми методическими материалами (процесс самостоятельной работы постепенно должен превращаться в творческий); постоянный контроль выполнения самостоятельной работы (оценка результатов) [2, с. 49].

В настоящее время активизация самостоятельной работы студентов является одним из основных направлений перестройки системы высшего образования в Казахстане. Сегодня специалист с высшим образованием – это человек, свободно ориентирующийся в мировом информационном пространстве, имеющий необходимые знания и навыки о современной информационной технологии, совершенствующий свои знания, т. е. учащийся «всю жизнь».

И в этой связи высшая школа Казахстана находится на пути возрождения интеллектуального потенциала республики, формирования личности творческой, всесторонней. Переход с традиционного (линейного) образования на нелинейную систему обучения (кредитную), при которой обучающиеся могут индивидуально планировать последовательность образовательного процесса, связан с коренной перестройкой всего учебного процесса в системе высшей школы.

Современные требования к профессиональной подготовке специалистов диктуют необходимость усвоения большого объема информации, а также самостоятельного совершенствования полученных знаний и применения их в практической деятельности.

Важными условиями, определяющими эффективность самостоятельной работы студентов, являются: правильное сочетание объема аудиторной и внеаудиторной работы; правильная методическая организация; постоянный контроль самостоятельной работы. В настоящее время модульная технология предполагает оценивание знаний рейтинговым методом, позволяющим проверить знания студентов на каждом этапе его работы [3, с. 76].

Новые образовательные парадигмы требуют значительного повышения качества знаний в профессиональной подготовке молодых специалистов, что повышает ответственность преподавателя как организатора нового типа обучения. Кредитная технология обучения позволила качественно изменить содержание образования, формы и методы обучения. В этих условиях характер взаимодействия участников учебного процесса отражается в форме сотрудничества преподавателя и студента. И в этой связи обучение русскому языку в группах с государственным

языком обучения приобретает качественно новое значение.

Самостоятельную работу можно рассматривать как обязательный вид учебной деятельности студента и как эффективный способ обучения, несмотря на сложность и неразработанность многих ее аспектов [4, с. 6].

Особенно следует отметить в этой проблеме обучение студентов с государственным языком обучения приемам самостоятельной работы как важную учебную задачу вузовского курса русского языка.

Основная цель обучения русскому языку в группах с государственным языком обучения состоит не только в практическом владении языком, но и предполагает наличие таких умений и навыков в различных видах речевой деятельности, которые должны быть ориентированы на:

- 1) чтение профессионально-ориентированных текстов на русском языке в связи с профессиональной деятельностью будущего специалиста;
- 2) устное общение в связи с профессиональной деятельностью будущего специалиста;
- 3) устное общение в ситуациях повседневного обихода;
- 4) переводное аннотирование и реферирование текстов на русском языке.

В условиях кредитной технологии обучения самостоятельная работа студентов управляемая и целенаправленная, где практическому русскому языку отводится в расчете 3 (аудиторных часов в неделю) + 3 (часов на самостоятельную работу – в неделю) в отношении учебной аудиторной работы.

Виды и формы занятий зависят от учебного материала, курса, уровня подготовки студентов, эрудиции, цели, которая ставится при изучении материала.

Одним из видов самостоятельной работы студентов по практическому русскому языку является подготовка **диалогов** и монологических высказываний по определенной тематике либо произвольной. Диалогические высказывания призваны формировать инициативную речь, направленную на получение информации, требующей умения задавать вопросы, понимать речь собеседника, подавать реплики, регулирующие речь партнера. Для самостоятельной работы над диалогом (особенно для студентов, плохо владеющих русской речью) целесообразно давать гото-

вые диалоги, дополнить репликами. Самостоятельная работа по подготовке диалогов на русском языке крайне необходима для коммуникации, и, как показывает практика, способствует развитию говорения, что вызывает у студентов особую заинтересованность в изучении языка.

Также одним из видов самостоятельной работы можно считать изучение пословиц, поговорок, фразеологизмов и крылатых изречений. Они вызывают особую трудность понимания в речи и крайне необходимы в коммуникативных ситуациях. Студенту следует выполнить все задания по этому виду работы письменно, а затем подготовиться к устному ответу, желательно при устных ответах использовать их в соответствии с ситуацией.

Обычно для выполнения такой самостоятельной работы используется т. н. «тематическая» классификация («Язык и общество», «Человек. Внешний и внутренний мир человека», «Образование», «Моя специальность», «Я и моя карьера» – презентация или видеопрезентация, «Проблемы экологии моего края», «Труд. Способности. Талант» и др.). Такой подход к такому виду самостоятельной работы студента является важным этапом в подготовке к коммуникативной деятельности.

Неоспоримым фактом является выполнение тренировочных упражнений, которые представляются органической частью **самостоятельно работы студентов**. Выполнение большого числа тренировочных упражнений и заданий несомненно способствует не только развитию навыков письменной речи, но и обеспечивает более успешное выполнение письменных упражнений занятия. Высвобождает время для проведения преподавателем различных видов творческих упражнений. Составление плана, тезиса, аннотации, отзыва, написание реферата, доклада – эти виды также следует включать в **самостоятельную работу студентов**. Они являются определенным этапом к выполнению курсовых и дипломных работ, а также к серьезному научному исследованию.

Самостоятельная работа – это система реализации взаимодействий педагога и студента. Преподавателю принадлежит ведущая роль в этом процессе [5, с. 6]. Необходимо объяснить, а лучше показать, как нужно ра-

ботать со словарем, по учебнику, сколько времени заниматься, в какой последовательности выполнять домашнюю работу. Домашнее задание должно планироваться преподавателем так, чтобы оно являлось связующим звеном между предыдущим и последующим аудиторным занятием.

Ведущим средством регулирования самостоятельной работы являются четко сформулированные цели, задачи и установки. Обучаемый должен совершенно точно представлять себе, какой цели служит выполнение самостоятельной работы, для какой деятельности необходимо приобретение тех или иных навыков и умений. Для выработки навыков и умений полезно использование различных памяток. Памятки помогают студентам усвоить действия, обеспечивают понимание специально ориентированных текстов [6, с. 16]. Отработка содержания памятки начинается на занятии и проводится на небольшом учебном материале сначала с помощью преподавателя, а потом под его наблюдением. После такой пошаговой подготовки в аудитории студенты готовы к самостоятельной работе.

Можно привести несколько примеров памяток, которые предлагаются для формирования приемов самостоятельного чтения. Во-первых, при чтении текста ваша основная задача – понять содержание. Читая текст, постараться понять значения новых слов по контексту. В процессе чтения ответить на вопросы: кто? где? зачем? когда? Опираясь на содержание текста, мысленно восстановить текст. Во-вторых, приступая к работе, помните, что вы готовитесь к пересказу. Подумайте, что в тексте является главным для пересказа, а что второстепенным. Составьте план пересказа. Подберите ключевые слова.

В дальнейшем регуляция активности обучаемого со стороны преподавателя уступает место саморегуляции, самооценке студента.

Психологи рассматривают самоконтроль и самооценку как комплексное умение обучаемых самостоятельно находить, исправлять и оценивать свою работу на основе сопоставления с эталонным уровнем. Для этого у студента должна быть программа, помогающая ему организовать управление учебной деятельностью. Этот документ должен состоять из: 1) требований и типов заданий

для проведения самоконтроля; 2) контрольных текстов с тестами и ключами. При этом отношение студента к учебе, внутренняя установка, мотивация играют решающую роль. При изучении русского языка студентами, окончившими школу с государственным языком обучения, самостоятельная работа заключается в выполнении языковых упражнений подстановочного, трансформационного типа [7, с. 26]. Цель этих упражнений – выработка автоматизма в употреблении грамматического, лексического материала и развитии речевых навыков. Предлагаемые задания должны быть интересны и познавательны.

Это необходимо для поддержания активности на занятии, а также для более качественного овладения языком. Аудиторная самостоятельная деятельность направлена на развитие различных речевых умений. Например: составление диалога по образцу, составление рассказа по опорным словам, на вопросы по прослушанному тексту и т. п.

Необходима стратегия запоминания новых слов. Например: 1. Ассоциация слова с контекстом, если нужно запомнить какое-то слово, полезно запомнить ситуацию, в которой оно встретилось, или текст. При необходимости воспроизведения данного слова припоминание текста, ситуации существенно облегчит задачу. 2. Использование карточек – один из способов запоминания новых слов. На одной стороне карточки пишется русское слово, на другой – перевод на родной язык. Карточки позволяют учить слова в различном порядке, возвращаться к ним по мере необходимости.

Одним из важнейших аспектов самостоятельной работы студентов, окончивших школу на государственном языке, является чтение. Перед преподавателем стоит сложная задача: научить читать, преодолевая дистанции от простого к сложному.

Обучение чтению как одному из видов самостоятельной работы студентов требует большой практики [8, с. 5]. Студенты должны читать ежедневно. Чтение учебника – это необходимый минимум для студентов с разными способностями. Способным студентам можно рекомендовать чтение газет, журналов, использовать возможности интернет-ресурсов. Для проверки самостоятельной работы студентов необходимо использовать эф-

фективные формы. Проверку самостоятельного чтения студентов следует проводить с учетом того, какой вид чтения был предложен. С самого начала обучения чтению у студентов необходимо выработать умения, нужные при различных видах чтения. Чтение на начальном этапе предполагает правильное чтение вслух, узнавание слов, словосочетаний, интонирование, полное и точное понимание текстов.

На продвинутом этапе студенты должны не только понять содержание, осмыслить, но и переработать его. Для этого нужно научить самостоятельному умению выделять в тексте главное, сделать обобщающие выводы, уметь пересказать, оценить критически прочитанное. Таким образом, задачи обучения чтению как самостоятельному умению виду речевой деятельности заключаются в следующем: научить студентов извлекать информацию из текста в том объеме, который нужен в каждом конкретном случае. Внеаудиторная работа – очень важный этап в самостоятельной деятельности студента, когда приобретенные знания, умения проверяются в реальном общении. Внеаудиторная работа формирует стремление к самостоятельному мышлению. Во внеаудиторном общении осуществляется естественный переход от изучения языка к его использованию в различных речевых ситуациях. Самостоятельная работа формирует у студентов коммуникативные навыки и умения речевого поведения в профессиональных ситуациях, способствует формированию усидчивости, самостоятельности, ответственности и является необходимым условием успешного овладения русским языком.

Задача обучения студентов самостоятельной работе по русскому языку в группах с государственным языком обучения включает: моделирование учебной деятельности, отработку рациональных приемов работы с учебным материалом. Нами разработан ряд рекомендаций по организации и совершенствованию самостоятельной работы студентов по русскому языку в группах с государственным языком обучения:

1. Знать (преподавателю) психологический портрет каждого студента.
2. Выявить уровень предыдущей подготовки студента к самостоятельной работе, владеть методами работы с текстом, приемами осмысления текстового материала, уме-

ние конспектировать и составлять планы к текстам и т. д.

3. Получить (студенту) четкую целевую установку на самостоятельную работу, подробный инструктаж по ее содержанию, приемам и способам осуществления. Очень важно переориентировать студентов от репродуктивных методов работы к творческой деятельности.

4. Координировать объем самостоятельной работы по данной дисциплине, четко дозировать время на ее выполнение. Определить бюджет внеаудиторного учебного времени студентов, помочь рационально его спланировать.

5. Обеспечить студентов необходимыми средствами для выполнения самостоятельной работы. В качестве основной формы внеаудиторной и аудиторной работы, в рамках которой возможна реализация формирования умений самостоятельной работы, предлагаем студентам работать по специально подготовленным пособиям или на материале имеющихся учебников. Для самостоятельной работы предлагаем любую законченную в смысловом отношении часть учебного пособия или текст со специальной разработкой к ним. Разработку снабжаем методическим аппаратом: постановка задач и ориентировочная основа; задания для осуществления исполнительской части; материал для контроля. Обучая студентов работе с текстом, предлагаем такие средства для самостоятельной работы, как памятки, рекомендации, инструкции, модели, схемы. Эти средства самостоятельной работы обозначают цель и условия работы, предлагают оптимальную последовательность действий по осмыслению читаемого. Содержание их зависит от характера текстового материала, а также от степени готовности студента к самостоятельной работе с тем или иным текстом на русском языке.

6. И, наконец, четкая организация контроля результатов самостоятельной деятельности студентов. В настоящее время модульная технология предполагает оценивание знаний рейтинговым методом [9].

Самостоятельная работа должна иметь место на всех этапах обучения: при объяснении нового лексического и теоретического материала, при закреплении, в процессе выполнения разнообразных упражне-

ний, при обобщающем повторении, наконец, в процессе выполнения контрольных заданий.

На занятиях русского языка можно использовать различные виды СРС:

- самостоятельная работа с учебником, со справочной литературой;
- подготовка письменного и устного сообщения;
- самостоятельное выполнение упражнений комбинированного характера (например, вставить пропущенные буквы и расставить знаки препинания);
- задания, которые предполагают наряду с воспроизведением усвоенных знаний внесение некоторых элементов творчества (составление словосочетаний и предложений, составление схем и таблиц, изложения и сочинения с грамматическим заданием);
- творческие работы;
- эссе;
- конспектирование;
- самостоятельная (контрольная) работа по определенной теме;
- контрольное тестирование.

Задача высшей школы в условиях кредитной технологии обучения – научить студентов учиться самостоятельно приобретать знания из различных источников информации самостоятельным путем, овладеть как можно большим разнообразием видов и приемов самостоятельной работы.

Общепризнанным является положение, что ядром в любой самостоятельной работе выступает учебная программа или познавательная задача. Как и всякая форма учебно-воспитательного процесса, самостоятельная работа призвана выполнять несколько функций: образовательную (систематизация и закрепление знаний учащихся), развивающую (развитие познавательных сил учащихся – их внимания, памяти, мышления, речи), воспитательную (воспитание устойчивых мотивов учебной деятельности, навыков культуры умственного труда, самоорганизации).

Таким образом, любой вид самостоятельной работы является важной, крайне необходимой в подготовке высококвалифицированного специалиста. Целью самостоятельной работы является более углубленное изучение и закрепление умений и навыков пользования русским языком в бытовой и профессиональной сфере, формирование навыков организаторской самостоятельной

деятельности, что немаловажно специалисту в XXI в.

1. Туманова А.Б., Баянбаева Ж.А. Уровневое обучение профессиональному русскому языку в вузе: постановка проблемы и пути решения // Русский язык и литература в современном Казахстане: теория, практика, методика: материалы Республиканского научно-методического семинара, посвященного 100-летию со дня рождения Х.М. Сайкиева. Алматы, 2015.
2. Канакина Г.И. Организация самостоятельной работы студентов по дисциплине «Русский язык и культура речи» на основе инновационной интерактивной системы балльно-рейтингового контроля // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2010. № 20.
3. Исакова Н.А., Каимова Д.Б. Организация самостоятельной работы студентов-иностранцев на уроках русского языка // Триединство языков в образовательной системе Республики Казахстан: состояние и перспективы: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2015.
4. Няшина С.Г. О проблеме организации самостоятельной работы студентов в неязыковом вузе // Теория и практика преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: сборник научных статей / под общ. ред. Л.В. Хведчен. Мн., 2009. Вып. 1. С. 42-50.
5. Хавронина С.А. Приемы активизации самостоятельной работы // Содержание и формы самостоятельной работы при обучении РКИ / под ред. А.Н. Щукина. М., 2009.
6. Орехова И.А. Специфика организации самостоятельной работы учащихся в период обучения в русской языковой среде // Содержание и формы самостоятельной работы при обучении РКИ: сборник научных трудов. М., 2008.
7. Короковцева Н.Ф. Современная методика организации самостоятельной работы студентов, изучающих иностранный язык. М., 2002.
8. Асанова Г.С. Методические рекомендации для самостоятельной работы студентов. М., 1984.
9. Юшко Г.Н. Научно-дидактические основы организации самостоятельной работы студентов в условиях рейтинговой системы обучения. Ростов н/Д, 2001.

1. Tumanova A.B., Bayanbaeva Zh.A. Urovnevoe obuchenie professional'nomu russkomu yazyku v vuze: postanovka problemy i puti resheniya // Russkiy yazyk i literatura v sovremennom Kazakhstane: teoriya, praktika, metodika: materialy Respublikanskogo nauchno-metodicheskogo seminar, posvyashchennogo 100-letiyu so dnya rozhdeniya Kh.M. Saykieva. Almaty, 2015.
2. Kanakina G.I. Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov po distsipline «Russkiy yazyk i kul'tura rechi» na osnove innovatsionnoy interaktivnoy sistemy ball'no-reytingovogo kontrolya // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. 2010. № 20.
3. Isakova N.A., Kaimova D.B. Organizatsiya samostoyatel'noy raboty studentov-inostrantsev na urokakh russkogo yazyka // Triedinstvo yazykov v obrazovatel'noy sisteme Respubliki Kazakhstan: sostoyanie i perspektivy: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty, 2015.
4. Nyashina S.G. O probleme organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov v neyazykovom vuze // Teoriya i praktika prepodavaniya inostrannykh yazykov v neyazykovom vuze: sbornik nauchnykh statey / pod obshch. red. L.V. Khvedcheni. Mn., 2009. Vyp. 1. S. 42-50.
5. Khavronina S.A. Priemy aktivizatsii samostoyatel'noy raboty // Soderzhanie i formy samostoyatel'noy raboty pri obuchenii RKI / pod red. A.N. Shchukina. M., 2009.
6. Orekhova I.A. Spetsifika organizatsii samostoyatel'noy raboty uchashchikhsya v period obucheniya v russkoy yazykovoy srede // Soderzhanie i formy samostoyatel'noy raboty pri obuchenii RKI: sbornik nauchnykh trudov. M., 2008.
7. Korokovtseva N.F. Sovremennaya metodika organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov, izuchayushchikh inostranny yazyk. M., 2002.
8. Asanova G.S. Metodicheskie rekomendatsii dlya samostoyatel'noy raboty studentov. M., 1984.
9. Yushko G.N. Nauchno-didakticheskie osnovy organizatsii samostoyatel'noy raboty studentov v usloviyakh reytingovoy sistemy obucheniya. Rostov n/D, 2001.

Поступила в редакцию 3.08.2015 г.

UDC 378

ABOUT THE PROBLEM OF INDEPENDENT WORK OF STUDENTS DURING THE CLASSES OF RUSSIAN LANGUAGE IN THE CONDITIONS OF CREDIT TECHNOLOGY OF EDUCATION

Raushan Duysenovna ELIBAEVA, South-Kazakh Humanitarian Institute named after M. Saparbaev, Shymkent, Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy Department, e-mail: raushan_1959kz@mail.ru

Gulnara Shingisovna DZHUMAGULOVA, South-Kazakh Humanitarian Institute named after M. Saparbaev, Shymkent, Republic of Kazakhstan, Candidate of Psychology, Associate Professor, Head of Pedagogy Department, e-mail: zhmagulova-73@mail.ru

The modern situation of professional communication, which dictates the definite requirements, for fulfilling of which not only right design of language units of professional communication, equivalence of their meanings, but also the accordance to the necessary international standards. In connection with this, in the Republic of Kazakhstan in the conditions of credit technology of teaching in the institutes of higher education the independent work of students is one of the most important innovative forms of teaching in the content of system of higher education. The efficiency of doing the independent work by students depends on right combination of the amounts of auditory work and independent work. It is proved, that one of the most important tasks of independent work of the student is the provision of depth of studying and the understanding by the students of studying material, its professional competence, the need for the self-education and self-development, development of critical thinking. The implementation of new technologies of education – is an innovative process, it follows all the requirements and rules of innovative activity. Credit technology – this is the educational technology, which increases the level of self-education of students and creative understanding of knowledge based on the individualization, the choice of organization trajectory within the framework of strict regulation of education process and considering the amount of knowledge in credits.

Key words: credit technology; self-cognition of student; methods and ways.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 7.04

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЯВЛЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ИКОНОПИСНОЙ ШКОЛЫ

© Михаил Викторович НИКОЛЬСКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат педагогических наук,
доцент, зав. кафедрой сценических и изобразительных искусств,
e-mail: timnik2004@rambler.ru

Рассматриваются культурфилософские особенности появления и формирования русских иконописных школ, начиная с первых икон, попавших на Русь, до Московской иконописной школы. Проанализирован язык иконы как формы выражения духовных постулатов. Перечислены и проанализированы произведения иконописи Новгородской, Псковской, Владимиро-Суздальской и Тверской школ, а также храмового искусства в целом с помощью культурфилософских методов. Показаны исторические, искусствоведческие, культурологические и философские предпосылки появления и формирования русских иконописных школ с их особенностями. Это Новгородское храмовое искусство с образно-созерцательным прочтением иконографического образа, Псковское храмовое искусство с его образностью и целостностью, Владимиро-Суздальское храмовое искусство с его духовно-эстетической красотой образов, Тверское храмовое искусство с чистотой и лаконизмом в подаче иконического образа. Выявлены взаимосвязи византийской и русской иконописных школ, их идентичность и различия. Представлена модель особенностей появления и формирования Русской иконописной школы вплоть до Московского периода в иконописании. Определены особенности языка иконы как формы выражения духовных постулатов. Предложены основные источники по теме исследования.

Ключевые слова: язык иконы; духовные постулаты; иконописные школы; храмовое искусство; иконичность; византийское искусство; Новгородская иконопись; Псковская иконопись; Владимиро-Суздальская иконопись; Тверская иконопись; духовно-эстетические ценности.

Развитие любой школы в церковном искусстве всегда основывается на религиозных постулатах и принципах того или иного духовного направления.

Так как **язык иконы** – это **специфическая форма выражения церковных постулатов с помощью цвета, пятна и линии, обличенных в иконописный канон**, следовательно, сам иконический образ выступает как квинтэссенция духовных, эстетических и нравственных категорий, выраженных на иконной плоскости. Содержательное наполнение этих категорий в той или иной исторической формации происходит на основе национальных приоритетов, заложенных в духовной жизни того или иного народа.

Иконописный канон как организационная функция бережно (и даже трепетно) сохраняет духовную историю в жизни церкви, но не консервирует ее. Национальная тради-

ция в данном контексте делает канон выразительным и оригинальным с точки зрения художественной составляющей иконического образа. Так, при соединении канона и национальных ценностей формируется неповторимый иконописный строй той или иной духовно-изобразительной школы (направления).

В данной связи наиболее яркими своеобразными национально-ориентированными и духовно-детерминированными, по нашему мнению, выступают **русские иконописные школы**, имеющие тысячелетнюю историю своего формирования, становления и развития. Наиболее древние упоминания об иконах и иконописцах мы находим в Киево-Печерском патерике (начало XIII в.). Константинопольским иконописцам было чудесное видение о строительстве храма в Киеве с подарком от Богородицы своего честного образа [1, с. 424]. Неизвестно, какая это была

икона, но патерик указывает на то, что она попала в Киевскую Русь как благословение в путь будущим архитекторам Печерской церкви. Через десять лет после вышеописанных событий на Русь прибывают греческие иконописцы расписывать крупную киевскую церковь [2, с. 345].

Известны также и другие иконы, имеющиеся на Руси. В 988 г. византийский царь Лев VI принес в дар известную Иерусалимскую икону Богоматери (эта икона была перенесена в 453 г. греческим царем Львом Великим из Иерусалима в Константинополь) русскому князю Владимиру, который, покрыв город Корсунь, принял здесь же таинство крещения [3, с. 18]. В 988 г. князь Владимир вывез эту икону из Корсуни в Киев, а также еще четыре иконы. Затем образ попадает в Новгород и позже в Москву, где до сегодняшнего дня находится в Успенском соборе Московского кремля с именем Богородица Корсунская.

С конца IV в. н. э. город Херсонес стал центром распространения христианства. «Именно Херсону выпала историческая миссия главного проводника новой религии и культуры для народов Восточной Европы и Руси» [4, с. 6]. Корсунь (Херсонес – ныне город Севастополь) является для всей Руси колыбелью христианства, по словам крымского архиепископа XIX в. Иннокентия, – «здесь могила нашего язычества, здесь купель нашего крещения, здесь начало нашей священной истории». На небольшой по территории площади 36 га раскопок Херсонеса имеется более ста раннехристианских базилик.

Существующие духовные корни Херсонеса берут свое начало с I в. н. э., сюда на Инкерманские каменоломни был сослан священномученик Климент: «епископ Римский – ученик апостола Петра. Римский император Траян за распространение христианства сослал его в инкерманские каменоломни. В скалах Инкермана в ходе работ по ломке камня образовались пещеры. Одну из них святитель Климент расширил и устроил в ней церковь. Разгневанный Траян приказал утопить в море святого Климента, привязав якорь к его шее» [5, с. 43]. Святитель во время своего инкерманского пленения смог обратиться в христианство более двух тысяч человек. Существует мнение о том, что на территории Крыма (в частности, Херсонеса и

Инкермана) христиане скрывались от гонений иконоборцев в VII в.

В X в. великий князь Владимир Святославич, приняв крещение в Херсоне, увез отсюда и жену – византийскую принцессу Анну и священников, крестивших Русь [4, с. 7]. Не случайно ЮНЕСКО включило легендарный город в число 150 самых значительных древних памятников человеческой цивилизации.

Первое упоминание об иконописце на Руси относится к 993 г. н. э. именем Симеон, который, по предположению В.В. Лепяхина, сделал список с Корсунской иконы, которую принес на Русь великий князь [6, с. 10]. Этот же исследователь приводит весьма полный список известных (по упоминаниям) иконописцев, работающих на Руси после ее крещения в Киеве и Новгороде [6, с. 26].

Церковная история указывает на первого святого русского иконописца – преподобного Алипия. К сожалению, работ этого прославленного изографа не сохранилось, при этом есть мнение о том, что Богородичная Ростовская икона «Великая Панагия» принадлежит кисти Алипия, а также образы Богородицы Свенской (Печерской) и образ «Предста Царица». Киево-Печерский патерик повествует о трех уникальных эпизодах из жизни святого иконописца – это исцеление больного красками для иконописания, помощь ангела в доделывании заказной иконы (Успения Богородицы) и, наконец, блаженная кончина иконописца, когда Ангел Господень (который помогал закончить икону) явился взять душу изографа в Царство Небесное. Этими чудесными событиями патерик подчеркивает святость иконописца, его особый путь как преподобного. При этом иконописание как «благочестивое» и «богоугодное дело» является важным и необходимым в Киевской Руси во времена начала русского христианства. Весьма точный вывод делает В.В. Лепяхин, анализируя соответствующие тексты: «Сказания Киево-Печерского патерика об иконописцах и иконах свидетельствуют о наличии в Киевской Руси в конце XI в. широкого, развитого, творчески воспринятого и богословски обоснованного иконопочтения, а также об особом отношении к иконописцам и к их труду» [6, с. 46]. Данный вывод подтверждают и произведения храмового искусства периода Киевской Руси (которых по

очевидным причинам сохранилось немного). Таким образом, «вместе с христианством Русь получила уже установившийся церковный образ в его классической форме, сформулированное о нем учение и зрелую, выработанную веками технику» [7, с. 177].

Русские мастера, уровень которых был весьма высок, сразу же восприняли художественный образ и предложили свой **духовный вектор** в становлении христианства на Руси. Данное утверждение было наиболее ярко выражено в **Новгородском храмовом искусстве**, начало которого относят к XI в.

Уникальный и оригинальный уклад жизни Новгородской республики нашел свое отражение в церковном искусстве. При этом первые (известные нам) иконы имели чисто византийскую традицию, такие образы, как единственно сохранившаяся икона XI в. – образ «Петра и Павла» из Софийского собора (Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник); образы «Георгия Победоносца XII в. (ГТГ¹) и Георгия Победоносца поясного XII в. (Успенский собор Московского кремля); трое сходных по письму образа, это «Устюжское Благовещение» XII в. (ГТГ), «Спас Нерукотворный» XII в. (ГТГ) с оборотным изображением поклонения кресту, а также «изображение ангела» (ГРМ²) – «это одно из прекрасных произведений древнерусской живописи, которое превосходит предыдущие произведения тонкостью исполнения и каким-то особым благородством замысла» [8, с. 11]; икона «Успение» из церкви Рождества Богородицы Десятинного монастыря XII в. (ГТГ). Данные произведения продолжают византийскую традицию, о чем свидетельствуют такие особые иконографические черты, как:

- чисто византийские архитектурные соотношения фона и изображенных персонажей;
- зеленая санкирь;
- крупные глаза, низкие лбы изображенных персонажей;
- сложные и насыщенные цветовые пятна, а также их сочетание;
- высокая контрастность цветовых пятен;

¹ ГТГ – Государственная Третьяковская галерея, г. Москва.

² ГРМ – Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург.

- византийская манера письма и наложения цветовых пятен;
- богословски продуманная детализация общего строя иконы.

В это же время (XII в.) впервые появляются русские черты в Новгородской иконописи. «Рядом с византизирующим направлением в новгородской станковой живописи XII в. существовало и другое, в котором местные черты получают решительное преобладание над византийскими, занесенными извне», – утверждает В.Н. Лазарев [8, с. 13]. В качестве примера можно указать на образ «Знамение» (XII в., Новгородский историко-художественный музей-заповедник).

В полной степени новгородскую традицию в иконописании можно рассматривать с известного образа XIII в. Иоанна Лествичника, Георгия и Власия, находящегося в Русском музее, а также образ «Чудо Георгия о змие с царевной Елизаветой» XIV в. из того же музея. В этих иконах основные персонажи написаны значительно больше (в 2,5 раза), чем предстоящие – древнейшая архаическая традиция, сохранившаяся в иконописании как некая духовная доминанта для воспринимающего иконический образ. Иконы этого же художественного уровня, такие как «Апостол Фома» XIV в. (ГРМ); «Отечество» XIV в. (ГТГ); «Святые Власий и Спиридоний» около 1407 г. (Исторический музей, Москва); «Чудо Георгия о змие» XIV в. (ГРМ); «Илья пророк» конец XIV – начало XV в., множество икон с избранными святыми и другие указывают на очевидные особенности новгородского искусства XIII – начала XV в., которые заключаются в:

- отсутствии какой-либо объемной моделировки фигур (практически нет притинок);
- лаконичной подаче цветовых пятен;
- значительном количестве локальных красных и белых цветовых пятен;
- особой пластичности иконических персонажей (народная простота в сочетании с духовным изяществом);
- отсутствии второстепенных деталей;
- укрупненной архитектонике всех элементов композиции иконического образа.

Все эти особенности присущи сугубо Новгородской иконописи, которые достаточно быстро были выстроены на основании византийского канона. До утраты в 1478 г. Новгородом самостоятельности храмовое

искусство этого региона носило весьма самобытный характер. За XII–XV вв. новгородские изографы сумели переработать византийский канон, создав всемирно известную иконописную школу, где основной отличительной особенностью (с культурфилософской точки зрения) является духовно-образная подача иконической композиции в отличие от духовно-дидактической – византийской. Как свидетельствует дошедшая до нас византийская иконография, представители этой школы стремились отразить на иконной плоскости вероучительное богословское содержание, которое зритель иконы способен был бы «считывать» и изучать как некое духовное послание, соответствующее изображенному событию. Новгородская школа предлагает зрителю **образно-созерцательное прочтение иконографического изображения**. Отказ от деталей, лаконичность передачи цветовых пятен, простота композиции – свидетельство ухода от повествовательности к образности в круге новгородских иконических памятников. Образ в новгородских иконах XII–XIV вв. формируется с помощью ясных и простых элементов в сочетании с предельной степенью иконической наглядности и выразительности. Сложность цветовой фактуры в новгородской иконе придает ей особую воздушность и многоплановость в пространственном решении. Духовное наполнение (помимо цветовой фактуры) решается с помощью разномасштабности элементов общей иконической композиции. Здесь мы имеем в виду:

- разновеликость персонажей;
- наличие нескольких композиционных точек схода;
- ярусность в сложных изводах;
- плоскостность и предельную развернутость персонажей;
- особую тональную передачу контрастных цветовых пятен.

Таким образом, в новгородской иконе произошел не только исторический, но и **духовно-этический переход** к национальному пониманию иконического образа.

Параллельно с новгородским религиозным искусством формировалась **иконопись Пскова**. Первое упоминание о городе – 903 г. имеется в «Повести временных лет». Известно предположение о том, что «Псков наравне с Новгородом получил князем одного из сы-

новой великого князя киевского Владимира-Судислава» [9, с. 14]. Уже во второй половине XIV в. формируются местные архитектурные и живописные направления храмового искусства. Изначальные основы для этого процесса заложены еще византийскими мастерами, о чем свидетельствует архитектура и росписи самого древнего псковского монастыря – Спасо-Преображенского (Мирожского, XII в.). Далее византийская традиция прослеживается в росписях Снетогорского, Спасо-Елеазаровского и Псково-Печерского монастырей, которые впоследствии стали средоточием всей культурной жизни Псковской республики. Архитектура этих монастырей, а также таких псковских храмов, как: Василия «на Горке» XVI в.; Спасо-Преображенский собор Мирожского монастыря – около 1140 г.; Николы «с Гребли» 1383 г.; Рождества Богородицы Снетогорского монастыря 1313 г.; Успения в Мелетове 1465 г.; Николы «с Усохи» XVI в. и т. п. имеют свои неповторимые особенности, которые заключаются в:

- простоте и лаконизме архитектурных решений;
- неровной обмазке стен в соотношении с геометрическим кирпичным орнаментом;
- ассиметричном расположении маленьких окон-бойниц в сочетании с аскетическим орнаментом-наличником;
- крупном центральном куполе, наличии звонниц в северном стиле и плоских фальшколоonn;
- кремовато-беловатом цвете стен.

«Основным типом псковского храма того времени стал четырехчастный трехапсидный храм с закругленными боковыми апсидами с восьмискатной крышей», – делает вывод о псковской архитектуре до XVI в. И.С. Родникова [9, с. 29].

Росписи псковских храмов имеют в своей основе чисто византийскую традицию, о чем свидетельствуют наиболее ранние памятники, а именно фрески Спасо-Преображенского собора на Мирже (1140 г.). Здесь прослеживается византийская повествовательность и духовно-дидактическая наполненность изображенных сюжетов. Также иерархичность и манера изображения полностью отвечают византийскому канону. При этом уже встречаются первые русские святые Борис и Глеб, а также изображения гривн на

шеях святых. Росписи Мирожского монастыря стали точкой отсчета для псковской иконописной школы, а именно «...суровые, монументальные образы, величественная неподвижность в постановке фигур, плоскостная их трактовка при относительно объемной лепке ликов, несколько удлинённый овал, любовь к ассистной разделке складок, приверженность к архаизации – стали отличительными чертами псковской живописи последующих времен», – утверждает М.Н. Соболева [10, с. 50].

С XII в. появляется местная псковская иконописная школа, которая развивается на территории Мирожского монастыря. При этом псковские иконописные особенности были исследованы достаточно поздно, впервые на них указывает художник А.В. Грищенко (в 1917 г.). Непосредственно о псковской иконописной школе в 1929 г. высказывался И.Э. Грабарь [11, с. 232].

К 1313 г. проявляются художественные особенности псковской школы, о чем свидетельствуют росписи соборного храма Снетогорского монастыря.

Наиболее древними из сохранившихся икон считаются псковские образа XIII в., это «Богоматерь Одигитрия» и «Успение» (ГТГ). В.Н. Лазарев сравнивает их с каппадонийскими фресками и считает, что «Псков отставал в своем развитии от Новгорода, и что в его ранней живописи очень сильна архаическая струя» [12, с. 73]. Более поздние иконы Пскова, это «Деисус» (ГРМ), «Илья Пророк» (ГТГ), имеют больше местных черт и сложнее по уровню художественной подачи (чем предыдущие).

Дальнейшее развитие псковской иконописи определяется с помощью таких памятников, как: «Одигитрия» и «Николай Чудотворец», «Святая Ульяна» (Псковский историко-архитектурный музей); «Борис и Глеб» (ГТГ); «Николай Чудотворец с житием», «Дмитрий Солунский» (ГРМ), а также «Спас вседержитель» 1352 г. (Псковский историко-архитектурный музей). В этих произведениях наряду с византийской традицией прослеживаются местные архаизмы, эмоциональная напряженность и особая (впоследствии каноническая) плоскостность, свойственная псковской иконописи. Уникально иконоическое изображение «Богоматери Великой Панагии, Оранты Мирожской» (XVI в.) – копия

с иконы XIII в. из Мирожского монастыря (Псковский историко-архитектурный музей). Этот образ оказал значительное влияние на развитие псковской иконописи с точки зрения иконописной пластики, а именно: ассистная разживка одежд; нюансная разница между санкирью и охрением; пропорции фигур, контрастность одежд святых и общая колористическая гамма иконоических произведений.

К началу XV в. складывается особая, неповторимая иконописная школа: «В области живописных средств псковичи были также самобытны... Разрабатывая свои излюбленные сочетания киновари с различного оттенка «празеленью», желтыми и красно-коричневыми охрами, псковские мастера наделяют краски особой интенсивностью» [10, с. 49]. Также известно, что местные изографы добавляли местные пигменты (охры и аурипигмент). В XV в. появляются наиболее значительные произведения псковской иконописи, это: «Деисусный чин» с изображенными апостолами, «Сошествие во ад», «Богоматерь», «Значение» с изображенными святыми, «Рождество христово», «Сошествие во ад» из Псковского музея.

В.Н. Лазарев утверждает, что XV в. не дал ничего принципиально нового [12, с. 77], но по вышеперечисленным иконам, а также по коллекции икон Третьяковской галереи и Русского музея («Николай Чудотворец», «Рождество Христово», «Богоматерь великая Панагия, Никола и Георгий», «Сошествие во ад с изображенными святыми» и т. п.) можно утверждать, что XV в. стал наиболее **показательным** для характеристик псковской иконописи, которую в первую очередь отличают следующие особенности:

- присутствие архаичности в композициях и изображенных персонажах;
- асимметричность изображений (даже в фигурах, изображенных в анфас);
- основными цветами являются сочетания красных (киноварных), темно-зеленых, оливковых, охристых и краппачных (гематитовых) колеров при отсутствии синих и голубых цветовых пятен;
- значительное количество ассистной «разделки» одежд святых и Богородицы;
- высокая контрастность светлых и темных цветотональных отношений;

- особая ритмическая организация светлений и оживок всей иконической композиции;

- насыщенность цветового колорита икон.

Развитие и становление псковского храмового искусства происходило не как новгородского, но несколько дольше. Известно, что Псков попал под зависимость Москвы в 1510 г.

Самобытность псковского искусства в сочетании с византийским каноническим базисом сформулировали неповторимую иконическую образность, которая характеризуется особой духовно-художественной подачей христианского изображения на иконной плоскости. Мы видим не просто целостный христианский образ в аксиологическом народном выражении, а оригинальное и духовно-глубокое композиционное и образное выражение христианских постулатов, которое личность воспринимает в **целом и одновременно**. Таким образом, псковская иконопись дает возможность понимания и осознания христианских догматов образно и целостно, а также дидактически полно с помощью известных (местному социуму) изобразительно-выразительных средств религиозного и национального творчества.

Нельзя не согласиться с утверждением В.Н. Лазарева о том, что «Количество дошедших до нас русских икон настолько незначительно, а подбор их настолько случаен, что было бы весьма легкомысленно пытаться реконструировать другие иконописные школы» [12, с. 45]. Исследователь указывает на то, что практически не сохранилось станковой живописи Киева, ранней иконописи Ростова, Москвы и «северных писем», при очевидном наличии иконописных мастерских не всегда может быть сформирована иконописная школа.

Во многом иконописание развивалось в северных псковско-новгородских землях, которые не знали ордынского ига. При этом формирование некоторых направлений сложилось до активного набега ордынцев на русские земли (во времена феодальной раздробленности). Так, **Ростово-Суздальское храмовое искусство** сформировалось на основе византийской традиции (как каждое древнерусское иконописное направление). Первые известные иконы Залесской (Ростово-

Суздальской) Руси имели чисто византийские характеристики. «Из-за бесконечных бедствий, то и дело обрушивавшихся на Ростово-Суздальскую землю на протяжении ее истории, до нас дошли только единичные памятники живописи древней поры XII–XIII вв. Несмотря на это, в них можно уловить некоторые общие черты: торжественность орнаментов и декоративных украшений. Густые темно-синие, вишневые, зеленые насыщенные красками фоны сочетаются в иконах с белыми, ярко-красными, с золотом пробелов, ассистов и фонов» [13, с. 6]. Этот же автор указывает на то, что в иконах этого времени можно проследить поиски русского национального типа лица.

В современной искусствоведческой и культурологической литературе ранний период Ростово-Суздальского искусства указывается как **Владимиرو-Суздальский** в силу активного развития города Владимира. В начале XII в. Владимир Мономах формирует город, названный в свою честь (на основе небольшого поселения на берегу реки Клязьмы в тридцати километрах от Суздаля).

Внук Владимира Мономаха святой благоверный князь Андрей Юрьевич Боголюбский превращает Владимир в столицу Русского государства, став наиболее могущественным Русским князем. За 17 лет его правления (1157–1174 гг.) Владимиро-Суздальское княжество превращается в наиболее влиятельное и могущественное на Русской земле. После смерти в 1157 г. отца благоверного князя Юрия Владимировича Долгорукого (основателя города Москвы в 1147 г.) ростовцы и суздальцы **избирают** Андрея Боголюбского своим князем. Деятельность святого Андрея как самостоятельного князя Ростово-Суздальской земли была очень важна в силу того, что он «учредил» новый государственный порядок на основе самодержавного управления. Фактически выстроив новую русскую столицу во Владимире, князь Андрей организывает ее на **христианской основе**. Здесь не было языческого фундамента как в духовно-нравственном, так и в религиозно-этическом смысле (в отличие от Киева и Новгорода). Руководство Благоверного князя Андрея Боголюбского имело небывалые по меркам того времени политические и культурные результаты, на что указывает С.И. Масленицын: «За недолгие семнадцать

лет правления Андрея Боголюбского Владимиро-Суздальское княжество стало сильнейшим на Руси, заняло ведущее положение в развитии национального искусства. В его городах возводились лучшие на Руси крепостные сооружения, храмы, дворцы» [14, с. 39]. Понимая значение искусства для формирования государства, у князя работали **лучшие** мастера храмового искусства (каменщики, иконописцы и стенописцы).

Наряду с политическими и культурными причинами активного развития Владимирской Руси существовали и духовные предпосылки. Князь Андрей содействовал особому почитанию икон во Владимирских землях. Известно, что князь из Вышгорода привез икону Богородицы (которую некий купец Пригоща доставил из Константинополя в дар Юрию Долгорукому). Впоследствии этот список иконы из Константинопольской церкви Богородицы Елеусы был прославлен как икона Божией Матери «**Владимирская**» (ГТГ). Е.И. Забелин предполагает, что сам Андрей Боголюбский стал соавтором «Повести об иконе «Богородицы Владимирской»» [15, с. 40]. История становления православия на Руси указывает на то, что во время переезда князя Андрея в Ростов Владимирская икона «остановила» его недалеко от Боголюбова. Во время сна князь увидел саму Богородицу, которая повелела ему вернуться во Владимир и здесь основать столицу земель русских. В церковных и религиозных источниках считается, что это первое явление Богородицы на русской земле. Владимирский князь повелел выполнить образ Богородицы «таковым подобием яко ему явился» для церкви в Боголюбском дворце. Этот образ известен как **Богородица Боголюбская** 1158 г. (Владими́ро-Сузда́льский историко-художественный и архитектурный музей-заповедник). Ростовая иконография образа Богородицы по типу совпадает с константинопольской иконой Богородицы «Агисоритиссы» (т. е. Просительницы). По мнению академика И.Э. Грабаря, «икона могла быть написана в XII в., чему не противоречит ее живопись, техника, устройство доски, но была ли она написана в России или была привезена сюда и откуда именно, остается под вопросом» [16, с. 38]. Поэтому можно утверждать, что при всех художественных и технических нюансах иконы она

явно выполнена в византийской традиции (а точнее, в традициях константинопольской живописи). Более того, нельзя не согласиться с мнением того же исследователя И.Э. Грабаря о том, что «Древнейшие русские иконы «Владимирская», «Боголюбовская», «Максимовская», «Толгская» и «Феодоровская» являются не столько памятниками русского искусства, сколько образцами высокого византийского мастерства в России, подобно фрескам Дмитриевского собора» [16, с. 38].

Помимо иконописи, которую высоко ценил князь Андрей (и возил с собой множество почитаемых икон: помимо «Пироговской», «Владимирской» это были иконы «Спаса Нерукотворного», «Покров Богородицы», а также пятифигурный «Деисус»), активно развивалось храмовое строительство. До сегодняшнего дня поражают своим великолепием такие архитектурные памятники, как Успенский собор во Владимире (1158–1160 гг.); Золотые (и серебряные) ворота во Владимире (1158–1164 гг.); Дворец и церковь Рождества Богородицы в Боголюбове (1158–1165 гг.); Успенский собор в Ростове (1161–1164 гг.); Спасская церковь во Владимире (1162–1164 гг.); Церковь Покрова на Нерли (1165 г.). Последний храм был возведен на месте, где по преданию произошло явление Богородицы князю Андрею (впервые на Русской земле). Храм Покрова пресвятой Богородицы, выстроенный на берегах небольшой реки Нерль, считается одним из наиболее идеально-пропорциональных строений с точки зрения правил т. н. «золотого сечения». Архитектоническая гармония Храма Покрова Пресвятой Богородицы на Нерли очевидна в смысле идеального соотношения вертикалей и горизонталей (их математического и визуального прочтения).

Андрей Боголюбский, по аналогии с византийскими императорами, провозгласил свое княжество «землей Богородицы», поэтому строилось множество Богородичных храмов. Эту же духовную тенденцию продолжил Всеволод Большое Гнездо (1177–1212 гг.).

За время его княжения был восстановлен после пожара Успенский собор во Владимире (к 1189 г.), собор Рождественского монастыря, Дмитриевский собор, княжеский дворец во Владимире и Успенский собор Княгинина монастыря во Владимире (к 1201 г.).

«Приток византийских художников ко владимирскому двору, по-видимому, увеличился с вокняжением Всеволода Большое Гнездо. Он, будучи сыном византийской принцессы, воспитывался несколько лет при дворе императора Мануила Комнина» [14, с. 31].

В связи с ослаблением экономики Константинополя (в 1204 г. разграбленного крестоносцами) византийские художники приходили на Русь в поисках стабильного заработка. Поэтому во время великого княжения Всеволода его художественная мастерская стала самой значительной и важнейшей на территории Русских земель. Следовательно, изобразительное искусство этого времени развивалось наиболее ярко и активно, о чем свидетельствуют художественные памятники, дошедшие до нашего времени. Известно, что князь Всеволод не искал западных мастеров, но имел в достатке собственных. «Это доказывает, что во второй половине XII в. было много строителей и художников, способных выполнять самые ответственные работы» [14, с. 54]. Об этом свидетельствуют фрагменты фресок церкви Бориса и Глеба в Кидекше под Суздалем, росписи Успенского и Дмитриевского соборов г. Владимира. К этому периоду относятся иконы: «Спас Эммануил с архангелами» конца XII – начала XIII в. (судя по письму работы константинопольского мастера); «Дмитрий Солунский» конца XII – начала XIII в.; «Деисус: Богоматерь, Спас, Иоанн Предтеча» конца XII – начала XIII в.; «Явление архангела Михаила Иисусу Навину» 1180 г.; «Спас Нерукотворный» конца XII – начала XIII в. (с поздним оборотным изображением «Поклонение кресту»). Вышеуказанные иконы находятся в Успенском соборе Московского кремля. Также икона «Николай Чудотворец с предстоящими» конца XII – начала XIII в. из Новодевичьего монастыря г. Москвы.

К иконам времени правления князя Константина Всеволодовича (1205–1219 гг.) относят такие произведения, как: «Богоматерь Знамение» 1205–1207 гг.; «Успение Богоматери» около 1205 г.; «Архангел Михаил» 1216 г.; «Собор архангелов» 1216 г.; «Спас нерукотворный» 1216 г.; «Борис и Глеб» 1218 г.; «Апостолы Петр и Павел» 1212–1218 гг.; «Христос Вседержитель» 1218 г.; «Богоматерь Великая Панагия» 1218 г. – работы владимирского мастера.

Правление князя Юрия Всеволодовича (1219–1238 гг.) известно современному исследователю такими иконописными произведениями, как: «Святой Георгий и Богоматерь Одигитрия» (на обратной стороне) 1220 г.; «Устюжское Благовещение» 1220 г.; «Богоматерь Умиление» 1220 г.; «Спас Златые Власы» 1220 г.; «Святой Георгий» 1220 г.; «Богоматерь Умиление» 1220–1230 гг. (данные иконы находятся в Успенском соборе Московского кремля); Царские врата Рождественского собора г. Суздаля, выполненные способом огненного золочения XII в.

К Владимиро-Суздальской иконописи относят несколько произведений ордынского ига времени правления князя Ярослава Всеволодовича (1239–1246 гг.). Очевидно, что Владимиро-Суздальское искусство – одно из наиболее ярких проявлений византийского духовно-изобразительного творчества. Помимо крупных размеров икон, что не было свойственно для византийской живописи, формируется особое чисто силуэтное прочтение иконической композиции. При этом во Владимиро-Суздальской живописи не так активно выражена местная самобытность, как в новгородском духовном художественном творчестве. На территории Владимира практически не было язычества, следовательно, византийские мастера предложили русским изографам чистое христианское прочтение иконического образа. Данное понимание иконы как «богословия в красках» практически без изменений сохранилось у владимиро-суздальских мастеров, при этом само иконописное письмо этого периода отличается цветотональной глубиной и строгостью рисунка. По мнению некоторых исследователей, владимиро-суздальские произведения сохраняют более древнюю византийскую традицию (а именно X–XII вв.) в пору «палеологовского» ренессанса [16, с. 160]. Помимо высокого качества иконописных работ этого времени в них прослеживаются иконописные черты будущей русской школы, это **духовно-эстетическая красота образов**, внимательное отношение к силуэту и рисунку, стремление к прозрачности нанесения красочных слоев, о чем свидетельствуют такие шедевры иконического творчества, как «Святой Георгий», «Устюжское Благовещение», «Ангел Златые Власы», «Спас Нерукотворный», «Николай Чудотворец», «Ангел Гавриил».

Живопись Тверского княжества (которое становится самостоятельным к середине XIII столетия) изучена значительно меньше, чем Владимиро-Суздальское искусство. До сегодняшнего дня дошло немного произведений Тверской иконописи, но они имеют свою общую художественную и культурно-философскую специфику.

Тверские земли становятся самостоятельным уделом к середине XIII столетия. С 1282 по 1318 г. Тверским княжеством управляет выдающаяся личность своего времени князь Михаил Ярославович (известный как святой благоверный князь Михаил Тверской). При нем было открыто множество церквей и монастырей, в благоуукрашении которых принимал активное участие первый тверской епископ Симеон.

«Тверское летописание начинается с 1285 г., намного раньше, чем в других новых центрах северо-восточной Руси» [17, с. 8]. Известно, что в 1285 г. в Твери появляется первый белокаменный собор (Преображения Господня).

Одно из древнейших сохранившихся иконописных произведений – образ «Бориса и Глеба» XIII в. (Киевский музей русского искусства), а также «Спас Вседержитель» XIII в. (ГТГ). В круг древних тверских икон также входят такие произведения, как «Архангел Михаил» XIV в. (ГТГ); «Царские врата» XIV в.; «Богоматерь Одигитрия» и «Святой Николай» XIV в. (Музей имени Андрея Рублева); «Спас» XIV в. (Тверская областная картинная галерея) и «Апостол Павел» XIV в. (Музей имени Андрея Рублева); фрагмент иконы «Рождество Богоматери» XV в. (Музей имени Андрея Рублева); «Богоматерь Одигитрия» XIV в. (Музей Троице-Сергиевой Лавры); «Митрополит Петр» XV в. (ГТГ); «Никола» XV в. (Музей имени Андрея Рублева); «Успение» XV в. (ГТГ); «Спас в Силах», «Богородица», «Архангел Михаил», «Архангел Гавриил», «Григорий Богослов», «Георгий Солунский», «Дмитрий Солунский» XV в. (ГТГ); «Богоматерь Умиление» XV в. (ГТГ); часть царских врат с изображением Луки, Иоанна Богослова и Богородицы XV в. (ГТГ); «Параскева Пятница с житием», начало XVI в. (Музей имени Андрея Рублева). Иконы из города Кашина XV в.: «Сретение»; «Крещение и Воскрешение Лазаря» (ГРМ) и иконы «Рождество Христово», «Со-

шествие Святого духа», «Вознесение», «Вход в Иерусалим» (ГТГ). Анализ данных произведений дает понимание того, что «Тверская живопись несет в себе оригинальные черты. Это не значит, что она совершенно отдалена от живописи других областей Древней Руси» [17, с. 45]. Помимо сохранения византийской традиции и общерусской специфики Тверская икона отличается следующими духовно-художественными особенностями:

- лаконичность образов – предельно гладкие силуэты персонажей по отношению к фону;
- светотональная моделировка личного и доличного письма, как правило, выполнялась с помощью разбавления (белилами) колеров, используемых для раскрыши;
- значительная контрастная разница между светлыми и темными пятнами;
- как правило, использовалась плотная раскрышь.

При всех очевидных особенностях Тверского иконописания наблюдается активное влияние Владимиро-Суздальской живописи. Таким образом, Тверская икона – это одно из направлений сложной Русско-византийской иконописи, которое формировалось на лучших византийских образцах и выполнялось **лучшими** византийскими и русскими мастерами. Тверская школа отличается чистотой и лаконизмом в подаче иконического образа.

В 1147 г. великий князь киевский и ростово-суздальский Юрий Владимирович Долгорукий (сын Владимира Мономаха) основал город Москва на месте небольшого, но стратегически важного поселения. Черты крупного города Москва стала приобретать в первой половине XIII в. В это время происходит собирание русских земель вокруг Москвы, следовательно, происходит активное развитие культуры и искусства. Храмовое искусство Москвы сформировалось позднее, чем Тверская, Новгородская, Псковская и Владимиро-Суздальская школы.

Используя информационно-графический метод, мы сформировали модель особенностей появления и формирования русской иконописной школы (рис. 1). Модель наглядно демонстрирует этапы формирования отечественного понимания иконического образа с момента его появления на русской земле и до создания Московского храмового искусства (XIV–XVI вв.).

Иконоческий образ

Рис. 1. Модель особенностей появления и формирования Русской иконописной школы

Особенности **языка иконы как формы выражения духовных постулатов** наглядно показаны в **Византийском искусстве**, которое стало основой для русских мастеров. Как в плане художественных образов **это первые известные иконы, попавшие на Русь**, так и в плане **обучения местных иконописцев**. Параллельно с византийской традицией существуют местные национальные духовно-эстетические ценности, которые практически сразу отражаются в новом для Руси искус-

ве христианском. Таким образом, **византийское искусство и национальная художественная традиция** формируют особый – **духовный вектор**, определяющий предпосылки появления русских иконописных школ. Данный духовный вектор понимается нами как **двуединство** специфического (христианского) духовно-изобразительного языка, увиденного на Руси как византийское искусство и национальные духовно-эстетические ценности.

Как только происходит **духовно-эстетический переход к национальному пониманию иконолического образа**, сразу же появляются национальные иконописные школы, это:

– **Новгородская, с образно созерцательным прочтением иконолического образа;**

– **Псковская, с образностью и целостностью;**

– **Владими́ро-Суздальская, с духовно-эстетической красотой образов;**

– **Тверская, с чистотой и лаконизмом в подаче иконолического образа.**

При этом наиболее ярко национальные особенности проявились в Московской школе иконописи, которую можно считать квинтэссенцией всей древнерусской иконописной школы.

Таким образом, русская иконописная школа стала логическим продолжением византийской традиции, которая обогатилась мастерством и оригинальностью духовного содержания, которое заключено в понятиях иконописной лаконичности, композиционной выверенности, а также в культурфилософско-религиозных понятиях трепетности и личностного самосовершенствования.

1. Киево-Печерский патерик. М., 1980.
2. *Лепяхин В.В.* Икона и Иконичность. СПб., 2002.
3. *Еремина Т.С.* Мир иконописцев. М., 2005.
4. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Херсонес – Херсон – Карсунь. Путешествие через века. К., 2003.
5. Крым православный / отв. ред. А.А. Руденко. Симферополь, 2012.
6. *Лепяхин В.В.* Образ иконописца в русской литературе XI–XX вв. М., 2005.
7. *Успенский Л.А.* Богословие иконы Православной церкви. М., 2007.
8. *Лазарев В.Н.* Новгородская иконопись. М., 1976.
9. *Родникова И.С.* Псковская икона XIV–XVII вв. из собрания Псковского музея. Псков, 2013.
10. *Соболева М.Н.* Стенопись Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря в Пскове // Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968.
11. *Грабарь И.Э.* Художественная школа древнего Пскова // О древнерусском искусстве. Ис-

следования, реставрация и охрана памятников. М., 1966.

12. *Лазарев В.Н.* Русская иконопись. От истоков до начала XVI в. М., 1983.
13. *Розанова Н.В.* Ростово-Суздальская живопись XII–XVI веков. М., 1970.
14. *Масленицын С.И.* Живопись Владимиро-Суздальской Руси, 1157–1238 гг. М., 1998.
15. *Забелин И.Е.* Следы литературного труда Андрея Боголюбского // Археологические известия и заметки. М., 1895. № 2-3. С. 37-49.
16. *Лазарев В.Н.* История византийской живописи: в 2 т. М., 1970. Т. 1.
17. *Евсеева Л.М., Кочетков И.А., Сергеев В.Н.* Живопись древней Твери. М., 1974.

1. Kiev-Pecherskiy paterik. M., 1980.
2. *Lepakhin V.V.* Ikona i Ikonichnost'. SPb., 2002.
3. *Eremina T.S.* Mir ikonopistsev. M., 2005.
4. *Sorochan S.B., Zubar' V.M., Marchenko L.V.* Khersones – Kherson – Karsun'. Puteshestvie cherez veka. K., 2003.
5. Krym pravoslavnyy / otv. red. A.A. Rudenko. Simferopol', 2012.
6. *Lepakhin V.V.* Obraz ikonopistisa v russkoy literature XI–XX vv. M., 2005.
7. *Uspenskiy L.A.* Bogoslovie ikony Pravo-slavnoy tserkvi. M., 2007.
8. *Lazarev V.N.* Novgorodskaya ikonopis'. M., 1976.
9. *Rodnikova I.S.* Pskovskaya ikona XIV–XVII vv. iz sobraniya Pskovskogo muzeya. Pskov, 2013.
10. *Soboleva M.N.* Stenopis' Spaso-Preobrazhenskogo sobora Mirozhskogo monastyrya v Pskove // Drevnerusskoe iskusstvo. Khudozhestvennaya kul'tura Pskova. M., 1968.
11. *Grabar' I.E.* Khudozhestvennaya shkola drevnego Pskova // O drevnerusskom iskusstve. Issledovaniya, restavratsiya i okhrana pamyatnikov. M., 1966.
12. *Lazarev V.N.* Russkaya ikonopis'. Ot istokov do nachala XVI v. M., 1983.
13. *Rozanova N.V.* Rostovo-Suzdal'skaya zhivopis' XII–XVI vekov. M., 1970.
14. *Maslenitsyn S.I.* Zhivopis' Vladimiro-Suzdal'skoy Rusi, 1157–1238 gg. M., 1998.
15. *Zabelin I.E.* Sledy literaturnogo truda Andrey a Bogolyubskogo // Arkheologicheskie izvestiya i zametki. M., 1895. № 2-3. S. 37-49.
16. *Lazarev V.N.* Istoriya vizantiyskoy zhivopisi: v 2 t. M., 1970. T. 1.
17. *Evseeva L.M., Kochetkov I.A., Sergeev V.N.* Zhivopis' drevney Tveri. M., 1974.

Поступила в редакцию 7.10.2015 г.

UDC 7.04

CULTURAL-PHILOSOPHIC PECULIARITIES OF APPEARANCE AND FORMATION OF RUSSIAN ICON-PAINTING SCHOOL

Mikhail Viktorovich NIKOLSKIY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of Theatrics and Fine Arts Department, e-mail: timnik2004@rambler.ru

Cultural-philosophic peculiarities of appearance and formation of Russian icon-painting school, starting from first icons, which were in Russia before Moscow icon-painting school are reviewed. The language of icon as of a form of expression of spiritual postulates is analyzed. The works of icon-painting of Novgorod, Pskov, Vladimir-Suzdal and Tver schools are analyzed and listed, and also temple art in general with the help of cultural-philosophic methods. The historical studies of art, culturological and philosophic preconditions of appearance and formation of Russian icon-painting schools with their peculiarities are shown. These are Novgorod temple art with image-contemplative reading of iconographic image, Pskov temple art with figurativeness and integrity, Vladimir-Suzdal temple art with its spiritual-esthetic beauty of images, Tver temple art with clearness and laconic of icon image. The interactions of Byzantine and Russian icon-painting schools, their common and different features are revealed. The model of peculiarities of appearance and formation of Russian icon-painting school till Moscow period in icon-painting is presented. The peculiarities of language of icon as of form of expression of spiritual postulates are identified. The basic resources on theme of research are proposed.

Key words: language of icon; spiritual postulates; icon-painting school; temple art; iconicity; Byzantine art; Novgorod icon-painting; Pskov icon-painting; Vladimir-Suzdal icon-painting; Tver icon-painting; spiritual and aesthetic values.

УДК 008

КУЛЬТУРА БЕЛГОРОДЧИНЫ КАК БАЗОВЫЙ РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ УГРОЗ ГУМАНИТАРНОГО КРИЗИСА

© Сергей Николаевич ЗЕНИН

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Российская Федерация, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, зав. отделом
аспирантуры и магистратуры, e-mail: zeninbgiki@yandex.ru

© Валентина Афанасьевна КУЛАБУХОВА

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Российская Федерация, доцент кафедры актерского
искусства, e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

© Марина Анатольевна КУЛАБУХОВА

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, профессор кафедры гуманитарных наук, зав. кафедрой
гуманитарных наук, e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

© Валентина Николаевна КЛИМОВА

Белгородский государственный институт искусств и культуры,
г. Белгород, Российская Федерация, преподаватель кафедры
гуманитарных наук, e-mail: klimova.vn@yandex.ru

Рассматриваются ценностные основания, смыслы культуры Белгородчины и отдельных ее явлений, обеспечивающих сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей. Обращение к избранным произведениям народной культуры (в частности, словесного фольклора) и классического и современного искусства (литературы, скульптуры, живописи), отразившим душу народа, особенности уклада и созидательного труда, позволяет представить духовные приоритеты белгородцев разных поколений, обеспечившие процесс создания и сохранения Белгородчины как уникальной творческой и научно-образовательной лаборатории, одного из ведущих регионов современной России. В новейших геополитических и социально-экономических условиях культура Белгородчины является важнейшим ресурсом преодоления гуманитарного кризиса, решающим условием повышения уровня владения русским языком, знания истории, обычаев и традиций народа, базовым фактором формирования способности человека понимать и ценить искусство и культуру. Культура Белгородчины – постоянно эволюционирующее сложное явление, стратегический ресурс регионального и государственного развития, благодаря которому осуществляется создание единого культурно-образовательного пространства, успешное введение в него личности, способной к историко-культурной самоидентификации, являющейся носителем и транслятором базовых духовных ценностей, идеалов малой и большой Родины.

Ключевые слова: ценностные основания культуры; словесный фольклор; литература; живопись; славянский культурный код; гуманитарный кризис; культурно-образовательное пространство.

Образ Белгородчины 2017 г. будет тусклым, безрадостным и нежизнеспособным, если мы не будем поддерживать культуру. Поддержка культуры и духовных традиций – ключевое направление нашей работы... Для нас культура уже давно не отраслевое понятие, а системообразующее и мировоззренческое. Культура – это всегда движение к Свету, а значит – к Добру.

*Е.С. Савченко,
губернатор Белгородской области*

В ситуации преодоления многочисленных вызовов современности: ценностного нигилизма, агрессии псевдоценностей обще-

ства потребления и пр. – обращение к культуре русской провинции как к смысловому коду отечественной цивилизации представляется одним из наиболее действенных средств преодоления угроз гуманитарного кризиса. Именно культура региона как «совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей (этических, эстетических, интеллектуальных, гражданских и т. д.)» [1], в силу укорененности в традиции, оказывается более стабиль-

ным явлением, менее подверженным ценностным трансформациям, нежели искусство столиц, и отражающим особый пространственно-временной образ, не «пространство, выпавшее из времени», а пространство, соединяющее человека с вечностью [2, с. 49].

Духовные приоритеты культуры являются решающим условием социально-экономического, культурно-цивилизационного прорыва, совершенного на рубеже XX–XXI вв. Белгородчиной, всегда выполнявшей особые социально-экономическую и культурно-политическую функции, сегодня являющейся ведущим регионом России. В условиях многолетнего поиска национальной идеи Белгородчина избрала единственно верный путь духовности как меры существования человека и прогрессивного развития русской провинции, где многовековые традиции успешно сочетаются с инновациями, где «творить, созидать добро – вот смысл и главное занятие человека на земле» (Е.С. Савченко).

Исторически Белгородчина – земля пахарей и воинов, потому и в сознании наших предков, и в мировоззрении современников духовными приоритетами становятся вера, по которой и дана колыбель крестьянского мира, и верность земле, проявляющаяся в ее возделывании, благоуукрашении и защите. Много раз дававшая отпор захватчику, ставшая наследницей Дикого поля, видевшая поход князя новгород-северского Игоря на половцев в 1185 г., с честью поправшая татар Белгородчина, изрезанная Муравским, Изюмским и Кальмиусским шляхами, была известна и как порубежная Белгородская засечная черта со своими мощными крепостями, и как родина Большого Белгородского полка – участника Полтавской битвы, и как благополучный центр провинции, и как гостеприимная столица губернии, и как ряд богатейших уездов, и как земля, на которой появилась знаменитая песня «Там, вдали за рекой»...

Пограничное положение Белгородчины всегда предопределяло проявление в культуре и характере ее жителей лучших качеств: трудолюбия и гостеприимства, целомудрия и справедливости, милосердия и самоотверженности, скромности и героизма. Единая система духовно-нравственных ориентиров и идеалов, отраженная в ярких образцах народной культуры, классического и современ-

ного искусства, которая всегда обеспечивала сохранение и трансляцию славянского культурного кода, в основе которого многовековая незыблемая парадигма ценностей: человек, семья, земля, дом, труд, вера, совесть, любовь, справедливость, свобода, слово, традиция, патриотизм, – и сегодня остается основой “cultural vitality” («культурной жизненной силы места»), культурно-исторической памяти, обуславливает формирование гармонично развитой личности, укорененной в культуре и истории малой Родины, установление духовного диалога между представителями разных поколений, социальных групп как важнейшего условия процесса укрепления единства общества, потребность в увековечивании памяти выдающихся земляков, в сохранении и приумножении исторического и культурного наследия.

Новые траектории развития Белгородской области в новом тысячелетии, связанные с повышением качества жизни каждого человека, укреплением промышленного комплекса, экологизацией среды обитания (вернее, целостного природного и культурно-образовательного пространства), актуализируют потребность в воспитании региональной научно-творческой элиты, воспитанной на основе наследования и трансляции духовных скреп, овладения достижениями культуры и искусства как фундамента провинциального и русского мира, ориентированной на реализацию творческого потенциала. В данном контексте культура Белгородчины оказывается одним из важнейших ресурсов и условий процессов формирования и трансляции ценностных смыслов региональной и национальной истории и культуры, важнейшим фактором переосмысления значения труда, творчества, возвращения уважения к человеку любой профессии, решающим условием воспитания не потребителей, а создателей, проводников между земным и небесным, временным и вечным, обеспечивающих прорыв в новое мировоззрение, традиционную систему ценностей, обуславливающих реализацию гуманистической человекоцентристской, культуроцентристской политики Белгородчины в ближайшие годы.

Возрождение Святого Белогорья началось в непростое для России время, в 1991 г., с обретения мощей святителя Иоасафа, епископа Белгородского, чудотворца, жившего в

XVIII в., пребывающего в памяти верующих и истории Русской православной церкви защитником сирых, молитвенником обо всех нуждающихся в поддержке, благоукрашателем земли православной, устройтелем храмов и монастырей, примером жертвенного служения Богу и людям. В сознании наших современников образ великого чудотворца и молитвенника, в первую очередь, соотносится с идеалами подвижничества и жертвенности, милосердия и любви, которые воплотились и в многочисленных духовных подвигах святителя Иоасафа, и в его возвращаемом ныне белгородцам духовном наследии: «Слове святителя Иоасафа Белгородского о любви к Богу» и поэме «Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными...», – яркость образов и неоспоримый дидактизм которого сообщает произведениям вневременность звучания:

Если на земных стезях этой тленной жизни
Направление ты взял к неземной Отчизне,
Нападает враг тогда, но не устрашайся,
Прилагай труды к трудам и вооружайся,
Добродетели к себе в помощь призывая,
Бейся в яростной борьбе, стой, не унывая!
Если Гордость нападет, погаси горенье,
Знай, тебя победа ждет, лишь призвав Смиренье.
Если Зависть, вдруг напав, помыслы смущает,
Милостыня – добрый нрав бурю укрощает.
Лишь в одежде Чистоты будет путь удобным.
С нею ангелам святым станешь ты подобным... [3].

Конструктами формирования мировоззрения человека и мира Белгородчины, обеспечивающих преодоление временного благодаря близости вечных, вневременных начал провинциального, русского, славянского мира, становятся отраженные в культуре региона:

– **православная вера, молитва** («сосредоточенная и страстная обращенность души к Богу» [4, с. 615]), являющиеся основой смирения и скромности. Именно здесь – на земле малой родины, как правило, в детстве, открываются лики святых, храмы, колокольни, монастыри, «образы национальной святости и национальной доблести», сопровождающие человека в его земной жизни, исполненной самых разных чувств: от радостного ликования до трагического опустошения, – над которыми довлеет совесть и соучастие в судьбе земли и народа, чьи «алтари

<...> святы и <имеют> право на почетное место в мировой истории» [4, с. 619].

Не утратившая своих духовных корней Земля Белгородская предстает как хранительница идеалов Святой Руси, непобедимой веры и праведности, такой, в частности, она предстает в художественном мире поэта И.А. Чернухина:

Жива святая Русь!
Жива Россия!..
Горят ее, сияют купола.
От моря и до моря
– с новой силой
Звонят, звонят ее колокола.
И кланяясь малиновому гуду,
Я слышу голос свыше у плеча:
– Молись за Русь!
Пока горит свеча,
Пока звонят колокола повсюду [5, с. 354];

– **богатства русского языка, словесной культуры.** Так, нередко создатели региональной культуры объясняют происхождение топонимов, обращают к истории населенных пунктов, как, в частности, белгородский поэт В. Чурсин:

Богата Русь Мариями, Иванами,
Так повелось уж испокон веков.
Богата Русь певучими названиями
И городов, и сел, и хуторов <...>
Названья будто мастер все выстрогивал,
Именовал, вздохнувши от сохи:
Деревня под яругой – Подъяруги,
Деревня под ольхою – Подольхи.
Слова рождались все – живые и разумные,
Ядреные, хоть пробуй их на зуб:
Ольшанка, Правороть, Шипы и Думное,
Гремучий, Вязовое, Редкодуб [6, с. 256];

– **народная мудрость, образцы народного поэтического творчества.** Уникальными памятниками нравственной чистоты и достоинства, ответственности и целомудрия становятся паремии Белгородчины, в первую очередь многочисленные пословицы: «Не тот отец и мать, кто родил, а тот, кто вспоил, вскормил, да добру научил»; «Умей дитя родить, умей и добру научить»; «Своя земля и в горсти мила»; «Человек без Родины – что соловей без песни»; «С родной земли – умри, не сходи»; «Землю уважай – будя урожай»; «Дом вести – не лапти плести»; «Иде народился, там и сгодился»; «Кажин кулик свое

болото хвалит»; «Земелюшка кормит людей, как мамушка детей» [7, с. 94];

– **природный и культурно-исторический ландшафт Отечества**, благодаря которому человек видит «пространственный простор своей страны <...> <должен> почувствовать, что русская национальная территория добыта кровью и трудом, волею и духом» [4, с. 628]. О постижении этого простора, о гармонии ландшафта малой родины читаем, в частности, в дневниках графика мирового значения, белгородца С.С. Косенкова (от 7 августа 1974 г.): «Вчера был в Деревне Моего Детства. Она еще глубже запала ко мне в Душу. Что это и как можно говорить об этом? У меня нет слов, я не могу говорить о самом искреннем в моей жизни. Были Простота, Простор и Ясность. Ясность и простота вместе ходят» [8, с. 179]. Наглядным примером единства, нераздельности природного и культурно-исторического ландшафта стало описание белгородского села в повести в новеллах В.И. Федорова «Сумка, полная сердец»: «Село наше непростое. Другого такого нет на всем свете. На одном конце его называют Чистый Колодезь, а на другом – Чиста Криница. На одном растут ветлы, а на другом – вербы. На одном мои односельчане поют «Ревела буря», а на другом – «Реве та стогне». А впрочем, иногда те поют «Реве та стогне», а эти – «Ревела буря». А вот хаты и там и тут белые-белые. Весной мне кажется, что расторопные хозяйки, стараясь одна перед другой, побелили не только свои хаты, но и вишневые сады и даже бугры вокруг села» [9].

Ключевым образом в культуре Белгородчины становится образ Прохоровского – Третьего – поля России, которому посвящены произведения литературы и музыки, живописи и кино, в частности, поэма И.А. Чернухина «Третье поле»:

Куликовское, Бородинское,
Поле Прохоровское – родня:
Все по духу, по кровному близкие,
Разве только из разного дня.
Веет дух Пересвета над вами,
Дух Кутузова,

дух Горовца...

Память Родины не убывает,
И, как прежде, волнует сердца.
Славу русскую трижды умножив,

Третье Поле, –

ты давний урок:

Меч поднявший – мечом уничтожен,
Сам в поля эти черные лег [5, с. 432-433];

– **родовая и коллективная (национально-историческая) память**, обеспечивающая сохранение и трансляцию истории народа, церкви и государства новым поколениям. Обращение к родовой и коллективной памяти помогает мастерам «освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее» [4, с. 624], «гордиться славою своих предков» (А.С. Пушкин). Прапамять в наследии создателей региональной культуры приходит, как правило, как наследство детства, о чем в архиве С.С. Косенкова находим лаконичную запись: «Мое обращение к теме своего детства, теме памяти, деревни, своих истоков – тема неисчерпаемая... Ведь только в детстве живешь полно, когда любое действие – без внутреннего противодействия, безо всяких рефлексий. И все воспринятое тогда – это действительное знание, а воспринятое позже – знания приобретенные. То, что знаешь в детстве, знаешь нутром, всем существом своим; то, что позже – глазами, умом» [8, с. 180].

Отражением памяти в культуре Белгородчины становятся **судьбы соотечественников, земляков**, «в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее» [4, с. 617]. Не случайно потому, в частности, в дневниковых записях С.С. Косенкова (от 30 мая 1984 г.) находим: «...снова берусь за себя, за свое, за родное. Написать свою поэму жизни. Сказать то, что близко людям одной со мной «группы крови». Все время держать *это* главным. Сделать листы, серию «Борозда памяти». Памяти людей, земли, деревьев и травы, домов, предметов» [8, с. 201].

Образы земляков в культуре региона и ее мастеров неразрывно связаны с многовековым народным знанием, колоссальным опытом предков, уникальной смысло-жизненной парадигмой, где доминируют идеалы святости, семьи и Отечества, в которой суть личной и общественной жизни предопределена такими добродетелями, как целомудрие, совестливость, милосердие, трудолюбие, служение, согласие, терпение. В дневниках С.С. Косенкова (от 13 июля 1983 г.) читаем: «...были в Прохоровке и селе Прелестном, на

открытии мемориала <...> Там прекрасный обычай выносить столы на улицу с портретами погибших <...> Одна бабуся рассказывала, как, сидя в укрытии во время бомбежки или артподготовки, убивает ее сестру с ребенком, а ее грудному мальчику у нее на руках отрывает осколком ножку! И какое у нее лицо! Ни тени ожесточения или злости! Хотя жизнь ее не балует...» [8, с. 203]. Унаследовавший аксиологический код русской провинциальной жизни мастер-труженик (не устающий, как говорил С.С. Косенков, «пахать») устремлен к творчеству – «одной из высших радостей, переживаемых» на земле» [10, с. 37].

Одним из самых доступных и демократичных явлений культуры Белгородчины выступает документальное кино, возвращающее общество к искусству, основанному на подлинных фактах, рождающееся на стыке образного и аналитического, конкретно-образного, где отражается система базовых духовных ценностей как смыслового кода существования на земле малой и большой Родины.

Одним из брендов Белгородского государственного института искусств и культуры, которому в нынешнем году исполнилось 55 лет, является авторское документальное кино. Запечатлеваемые в аудиовизуальных произведениях, создаваемых в вузе, образы культуры и искусства, знаковые произведения творчества мастеров прошлого и современников выступают в контексте авторской трактовки важнейшим условием укоренения человека в культурно-историческом ландшафте Белгородчины как ноосферы, природно-творческой лаборатории, решающим фактором личностной самоидентификации.

В документальном фильме А. Новикова «Философ, просветитель, человек!..» (Белгород, 2013) представлен портрет философа, просветителя, литератора, идеолога прогрессивной молодежи 30-х гг. XIX в. Н.В. Станкевича на фоне культурно-исторического ландшафта его духовной родины – Белгородчины. Появившийся в результате освоения документов, переписки фильм становится публицистическим размышлением о феномене востребованности духовного наследия «последнего идеалиста XIX в.» Н.В. Станкевича на родной для него Белгородчине, в России, ближнем и дальнем зарубежье. Соз-

датель фильма убежден, что в эпоху омасовления сознания, навязывания потребительских идеалов и норм возвращение к человеку, его собственным мыслям и чаяниям, формирование гуманного отношения к нему, сохранение неповторимо индивидуального, гармонизация человеческой личности невозможны без сохранения примеров личного вклада в развитие общества и государства, без актуализации образцов жертвенного служения человеку и человечеству.

Документальный фильм И. Гордовского «Сердце, опаленное войной» (Белгород, 2011) посвящен трагической судьбе Марии Федоровны Хорхординой, ставшей прототипом памятника «Вдове и Матери солдата» (авт. А. Шишков), который установлен в с. Бабровы Дворы (Губкинский район Белгородской области). Жизнь М.Ф. Хорхординой схожа с судьбами миллионов вдов России, не потерявших способности дарить душевное тепло, сердечную щедрость, преподающих новым поколениям пример подлинной любви к жизни и – одновременно – искренней скорби и памяти о павших, не утратившей и в новом веке интереса к миру во всех его проявлениях. Создавая непарадный портрет простой русской женщины, И. Гордовской стремится придать материалу естественность изложения, приглашая зрителя к размышлению о значимости человека в прошлом и настоящем, о подлинной силе любви, верности и надежды соотечественниц, не только не потерявших себя в период потрясений и потерь, но сумевших в одиночку воспитать новые поколения достойных людей. Объективный взгляд на героиню рождает субъективные сопоставления: женщина и памятник, женщина и дети, женщина и поле, женщина и земля, – и в каждой концептуальной паре женщина оказывается основой, первоначалом, равным самой Родине, поэтому намного величественнее по сравнению с произведением А. Шишкова кажется маленькая фигурка женщины у подножия величественного памятника «Вдове и Матери солдата».

Ценностно-ориентированный подход к исследованию и наследованию культуры стал смысловой доминантой авторской программы и модуля «Культура» (авт. М.А. Кулабухова, С.И. Ботова) интегрированного курса «Белгородоведение», вводимого сегодня в образовательных учреждениях нашего

региона при активной поддержке губернатора Белгородской области Е.С. Савченко и Правительства Белгородской области.

В новейших исторических обстоятельствах, требующих максимального вовлечения потенциала культуры в процессы общественного прогресса, культура Белгородчины (в т. ч. и ее становящаяся аудиовизуальным кодом региональной культуры документалистика) является важнейшим ресурсом преодоления гуманитарного кризиса, решающим условием повышения уровня владения русским языком, знания истории, обычаев и традиций, базовым фактором формирования способности человека понимать и ценить искусство и культуру, обнаружения и развития творческих, созидательных возможностей личности, действенным залогом качественного роста культурных и досуговых потребностей земляков и соотечественников (в частности, в отношении медиапродукции). Поборница традиций православия, канонов веры, сокровищница русского языка и словесной культуры региона и Отечества, ревностная защитница и транслятор образцов народного творчества, хранительница неповторимого природного и культурно-исторического ландшафта, носительница родовой и коллективной памяти, судеб выдающихся земляков, соотечественников, культура Белгородчины, представляющая собой постоянно эволюционирующее сложное, многослойное и многожанровое явление, – стратегический ресурс регионального и государственного развития, благодаря которому осуществляется создание единого культурно-образовательного пространства, успешное введение в него личности (в первую очередь, детей, подростков, молодежи), способной к историко-культурной самоидентификации, являющейся носительницей и транслятором базовых духовных ценностей и идеалов малой и большой Родины.

1. Основы государственной культурной политики. URL: http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf (дата обращения: 07.09.2015).
2. Бурлина Е. Мифы о провинциальной культуре // Русская провинция. 1994. № 1.

3. Святитель Иоасаф, епископ Белгородский. Брань честных семи добродетелей с семью грехами смертными... URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioasaf_Belgorodskij/bran-chestnykh-semi-dobrodetelej-s-semju-grekhami-smertnymi (дата обращения: 07.09.2015).
4. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Мн., 2009.
5. Чернухин И.А. Стихотворения. Баллады. Поэмы. Белгород, 2003.
6. Антология современной литературы Белгородчины. Белгород, 1993.
7. Жиров М.С., Зенин С.Н., Кулабухова М.А. Традиционный словесный фольклор и масс-медиа: тенденции взаимодействия в современном медиапространстве. Белгород, 2011.
8. Косенков Станислав. Графика. Живопись. Дневники: альбом. СПб., 2011.
9. Федоров В.И. Сумка, полная сердец. Петрозаводск, 1964.
10. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9 т. / под общ. ред. А.С. Мясникова, Б.С. Рюрикова, А.Т. Твардовского. М., 1965–1967. Т. 6.

1. Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki. URL: http://library.stu.ru/files/Ykaz_Presidenta_N_808.pdf (data obrashcheniya: 07.09.2015).
2. Burlina E. Mify o provintsial'noy kul'tu-re // Russkaya provintsiya. 1994. № 1.
3. Svyatitel' Ioasaf, episkop Belgorodskiy. Bran' chestnykh semi dobrodeteley s sem'yu grekhami smertnymi... URL: http://azbyka.ru/otechnik/Ioasaf_Belgorodskij/bran-chestnykh-semi-dobrodetelej-s-semju-grekhami-smertnymi (data obrashcheniya: 07.09.2015).
4. Il'in I.A. Put' dukhovnogo obnoveniya. Mn., 2009.
5. Chernukhin I.A. Stikhotvoreniya. Ballady. Poemy. Belgorod, 2003.
6. Antologiya sovremennoy literatury Belgorodchiny. Belgorod, 1993.
7. Zhiron M.S., Zenin S.N., Kulabukhova M.A. Traditsionnyy slovesnyy fol'klor i mass-media: tendentsii vzaimodeystviya v sovremennom mediaprostranstve. Belgorod, 2011.
8. Kosenkov Stanislav. Grafika. Zhivopis'. Dnevnik: al'bom. SPb., 2011.
9. Fedorov V.I. Sumka, polnaya serdets. Petrozavodsk, 1964.
10. Bunin I.A. Sbranie sochineniy: v 9 t. / pod obshch. red. A.S. Myasnikova, B.S. Ryurikova, A.T. Tvardovskogo. M., 1965–1967. T. 6.

Поступила в редакцию 7.10.2015 г.

UDC 008

CULTURE OF BELGOROD REGION AS A BASIC RESOURCE OF OVERCOMING THE MENACES OF HUMANITARIAN CRISIS

Sergey Nikolaevich ZENIN, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Humanities Department, Head of Post-graduates Study and Magistracy Department, e-mail: zeninbgiki@yandex.ru

Valentina Afanasyevna KULABUKHOVA, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation, Associate Professor of Acting Art Department, e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

Marina Anatolyevna KULABUKHOVA, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of Humanities Department, Head of Humanities Department, e-mail: kulabukhova-bgiki@yandex.ru

Valentina Nikolaevna KLIMOVA, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russian Federation, Lecturer of Humanities Department, e-mail: klimova.vn@yandex.ru

Value basis, the essence of culture of Belgorod region and some phenomena that provide saving, production, transmission and spread of spiritual values are reviewed. The appeal to the chosen works of national culture (particularly oral folklore) and classical and modern art (literature, sculpture, painting) which revealed the soul of the people, peculiarities of way of life and constructive labour, all that helps present spiritual preferences of Belgorod people of different generation, which provide the process of creation and saving Belgorod region as a unique creative and scientific-educational laboratory, one of the leading regions of modern Russia. In newest geopolitical and social-economic conditions the culture of Belgorod is an important resource of overcoming humanitarian crisis, the decisive condition of increase of knowing Russian language, the knowledge of history, customs and traditions of people, basic factor of formation of ability of person to understand and appreciate art and culture. Culture of Belgorod region always evolves comprehensive phenomenon, strategy resource of regional and state development due to which the creation of one cultural-educational space is happening and successful implementation of the personality which is able to historically-cultural self-identification which is the transmitter of basic spiritual values, ideals of small and big native country.

Key words: value basis of culture; oral folklore; literature; painting; Slavonic cultural code; humanitarian crisis; cultural-educational space.

УДК 378

ВОСТОЧНЫЕ ЦЕННОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на примере Китая)

© Андрей Васильевич ПРОХОРОВ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, зам. начальника научно-технического управления,
e-mail: proh_and@rambler.ru

Рассмотрены основные направления развития высшего образования в странах Азии на современном этапе. Системы высшего образования стран Азии демонстрируют заметный рост, а отдельные университеты начинают приближаться к лидирующим позициям в международных рейтингах вузов, претендуют на получение статуса университетов мирового класса. Наиболее заметную динамику демонстрируют вузы Китая и Японии, вырабатываются перспективные стратегии развития национальных систем высшего образования в других странах. Изменения в системах высшего образования стран Азии связаны, прежде всего, с реализацией глобальных тенденций: глобализации, интернационализации, формирования общества знания и т. д. Видимые изменения в сфере высшего образования влекут трансформацию ценностных основ академических культур. Азиатские вузы, с одной стороны, адаптируют западные ценности высшего образования, с другой – пытаются сохранить национальную специфику академической культуры. В то же время наблюдаются заметные сложности с реализацией некоторых базовых ценностей высшего образования, в первую очередь – академической свободы как ведущей ценности высшего образования. Особое внимание уделено современному состоянию академической культуры Китая, система образования которого развивается наиболее динамично.

Ключевые слова: университет; Китай; академическая культура; корпоративная культура; ценности; академическая свобода.

Азиатские страны в последнее десятилетие захватывают ведущие позиции на глобальном рынке образовательных услуг. Подтверждением растущего уровня высшего образования в странах Азии являются рейтинги высших учебных заведений, в которых все более высокие позиции занимают университеты Китая и Японии, пытаясь нарушить гегемонию европейских и североамериканских университетов. Отмечается заметное повышение качественного уровня высшего образования, предлагаемого в Сингапуре, Южной Корее, Тайване, Гонконге, разрабатываются «сценарии будущего» высшего образования в Малайзии [1; 2].

На фоне интенсивного развития высшего образования в Азии может показаться, что в Европе наметился кризис в этой сфере. Но Ф. Альтбах отмечает, что заметные темпы роста в сфере высшего образования в одной части земного шара не означают его упадок в других регионах [3, p. 3].

Изменения в системах высшего образования стран Азии проходят в русле общемировых тенденций, а именно глобализации, интернационализации, формирования общества знаний. В то же время специалисты го-

ворят о необходимости разработки собственного – «азиатского» – пути развития высшего образования.

Азиатские университеты в основных аспектах функционирования вынуждены адаптировать англо-саксонскую модель в целях достижения конкурентоспособной позиции на мировом рынке образовательных услуг [4, p. 443]. Хо Ка Мок отмечает, что интернационализация не должна восприниматься только как следование американскому или англо-саксонскому стандартам, при этом он признает более продвинутый уровень академических сообществ в США и странах Европы. По его мнению, следует критически подойти к тому, что следует заимствовать в Европе и США и в какой степени интегрировать эти заимствования в образовательные системы азиатских стран [4, p. 438].

Азиатские университеты стали уделять пристальное внимание международному бенчмаркингу, т. е. изучению и заимствованию положительного опыта зарубежных, прежде всего европейских стран. К этому их подталкивает желание занять лидирующие места в рейтингах мировых университетов, поднять свой престиж в глаза мировой обще-

ственности, обеспечить приток иностранных абитуриентов и т. д. При этом во внимание принимается тот факт, что критерии для попадания в рейтинги определены англосаксонскими традициями и практикой [4].

Качественное развитие высшего образования в странах Азии многие связывают именно с его интернационализацией. Первые попытки интернационализации высшего образования в странах Азии отмечаются во второй половине XIX в. Они связаны с развитием академической мобильности, стажировками и более углубленной подготовкой азиатских студентов и преподавателей в зарубежных странах. Университеты Азии начинают адаптировать западную модель высшего образования, продемонстрировавшую свою состоятельность в Германии, Франции, Великобритании, а также в США. Флагманами интернационализации образования в Азии можно считать Китай и Японию. Отчасти это связано с тем, что Япония и Китай не были колониями европейских стран, как, например, Индонезия, Малайзия, Филиппины [3; 5–9]. В странах-колониях, как неоднократно отмечал Ф. Альтбах, практически не уделялось внимания преподаванию языка, и, в целом, образования и науке, что впоследствии сказалось на уровне образования в этих странах.

С середины XX в. и вплоть до 1980-х гг. характер интернационализации высшего образования определялся «холодной войной», а страны были условно поделены на две группы. Одна группа адаптировала советскую модель, в рамках которой университеты находились под жестким государственным контролем, получали финансовую поддержку от государства, другая – американскую модель, которая характеризовалась определенной степенью автономности университетов.

Кардинальные изменения стали происходить в 1990-х гг., что было связано с интенсивной экономической глобализацией, развитием ИТ-технологий, а также внедрением в общественные сферы рыночно-ориентированных механизмов. Интернационализацию образования в азиатских странах объясняют экономическими факторами, а также усилением конкуренции в глобальной среде. Спектр мер, подчиненных интернационализации, стал расширяться: от мобильности студентов и преподавателей до интернационализации учебного плана, развития между-

народных организаций, консорциумов университетов на региональном и глобальном уровнях [8].

Интенсивность мер по интернационализации высшего образования зависит от образовательной политики отдельных стран. Основываясь на опыте азиатских стран, выделяют три направления транснационального образования:

- 1) регулируемое государством (Китай, Малайзия, Южная Корея);
- 2) рыночно-ориентированное (Гонконг);
- 3) транзитивное, характеризующееся переходом от регулируемого государством к рыночно-ориентированному (Япония, Тайвань) [8, p. 425].

В Тайване реализуются три формы транснационального образования: обучение за рубежом, программу двойных дипломов и онлайн обучение. В Сингапуре развитие получило «внутренне» дистанционное образование, увеличилось количество филиалов зарубежных вузов.

В странах Азии реализуются различные стратегии по улучшению систем высшего образования. В Сингапуре и Гонконге происходит строительство университетов по западным образцам: в больших количествах привлекаются зарубежные преподаватели, копируются нормы академической организации и принципы менеджмента учебного заведения. В Южной Корее были поддержаны несколько государственных проектов по повышению престижа университетов. В Тайване был сделан акцент на привлечении собственных специалистов, получивших образование на Западе.

Отмечается заметный прогресс в развитии системы высшего образования Сингапура. Значительные финансовые влияния в экономику образования страны позволили Сингапуру стать крупным международным образовательным центром, предлагающим современные образовательные программы, в т. ч. дистанционные программы обучения [10, с. 25]. Ряд зарубежных университетов открыли в Сингапуре свои представительства [3, p. 4].

Среди азиатских стран наиболее показательными являются изменения в системе высшего образования Китая, которая считается крупнейшей в мире по числу студентов и преподавателей. Исследователи высшего

образования в странах Азии считают Китай собирательным образом тех изменений, которые происходят в образовании всех азиатских стран. Высшее образование в Китае долгие годы было изолировано от мирового рынка образовательных услуг, а сама модель высшего образования в середине XX в. находилась под влиянием модели высшего образования, существовавшей в СССР. Вплоть до 1988 г. образование было бесплатным, но существовавшая модель не отвечала требованиям экономического развития страны.

С начала 1980-х гг. в Китае правительство придерживались стратегии модернизации существующих университетов посредством продуманных реформ и инвестиционных программ. Показательным примером являются Пекинский университет и университет Цинхуа – два ведущих вуза в Китае, получивших особые полномочия, согласно которым они имели право отбирать лучших выпускников китайских школ из провинций до общего приема в другие вузы [11].

С 1992 г. китайские университеты получили возможность принимать на обучение четверть студентов на платной основе [12, р. 26]. В 2000-х гг. высшее образование в Китае стало более открытым, в т. ч. по отношению к мировым тенденциям развития. Вступление Китая в ВТО повлекло значительные изменения в китайском обществе, а также в системе высшего образования, что стало предметом значительного интереса исследователей [3; 12–14]. Большая открытость страны, изменения в сфере экономики и образования сделали образовательный рынок Китая привлекательным для зарубежных учебных заведений. Среди зарубежных учебных заведений стали популярными образовательные ярмарки, проводимые на территории Китая [15].

В 1995 г. Министерство образования и Министерство финансов выпустили документ под названием «Планирование Проекта 211», нацеленный на создание к началу XXI в. 100 университетов, которые возглавили бы экономическое и общественное развитие страны и заняли ведущие позиции на международном рынке. Данная национальная инициатива в основном сосредоточена на четырех аспектах развития: программы по дисциплинам (международные стандарты и междисциплинарные предметы и области), элек-

тронные кампусы, а также развитие инфраструктуры университета и профессорско-преподавательского состава. Реализация проекта была разбита на 3 фазы, каждая из которых предполагала значительные финансовые вливания в систему высшего образования.

Большую роль в развитии университетского образования в Китае сыграла государственная поддержка, в частности, проекты 211 и 985. Согласно проекту 211 в 1993 г. было отобрано 100 ведущих университетов Китая, которые стали получать приоритетное финансирование. Проект 985, представленный в 1998 г., предполагал более существенное финансирование 43 лучших китайских университетов с целью их выведения на «мировой уровень» [2, с. 7; 4, р. 445].

Последние два десятилетия китайское правительство нацелено на создание системы образования мирового уровня, что подкрепляется реформами и ощутимой финансовой поддержкой. В мае 1998 г. Президент Китая Цзян Цземин на праздновании столетнего юбилея Пекинского университета заявил о намерении правительства создать университеты мирового класса, которые были бы четко ориентированы на прогресс и инновации в науке и технике. За последующие пять лет финансирование сферы высшего образования увеличилось вдвое [11, с. 42; 16, р. 163]. Важное решение было принято в 1999 г., когда Министерство образования объявило об увеличении приема в вузы. Согласно плану Министерства образования Китая, к 2020 г. число студентов должно достигнуть 35,5 млн человек [16].

Несколько лучших университетов получили грантовую поддержку в рамках Проекта-985, что отражает осознанную политику концентрации ресурсов в нескольких вузах с наивысшим потенциалом для достижения успеха на международном уровне [11].

В то же время, по мнению Ф. Альтбаха, система высшего образования Китая сталкивается с трудностями. Китай, инвестируя в наиболее сильные вузы, недостаточно внимания уделяет остальным учебным заведениям, в силу чего они остаются слабыми, а их выпускники не могут найти работу по специальности. Разрыв между сильнейшими вузами и остальными за последние годы заметно вырос. Специалисты отмечают отсутствие в

Китае стратегии развития массового сектора высшего образования [13, с. 32-33].

В связи со вступлением в ВТО Китай вынужден ориентироваться на международные стандарты в сфере образования. Высшие учебные заведения в Китае стали следовать требованиям интернационализации высшего образования, конкурировать за привлечение иностранных студентов. Если в 1990 г. в Китае по различным программам обучалось порядка 7 тыс. иностранных граждан, то в 2000 г. их было уже 85829, четверть которых проходила на обучение по программам, предполагающим последующее получение степени. Стала прослеживаться и другая тенденция. Если в 1990-х гг. обучение иностранных студентов оплачивалось за счет стипендий и грантов, то в последние годы 90 % иностранных студентов обучаются за свой счет [15, р. 9-10]. Более половины иностранных граждан, находящихся в Китае, изучают китайский язык. Второй по популярности специализацией среди иностранных студентов является медицина. 60 % иностранцев изучают традиционную медицину, 40 % – китайскую [17].

Сегодня система высшего образования в Китае считается самой крупной в мире по количеству преподавателей и студентов. Специалисты прогнозируют ее рост за счет государственного сектора, в то время как частный сектор сталкивается с рядом трудностей [16, с. 163].

Тем не менее, доля поступающих в вузы по сравнению с другими развитыми странами еще невысока, поэтому в этом направлении у системы есть перспективы развития [16, с. 164].

В настоящий момент система высшего образования в Китае включает:

- университеты;
- институты дополнительного образования для взрослых;
- радио- и телеуниверситеты с их программами самообразования;
- вузы типа *minban*;
- независимые колледжи [16, с. 164].

Особенностью китайской системы образования является наличие вузов для взрослых, которые позволяют получить диплом или повысить квалификацию. Срок обучения в вузе для взрослых обычно длится 4–5 лет. Колледжи для взрослых, срок обучения в ко-

торых 2–4 года, также характеризуются многообразием [18, с. 133].

Система образования для взрослых уходит корнями в «рабоче-крестьянское образование», которое также называлось «образование, получаемое во вне рабочее время». В последние годы произошло заметное расширение сферы и самих форм получения такого образования. Закрепилось официальное название – «образование для взрослых». Оно предполагает обучение с получением диплома, так и без получения диплома. Взрослые высшие учебные заведения делятся на университет радиовещания и телевидения, высшие профессионально-технические училища, высшие училища для крестьян, институты для подготовки административных кадров, институты образования, независимые институты заочного образования, институты взрослого образования при университете и др. [18, с. 134-135].

В 1981 г. Китай заимствовал американскую систему научных степеней, включающую степень бакалавра, степень магистра и степень PhD. Позднее появились профессиональные степени, например – мастер делового администрирования, MBA [16].

На фоне общего притока иностранных студентов в университеты Китая наметился рост контингента студентов из России, получающих высшее образование в Китае. Так, в 2007/2008 учебном году более 7 тыс. российских студентов обучались в 100 китайских университетах. Большинство из них изучали китайский язык, достаточно популярными были гуманитарные науки: международные отношения, история Китая, философия и т. д. [17]. В целом, по состоянию на 2007 г. контингент иностранных студентов, обучающихся в китайских вузах, по странам распределялся следующим образом: Южная Корея (33 %), Япония (9,5 %), США (7,6 %), Вьетнам (5 %), Тайланд (3,7 %), Россия (3,7 %) [13, с. 120]. В университетах Китая постоянно увеличивается число образовательных программ, которые преподаются на английском языке, что делает их более привлекательными для иностранных студентов. Но, как отмечается специалистами, еще не найден баланс относительно преподавания дисциплин на китайском и английском языках [13, р. 5].

По мнению специалистов, богатые культурные и исторические традиции Китая позволяют постепенно наращивать число привлеченных на обучение иностранных студентов. Значительным стимулом в привлечении иностранных студентов выступают ежегодные стипендии для бесплатного обучения в университетах Китая [14, р. 10; 17, с. 120].

Определяющим для китайского высшего образования стал 2003 г., когда было принято решение разрешить зарубежным образовательным учреждениям создавать на территории Китая совместные (партнерские) образовательные учреждения с китайской стороной. К 2004 г. насчитывалось 700 образовательных программ, предлагаемых китайскими учебными заведениями совместно с зарубежными партнерами [12]. Совместные образовательные учреждения сконцентрированы в восточной части Китая (Шанхай, Пекин, Гуанчжоу и т. д.), т. к. они являются более развитыми в экономическом и культурном плане, чем другие регионы страны [14, р. 11].

Другая особенность развития высшего образования в Китае связана с ростом числа китайских граждан, уезжающих для обучения в зарубежные страны. Существенно выросшие доходы значительной части китайских семей позволили родителям оплачивать обучение детей как в китайских вузах, так и за рубежом. В 2007 г. на обучении в зарубежных университетах находилось 144 тыс. студентов. По прогнозам Министерства образования Китая, начиная с 2010 г. за рубежом ежегодно будут проходить обучение 200 тыс. человек, а с 2020 г. – уже 300 тыс. [14, р. 9-10]. По состоянию на 2006 г. в Японии доля китайских студентов составляла 66 % от общего количества иностранных студентов, Австралии – 22 %, Канаде – 20 %, США и Великобритании – порядка 16 % [12]. В Великобритании представительство китайских студентов является самым крупным среди всех иностранных студентов [4].

В документе ЦК КПК и Государственного совета от 13 февраля 1993 г. подчеркивалось, что китайские студенты, обучающиеся в лучших университетах США и Западной Европы, «представляют собой величайшее достояние китайской нации» [5, с. 80].

Наряду с традиционными формами обучения в зарубежных университетах китайские студенты обучаются по дистанционным

образовательным программам, предлагаемым зарубежными университетами, в виртуальных университетах и филиалах и т. п. Наибольших успехов на китайском рынке образовательных услуг добились университет штата Миссури и Стэнфордский центр профессионального развития (США) [19].

Дополнительным стимулом к развитию системы высшего образования в Китае стало разрешение на создание учебных заведений совместно с зарубежными партнерами и формирование частного сектора высшего образования. Результатом такой инициативы стала деятельность на территории Китая университетов Ливерпуля и Ноттингема (Великобритания), основание по инициативе правительства Дании Китайско-Датского университета и т. д.

В качестве основных целей сотрудничества университета Ноттингема с университетами Китая рассматриваются:

- совмещение лучших британских и китайских образовательных ценностей и практик;
- обучение китайских студентов в лучших традициях интернационализации образования;
- мотивация исследовательской деятельности за рубежом в рамках тематики, представляющей интерес как для университета Ноттингема, так и для китайского общества [12].

Приватизация высшего образования в Китае связана с возникновением частных колледжей и университетов, коммерциализацией государственных вузов. В то же время отмечают особый характер приватизации высшего образования и функционирования частных университетов в Китае по сравнению с западными странами. Частными в Китае называют все негосударственные вузы из-за их финансовой независимости. Подобные университеты функционируют за счет платы за обучение и предоставляемые услуги, в то время как правительство определяет политику их развития, устанавливает требования к ним. Контроль за качеством предоставляемых услуг обеспечивается местными властями. Приватизация образовательных услуг, таким образом, сводится лишь к передаче обязанностей центральной или региональной власти частному сектору либо к изменению характера государственного участия [16, с. 167].

Центральное правительство предложило стратегию развития частного высшего образования, что позволило развить этот сектор в соответствии с запросами динамично растущего рынка.

Р. Хейно и Дж. Лин в качестве примера приводят первый в Китае частный университет Yellow River University of Science and Technology, который был учрежден в 1994 г. В 1999 г. было принято решение о массовом образовании, что привело к значительному увеличению числа студентов, и к 2007 г. в университете обучалось более 13 тыс. студентов по 37 программам с получением степени, 5 тыс. по программам с получением дипломов и сертификатов [15, р. 7].

В Китае действует система самообразования, которая позволяет всем желающим подать заявление на получение дипломов или сертификатов в рамках программы самостоятельного обучения. По результатам сдачи необходимых экзаменов соискатель может получить квалификацию, соответствующую четырехгодичной образовательной программе [16, с. 165].

Несмотря на общий рост высшего образования в Китае, темпы еще не в полной мере соответствуют растущему спросу. В связи с этим правительство инициировало реформы, которые коснулись 5 основных направлений:

- 1) принципов обеспечения образования;
- 2) управления вузами;
- 3) финансирования вузов;
- 4) набора кадров и трудоустройства выпускников;
- 5) внутреннего академического менеджмента вузов [16, с. 168].

Наблюдаемые изменения в системе высшего образования в КНР влекут за собой изменения в ценностных основах академической культуры Китая. Поэтому, на наш взгляд, более глубокого исследования заслуживает текущее состояние академической культуры Китая и происходящие в ней изменения, сравнительный анализ академической культуры азиатских и западных университетов. Ф. Альтбах отмечает, что университетские структуры Китая сильно бюрократизированы, представляют собой сочетание академического управления и управления административного в виде парткомов на каждом факультете и парткома всего университета. В результате, в рамках вуза складывается «бю-

рократизированная и иногда политизированная академическая культура» [13, с. 24].

По наблюдению Ф. Альтбаха, академическая культура в странах Азии основана на принципе академических заслуг (меритократизм), на свободе исследовательской инициативы и на принципе конкуренции, которые дополняются элементами сотрудничества и определенной мобильности [13]. Многие аспекты академической жизни в Китае по-прежнему зависят от личных связей, в частности: набор абитуриентов, продвижение по службе, распределение финансовых средств и т. д.

Другой характерной чертой китайской академической среды является то, что профессорско-преподавательский состав пополняется, как правило, своими же выпускниками. В результате, молодые преподаватели при приеме на работу в университет не проходят должной оценки на открытом рынке труда. Это, по мнению Ф. Альтбаха, «может сдерживать новое мышление и инновации по причине карьерной зависимости и чрезмерного уважения к академической иерархии старшинства. В подобном окружении трудно стимулировать инновационное развитие. Связи между бывшим студентом и его научным руководителем могут создавать автономность внутрифакультетских группировок, сдерживать процессы перемен или даже стимулировать академический фракционализм» [13].

Обсуждая вопросы коррупции в национальных системах образования, Ф. Альтбах отмечает, что в КНР становление прозрачной академической культуры крайне медленно. В частности, отмечается проблема плагиата со стороны профессуры и студентов, манипуляций при публикациях в научных журналах, что позволяет говорить о том, что признанные нормы академической этики в Китае не слишком распространены [13, с. 26].

Проблемной для академической среды Китая представляется ситуация с реализацией ценности академической свободы как одной из базовых ценностей высшего образования во всем мире. Специалисты обращают внимание на сложности с доступом к информации в некоторых дисциплинах, ограничения, в т. ч. добровольные, на некоторые исследования и интерпретацию изысканий. Также возможны проблемы при публикации некоторых выводов и толкований [13, с. 24].

Несмотря на интенсивное развитие университетского образования в Китае, исследователи осторожны в своих прогнозах по поводу того, сможет ли Китай стать одной из ведущих государств на рынке образовательных услуг. Они подчеркивают, что вступление в ВТО открывает не только широкие возможности, но и предлагает отвечать новым вызовам [14, p. 16].

Ф. Альтбах, подчеркивая очевидные достижения в сфере высшего образования Китая, в частности, тот факт, что ведущие вузы подошлись к мировым лидерам, отмечает противоречивость академической системы. С одной стороны, ощутимые вложения в ведущие вузы себя окупили, с другой – значительная часть академической системы «продолжает оставаться достаточно шаткой и нуждается в значительном совершенствовании» [13, с. 33]. Данная проблема еще может осложниться ростом доступности образования.

В заключение следует отметить значительный рост азиатского рынка высшего образования благодаря реформам, проводимым в последнее десятилетие. Ряд стран активно реализуют ценности интернационализации и являются провайдерами услуг в сфере высшего образования (например, Китай). Происходит «точечное» заимствование западного опыта с поправкой на традиционные восточные ценности высшего образования. Растет число вузов, учрежденных совместно с европейскими учебными заведениями. Отдельным направлением является построение университетов мирового класса, которые могли бы отвечать требованиям современного социального и экономического развития общества, конкурировать за высокие позиции в международных рейтингах университетов с европейскими и американскими вузами.

1. Налетова И.В. Аналитика исследований высшего образования как культуроформирующей константы современности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тамбов, 2005
2. Прохоров А.В. Интернационализация как ведущая ценность академического сообщества // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 3 (37). С. 157-161.
3. Altbach P.G. The Asian Higher Education Century? // International Higher Education. 2010. № 59. P. 3-5.
4. Mok Ka Ho. Questing for Internationalization of Universities in Asia: Critical Reflections // Journal of Studies in International Education. 2007. Vol. 11 № 3/4. P. 433-454.
5. Галаган А.И. Интеграционные процессы в области образования: анализ мировых тенденций // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 5. С. 72-85.
6. Налетова И.В. Изменение национальных традиций высшего образования в современных условиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 6. № 4. С. 82-90.
7. Прохоров А.В. Интернационализация высшего образования в странах Азии // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 7-8 (41-42). С. 221-224.
8. Huang F. Internationalization of Higher Education in the Developing and Emerging Countries: A Focus on Transnational Higher Education in Asia // Journal of Studies in International Education. 2007. Vol. 11. № 3/4. P. 421-432.
9. RIHE International Publication Series. Transnational Higher Education in Asia and the Pacific Region. 2006. Vol. 10.
10. Шереги Ф.Э., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М., 2002.
11. Салми Д. Создание университетов мирового класса. М., 2009.
12. Ennew C.T., Yang F.F. Universities in China: a Case Study // European Journal of Education. 2009. Vol. 44. № 1. Part 1. P. 21-36.
13. Альтбах Ф. Перспективы стран БРИК: новые образовательные сверхдержавы? // Будущее высшего образования и академической профессии. Страны Брик и США / под ред. Ф. Альтбаха, Г. Андрушака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг. М., 2013. С. 9-42.
14. Xiaohao D., Changjun Y., Yuze S. The Influence of China's Entry into the WTO on its Education System // European Journal of Education. 2009. Vol. 44. № 1. Part 1. P. 9-19.
15. Hayhoe R., Lin J. China's Private Universities: A Successful Case Study // International Higher Education. 2008. № 51. P. 6-8.
16. Ма В., Вен Дж. Академическая профессия в Китае: новые реалии // Будущее высшего образования и академической профессии. Страны Брик и США / под ред. Ф. Альтбаха, Г. Андрушака, Я. Кузьминова, М. Юдкевич, Л. Райсберг. М., 2013. С. 163-199.
17. Арефьев А.Л. Российские студенты в китайских вузах // Высшее образование в России. 2009. № 5. С. 118-126.
18. Чжан Л. Состояние китайского высшего образования // Высшее образование в России. 2002. № 5. С. 133-136.

19. *Helms R.M.* Transnational Education in China: Challenges, Critical Issues, and Strategies for Success // *International Higher Education*. 2008. № 53. P. 14-15.
1. *Naletova I.V.* Analitika issledovaniy vysshego obrazovaniya kak kul'turoformiruyushchey konstanty sovremennosti: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk. Tambov, 2005
2. *Prokhorov A.V.* Internatsionalizatsiya kak vedushchaya tsennost' akademicheskogo soobshchestva // *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2012. № 3 (37). S. 157-161.
3. *Altbach P.G.* The Asian Higher Education Century? // *International Higher Education*. 2010. № 59. P. 3-5.
4. *Mok Ka Ho.* Questing for Internationalization of Universities in Asia: Critical Reflections // *Journal of Studies in International Education*. 2007. Vol. 11 № 3/4. P. 433-454.
5. *Galagan A.I.* Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya: analiz mirovykh tendentsiy // *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 2002. № 5. C. 72-85.
6. *Naletova I.V.* Izmenenie natsional'nykh traditsiy vysshego obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2005. T. 6. № 4. S. 82-90.
7. *Prokhorov A.V.* Internatsionalizatsiya vysshego obrazovaniya v stranakh Azii // *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy*. 2012. № 7-8 (41-42). S. 221-224.
8. *Huang F.* Internationalization of Higher Education in the Developing and Emerging Countries: A Focus on Transnational Higher Education in Asia // *Journal of Studies in International Education*. 2007. Vol. 11. № 3/4. P. 421-432.
9. RIHE International Publication Series. Transnational Higher Education in Asia and the Pacific Region. 2006. Vol. 10.
10. *Sheregi F.E., Dmitriev N.M., Arefev A.L.* Nauchno-pedagogicheskiy potentsial i eksport obrazovatel'nykh uslug rossiyskikh vuzov (sotsiologicheskii analiz). M., 2002.
11. *Salmi D.* Sozdanie universitetov mirovogo klassa. M., 2009.
12. *Ennew C.T., Yang F.F.* Universities in China: a Case Study // *European Journal of Education*. 2009. Vol. 44. № 1. Part 1. P. 21-36.
13. *Al'tbakh F.* Perspektivy stran BRIK: novye obrazovatel'nye sverkhderzhavy? // *Budushchee vysshego obrazovaniya i akademicheskoy professii. Strany Brik i SShA / pod red. F. Al'tbakha, G. Andrushchaka, Ya. Kuz'minova, M. Yudkevich, L. Raysberg*. M., 2013. S. 9-42.
14. *Xiaohao D., Changjun Y., Yuze S.* The Influence of China's Entry into the WTO on its Education System // *European Journal of Education*. 2009. Vol. 44. № 1. Part 1. P. 9-19.
15. *Haynoe R., Lin J.* China's Private Universities: A Successful Case Study // *International Higher Education*. 2008. № 51. P. 6-8.
16. *Ma V., Ven Dzh.* Akademicheskaya professiya v Kitae: novye realii // *Budushchee vysshego obrazovaniya i akademicheskoy professii. Strany Brik i SShA / pod red. F. Al'tbakha, G. Andrushchaka, Ya. Kuz'minova, M. Yudkevich, L. Raysberg*. M., 2013. S. 163-199.
17. *Arefev A.L.* Rossiyskie studenty v kitayskikh vuzakh // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009. № 5. S. 118-126.
18. *Chzhan L.* Sostoyanie kitayskogo vysshego obrazovaniya // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2002. № 5. S. 133-136.
19. *Helms R.M.* Transnational Education in China: Challenges, Critical Issues, and Strategies for Success // *International Higher Education*. 2008. № 53. P. 14-15.

Поступила в редакцию 7.10.2015 г.

UDC 378

ORIENTAL VALUES OF ACADEMIC CULTURE (based on the example of China)

Andrey Vasilyevich PROKHOROV, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Deputy Head of Scientific-Technical Department, e-mail: proh_and@rambler.ru

Basic directions of development of higher education in the countries of Asia on the modern stage are reviewed. The systems of higher education of Asian countries demonstrate the significant growth, and separate universities even reach the leading positions in international universities rates, claim to get the status of universities of world class. The most significant dynamics is demonstrated in the Institutes of Higher Education of China and Japan the prospective strategies of development of national systems of higher education in other countries are developed. The changes in systems of higher education of Asian countries are connected, first of all, with the realization of global tendencies: globalization, internationalization, formation of society of knowledge and etc. The significant changes in the sphere of higher education lead to transformation of value basements of academic cultures. Asian Institutes of Higher Education on the one hand adopt Western values of higher education, on the other hand they try to save the national specifics of academic culture. At the same time the significant difficulties of realization of some basic values of higher education, first of all academic freedom as a leading value of higher education. The special attention is paid to modern state of academic culture of China, where system of education is developing more dynamic.

Key words: university; China; academic culture; corporate culture; values; academic freedom.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

УДК 792.027

В.Э. МЕЙЕРХОЛЬД И ЕГО ТЕАТРАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ

© **Валентина Александровна САЗОНОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат искусствоведения,
профессор, заслуженный работник культуры РФ, научный консультант
специальности «актерское искусство», e-mail: iscusstvo_tgy@mail.ru

Рассматриваются режиссерские эксперименты выдающегося мастера отечественного сценического искусства Всеволода Эмильевича Мейерхольда в области театра и педагогики. Раскрываются специфические особенности режиссуры мастера, новаторство его исканий в работе с актером, поиски выразительности в актерской технике. Последовательно раскрывается процесс становления творческой индивидуальности В.Э. Мейерхольда: его нетерпимость к серости, неустанный поиск в студенческие годы, увлечение методикой К.С. Станиславского и отрицание «натуралистического» театра, бунт против своего учителя и уход в самостоятельное творчество, увлечение символизмом, античностью, стихией площадного народного театра. Экспериментальные поиски театральной педагогики на Поварской были нацелены на максимальное выявление актерской техники и на пространственно-пластическое решение спектакля. Отмечено, что не только постановочные задачи, работа над формой спектакля были важны для В.Э. Мейерхольда, а прежде всего воспитание интеллектуально развитого актера – личности. Анализируются причины закрытия студии на Поварской: несоответствие слабой актерской техники молодых студийцев блестящей фантазии режиссуры В.Э. Мейерхольда. Рассматривается своеобразие понимания мастером гротеска и практическое его применение в работе над спектаклем «Балаганчик» в театре В.Ф. Комиссаржевской; взгляды режиссера на условный театр, дающий возможность развивать воображение зрителя, «просветленное чувство жизни». Студия на Бородинской – новый этап творческих экспериментов режиссера, в области театральных форм, методов актерской игры и техники, изучения приемов и природы народных театров различных стран и эпох. Особое внимание уделено работе над классикой: режиссерским находкам и драматургической композиции спектакля «Ревизор». Подчеркивается тщательность разработки каждого характера пьесы, требование соответствия правды жизненных наблюдений сценической.

Ключевые слова: режиссер; театр-студия; античность; экспериментальная лаборатория; условный театр; гротеск; метод актерской игры; мастерство актера; импровизация; биомеханика; режиссерский замысел.

В.Э. Мейерхольд занимает особое место в истории мировой режиссуры XX в. Яркость и своеобразие его таланта, постоянное устремление вперед, бунт против рутины, неожиданность художественных решений всегда вызывали споры вокруг его спектаклей. Трагична и судьба этого художника. Приняв советскую власть, вступив в первые же годы в ряды коммунистической партии, В.Э. Мейерхольд со всем жаром своего таланта служил ей, и в конце концов власть же жестоко расправилась с этим великим художником. В 1938 г. театр под его руководством был закрыт, а в 1939 г. он был репрессирован. Спустя годы, В.Э. Мейерхольд был посмертно реабилитирован.

За В.Э. Мейерхольдом надолго утвердился слава яркого постановщика с блестящим воображением, фантазией, с точным замыслом спектакля, строго требующего от актера выполнения задуманного рисунка, мятежного бунтаря против «психологического реализма», всеобщего олицетворения как единственно верного направления в театре.

Вплоть до 1970-х гг. имя В.Э. Мейерхольда в театральном искусстве замалчивалось или упоминалось как имя художника-формалиста. Даже 100-летний юбилей режиссера не был широко отмечен.

В 1974 г. в ГИТИСе прошло заседание кафедр режиссуры и истории театра, посвященное юбилею, на котором выступали уче-

ники В.Э. Мейерхольда: Б.И. Равенских, тогда главный режиссер Малого театра, народная артистка Е. Тяпкина, Б. Ростоцкий и др. Впервые мы узнали о душевной щедрости В.Э. Мейерхольда, о его заботливом отношении к молодым коллегам, о его работе с актером над воплощением режиссерского замысла. Богатейшее театральное наследие, оставленное великим режиссером XX в. и чудом сохраненное его близкими: публикации лекций последних лет, стенограммы репетиций – дают возможность объективно понять и оценить суть экспериментов Мастера.

Поступив после окончания 2-й пензенской гимназии в Московский университет на юридический факультет, В.Э. Мейерхольд очень быстро разочаровался в студенческом окружении. «Студенты, те, по крайней мере, в кругу которых мне приходится быть, не только не увлекают меня, не только не приносят никакой нравственной пользы, но даже повергают в полнейшую хандру и кроме вреда ничего не приносят» [1, с. 49-50].

Острая духовная неудовлетворенность и приводит его к решению целиком посвятить себя театру. В 1896 г. В.Э. Мейерхольд поступает на второй курс драматического класса филармонического училища, которым руководил Вл.И. Немирович-Данченко. Окончив с отличием филармоническое училище, получив блестящую характеристику от своего учителя, В.Э. Мейерхольд был принят в труппу МХТ, где сыграл 18 ролей. Наиболее значительные из них: К.Г. Треплев и Н.Л. Тузенбах в чеховских «Чайке» и «Трех сестрах», Мальволио в «Двенадцатой ночи» У. Шекспира, принца Арагонского в «Венецианском купце». В.Э. Мейерхольду были близки и неприкаянность К.Г. Треплева, его поиски нового, трагическая безысходность, и в то же время он проявил склонность к «резко характерному сценическому рисунку» в ролях Мальволио и принца Арагонского.

Вступив в труппу МХТ, В.Э. Мейерхольд был искренне увлечен атмосферой поисков реформ и режиссерским талантом К.С. Станиславского. «Вот какое впечатление выношу я, – кончив школу, я попал в Академию драматического искусства. Сколько интересного, оригинального, сколько нового, умного. Алексеев не талантливый, не. Он гениальный режиссер-учитель. Какая богатая эрудиция, какая фантазия...» [1, с. 69]. А че-

рез месяц в письме к жене он сообщает, что после читки пьесы «Ганнеле» ему хотелось убежать, потому что здесь говорят только о форме: «Красота, красота, красота. Об идее молчат, а когда говорят, то так, что делается за нее обидно» [2].

Чувство неудовлетворенности, стремление к новому привели В.Э. Мейерхольда к уходу из МХТ в 1902 г. Он возглавил Товарищество новой драмы, гастролируя со спектаклями в Херсоне, Тифлисе, Ростове-на-Дону, Полтаве.

Вначале в режиссерской работе Мейерхольда проявилась преемственность творческой программы МХТ. Это видно по выбору репертуара («Мещане», «На дне» М. Горького, пьесы А.П. Чехова). Но затем все более В.Э. Мейерхольд склоняется к символистическому репертуару: «Снег» С. Пшебышевского, «Смерть Тентанжиля» М. Метерлинка.

В письмах и дневниковых записях этого времени В.Э. Мейерхольд не доволен своей работой в провинции, считая, что она снижает художественную планку. Поэтому в 1905 г. он принял приглашение К.С. Станиславского возглавить студию на Поварской.

В проекте новой драматической студии при МХТ было заявлено, что «театр должен быть скитом. Актер должен быть раскольников. Всегда не так, как все. Творить одиноко, вспыхивать в экстазе творчества на глазах у всех. И потом опять в свою келью! Келья не в смысле отчуждения от общества, а в смысле умения священнодействовать в творческой работе» [1, с. 90].

К.С. Станиславского привлекали эксперименты В.Э. Мейерхольда, проводимые в студии: «...новизна и необычайность использования выразительных возможностей живописного и музыкального построения спектакля, перспективы широкого и целостного использования синтетической природы театрального искусства. Ему были близки преодоления сценических форм, ограниченных рамками бытового правдоподобия, поиски, связанные с выходом за их пределы» [1, с. 11].

Формирование творческой индивидуальности В.Э. Мейерхольда происходило под воздействием общественно-политических событий рубежа веков. Неудовлетворенная действительностью интеллигенция, передовая ее часть, стремилась превратить искусство в активное орудие воздействия на соци-

альную систему, форму протеста против нее. Обращение к античности, олицетворяющей идеалы гармонии и красоты, стало притягательным для многих художников. Поэт Валерий Брюсов звал к «сознательной условности античного театра». В.Э. Мейерхольд также утверждал возвращение к античному театру, к соборности драматического искусства. Попытка К.С. Станиславского поставить в МХТ три одноактных спектакля М. Метерлинка «Слепые», «Непрошенная», «Там, внутри» потерпела неудачу. Необходимо было искать выход из тупика. Старые актеры МХТ не понимали экспериментов режиссера, к тому же производственная необходимость выпуска спектаклей в определенные сроки препятствовали этому. Выход был найден в открытии театральной студии.

В 1905 г. К.С. Станиславский пригласил В.Э. Мейерхольда для руководства и педагогической работы в театральной студии на Поварской. Ставилась задача – «обновление драматического искусства новыми формами и приемами сценического исполнения» [1, с. 175]. В.Э. Мейерхольд и К.С. Станиславский во вступительной речи перед студийцами говорили о неудовлетворительности современной техники драматического искусства. Интеллигентный зритель стремится видеть новую драму с новыми приемами исполнения.

Предполагалось, что студия будет некой экспериментальной лабораторией, где ведутся поиски новых путей в сценической технике актера. В.Э. Мейерхольд активно принялся за выполнение этой задачи на материале работы над спектаклем «Смерть Тентанжиля» М. Метерлинка. Особое внимание он уделял речевой форме спектакля, четкому и ритмическому построению его; добивался «холодной чеканки слов, освобожденной от вибрирования и плачущих актерских голосов». В.Э. Мейерхольд требовал от актеров «переживания формы, а не переживания одних душевных эмоций»; требовал смысловой оценки ситуации, отношения актера к ней, трагизма с улыбкой на лице. Он предлагал актеру четко заданный рисунок мизансцены и пластики, когда каждый жест, каждое движение несло образную символику, было наполнено значения – актер призван был внутренне оправдать, проживать («переживать») заданную форму.

На примере работы над спектаклем В.Э. Мейерхольд пытался решить проблему его пространственно-пластического решения. Он использовал прием неподвижности как способ сценического существования актера. Спектакль М. Метерлинка представлялся ему как нежная мистерия, или еле слышная гармония голосов, хор тихих слез, сдвинутых рыданий и трепет надежд. Драма М. Метерлинка – больше всего проявление и очищение душ. Его драмы – это хор душ, поющих вполголоса о страдании, любви, красоте и смерти. Простота, уносящаяся от земли в мир грез. Гармония, возвещающая покой, или же эстетическая радость.

Используя неподвижность барельефа, он тем самым усиливал внутреннее напряжение, активизировал темперамент актера. В этом проявлялся еще один важнейший принцип его режиссуры: от внешнего к внутреннему. Работа над спектаклем «Смерть Тентанжиля» дала «способ выявлять внутренний диалог с помощью музыки, пластического движения, дала возможность на опыте проверить силу художественных ударений взамен прежних «логических» и многое другое» [1, с. 112].

Основными приемами в работе с актером были показ и беседа. Для воплощения режиссерского замысла В.Э. Мейерхольду был нужен сознательный интеллектуально развитый актер-личность. Поэтому не постановочные, а воспитательные задачи были главными в работе над спектаклем «Смерть Тентанжиля». Он направлял внимание актера на сверхзадачу спектакля, не допуская приблизительности, стремился научить актера рационально мыслить в действии.

Однако спектакль не был принят К.С. Станиславским. Причиной неудачи явилось несоответствие режиссерской фантазии, замысла В.Э. Мейерхольда и еще недостаточно высокой внутренней техники молодых исполнителей. Позже он писал: «У театра-студии не было труппы. Два-три актера из школы Художественного театра, два-три актера из «Товарищества новой драмы» восприняли новый метод. Но большинство было из сценических курсов Художественного театра, и режиссерам театра-студии предсталла задача – не работать с актерами над воплощением репертуара, а еще только подготовить их к этой работе рядом бесед, рядом опытов, подготовить их лишь к восприятию

аромата нового метода. И тогда-то зародилась у меня мысль, что школа при театре – яд для актеров, в ней обучающихся, что школа должна стоять самостоятельно, в ней не должны учить тому, как принято играть. Школа должна быть поставлена так, чтобы из нее родился театр, а следовательно, ученикам выход из этой школы один – или в новый театр, лишь ими создаваемый, или в никуда. А школа при театре, если она не служит лишь одной цели – заполнять редующий кадр своего театра, – такая школа при перепроизводстве пополняет и другие театры, вредя лишь последним: такие актеры везде чужие, как бы хороши они не были с точки зрения своей школы» [1, с. 111].

И все же, высоко ценя талант В.Э. Мейерхольда, К.С. Станиславский после просмотра репетиций «Смерти Тентанжиля» и «Шлюка и Яу» был не удовлетворен работой студии. Вскоре она была закрыта.

В статье к «Истории к технике театра» В.Э. Мейерхольд приводит слова В. Брюсова, очень точно передающие причину закрытия студии: «В театре-студии во многих отношениях сделаны были попытки порвать с реализмом современной сцены и смело принять условность как принцип театрального искусства. В движениях было больше пластики, чем подражания действительности, иные группы казались полнейшими фресками, воспроизведенными в живой картине. Декорации нисколько не считались с условиями реальности, комнаты были без потолка, колонны замка обвиты какими-то лианами и т. д. Диалог все время звучал на фоне музыки, вовлекающей души слушателей в мир метерлиновской драмы. Но, с другой стороны, властно давала себя знать привычка к традициям сцены, многолетняя выучка Художественного театра. Артисты, изучившие условные жесты... – в интонациях по-прежнему стремились к правдивости разговора, старались голосом передать страсть и волнение, как они выражаются в жизни. Декоративная обстановка была условна, но в подробностях резко реалистична. Там, где кончалась выучка режиссера, начиналась обыкновенная актерская игра, и тотчас было видно, что играют плохие актеры, без истинной школы и без всякого темперамента. Театр-студия показала для всех, ознакомившихся с ним, что перевоплощать театр на

прежнем фоне нельзя. Или надо продолжать знание театра К.С. Станиславского, или начинать с основания» [3].

После закрытия Студии на Поварской В.Э. Мейерхольд работал в театре В.Ф. Комиссаржевской в Петербурге. Именно в этом театре он продолжает опыты «условного театра». Наиболее интересна в этом плане работа над «Балаганчиком» А.А. Блока. Впервые в этом спектакле В.Э. Мейерхольд утверждает концепцию трагического гротеска. В статье «Балаган» В.Э. Мейерхольд пишет: «Гротеск представляет собой главным образом нечто уродливо странное, произведение юмора, связывающего без видимой законности разнороднейшие понятия, потому что он, игнорируя частности и только играя собственной своеобразностью, присваивает себе всюду только то, что соответствует его жизнерадостности и насмешливому отношению к жизни.

Основное в гротеске – это постоянно стремление художника вывести зрителя из одного только что постигнутого им плана в другой, которого зритель никак не ожидал» [1, с. 227].

Он утверждает, что искусство гротеска основано на борьбе содержания и формы. Гротеск стремится подчинить психологизм декоративной задаче. Через декоративность позы актеров, жесты, мимику, телесные движения были более выразительны. «В приемах гротеска таятся элементы танца, только с помощью танца возможно подчинить гротескные замыслы декоративной задаче» [1, с. 119].

Соединяя трагическое и буффонное, приподнято реалистическое и житейское, лирическое и иронию, В.Э. Мейерхольд в блоковском «Балаганчике» шел к преодолению «быта в быте». Гротеск в его спектакле углублял быт до такой степени, что он перестал являть собой только натуральность. По утверждению В.Э. Мейерхольда, трагический гротеск «открывал путь к подлинному постижению контрастов жизни, к обнажению сущности явлений, к обобщению, доведенному до остроты и насыщенности символа» [4, с. 17].

Театр гротеска для В.Э. Мейерхольда вбирает в себя традиции народного площадного театра с его зрелищностью, энергией, шутками, свойственными театру. От увлеченности неподвижным театром он приходит

к идее народного театра-балагана, мечтает об актере-гистрионе, миме, жонглере, мастере блистательных театральных представлений. Театр для В.Э. Мейерхольда – особый мир, в котором царит искусство лицедея, виртуоза совершенной актерской техники.

В.Э. Мейерхольд обладал поразительным чувством времени. Он остро почувствовал, что культура символизма изживает себя, движение сценического искусства остановилось, потому что нет новых идей. Выход из кризиса театра В.Э. Мейерхольд видит в условном театре и упрощенных формах. «Искание новых сценических форм – не каприз моды, введение нового метода инсценировки (условного) – не затея в угоду толпы, жадно ищущей все более острых и острых впечатлений. Театр исканий и его режиссуры работают над созданием условного театра затем, чтобы остановить разветвление Театра на Интимные, воскресить Театр Единый» [1, с. 140].

Условный театр предлагает такую упрощенную технику, которая дает возможность расширить репертуар от М. Метерлинка до Г. Ибсена и А.А. Блока, создает для актера «пространство трех измерений», дает возможность стать самостоятельным творцом, а режиссеру направлять актера, а не управлять им. Режиссер служит лишь «мостом, связующим душу автора с душой актера» [1, с. 141]. Условный театр дает возможность активного вовлечения зрителя в сотворчество. В.Э. Мейерхольд утверждает, что именно условный театр ведет к возрождению античного. «Античный театр по своей архитектуре есть именно тот самый театр, в котором есть все, что нужно нашему сегодняшнему театру: здесь нет декораций, пространство трех измерений; здесь нужна статуарная пластичность» [1, с. 142].

Взгляды В.Э. Мейерхольда на античный театр говорят о понимании им античного театра как своеобразной организации сценического пространства. Главная цель условного театра – дать зрителям высшее просветленное чувство жизни, не связывая его воображение и давая возможность дорисовать данные сценой наброски.

Студия на Бородинской (1914–1915) явилась новым этапом его режиссерских экспериментов. Здесь он делал для самого себя открытия в области театральных форм, мето-

дов актерской игры и техники. В программу студии входило изучение техники сценических движений, основных принципов сценической техники импровизационной итальянской комедии, примененные в новом театре традиционных приемов спектаклей XVII и XVIII вв., музыкальное чтение в драме, практическое изучение вещественных элементов спектакля: устройство, убранство и освещение сценической площадки, костюм актера и реквизит.

В.Э. Мейерхольд считал движение главным выразительным средством в создании спектакля. В своих лекциях он утверждал главенствующую роль сценического движения. «Пусть театр лишится слова, актерского наряда, рампы, кулис, театрального здания, – говорил В.Э. Мейерхольд, – пока в нем есть актер и его мастерские движения, театр останется театром, ибо о мыслях и побуждениях актера зритель узнает по его движениям, жестам и гримасам» [5, с. 363].

Занимаясь с молодежью в студии, В.Э. Мейерхольд учился и сам. Студийцы работали на синем ковре с аксессуарами. Ни кулис, ни падуг не было. В оформлении сценической площадки использовался занавес с бамбуковыми палками. Скупость в сценическом оформлении дополнялась игрой при полном свете.

Начиналась работа по актерскому мастерству с простейших этюдов. Анализируя подробно этюды студийцев, В.Э. Мейерхольд говорил о необходимости актерской техники, без которой нельзя справиться с задачами пантомимы или этюда.

Он придавал большое значение умению обращаться с предметами на сцене, советовал учиться этому у французских жонглеров XVII–XVIII вв., великолепных актеров, обладающих совершенной техникой. В.Э. Мейерхольд много внимания уделял работе с воображаемыми предметами. Он был большим выдумщиком в комедийных ситуациях, но если они вызывали возражения, мог легко отказаться от выдумок. В.Э. Мейерхольд много работал над массовыми этюдами-пантомимами. Ставил их как режиссер и сам участвовал в них. Руководители совместного класса В.Э. Мейерхольд и В.Н. Соловьев добивались на уроках развития мастерства в движениях, согласованных с конкретной сценической площадкой. На занятиях актер-

ского мастерства изучались различные приемы усиления игры, пользование двумя планами (сценой и просцениумом). Развитие сюжета связывалось с наличием тех или иных предметов на сцене. Разрабатывались различные формы парада. В мизансценах стремились к геометрическому рисунку. Большие и малые занавесы, ширмы и транспаранты, тюли – все это рассматривалось как средство театральной выразительности, как способ акцентировки игры главных действующих лиц в движениях и диалогах. В.Э. Мейерхольд стремился воспитать актеров нового театра, опирающихся на странные традиции народного площадного театра. По мнению К. Рудницкого, питомцы В.Э. Мейерхольда «осваивали технику работы актера в примитивных сценических условиях, в близком и непринужденном контакте с публикой. Они учились в заданном темпе и ритме управлять голосом, телом, движением. В идеале В.Э. Мейерхольд хотел бы сделать их виртуозами: самые простые навыки отработать до блеска, до автоматизма. Никакого священнодействия, никаких тайн! Профессионализм комедиантов, проворных, искусных, ловких, всегда готовых выполнять любое задание режиссера, – вот чего он добивался» [6, с. 194-195].

Среди его педагогических заданий особенно любимыми были импровизации на музыкальные темы. Он добивался от студийцев легкой и вольной импровизации и требовал, чтобы исполнение этюдов не было зафиксированным, а как бы исполнялось впервые, импровизационно.

В занятиях студийцев значительное место занимала музыка. В.Э. Мейерхольд учил ощущать музыку как фон и как можно больше времени уделять фантазированию на тему музыки.

В пантомимах и этюдах В.Э. Мейерхольд стремился к тому, чтобы студийцы почувствовали природу и характер народных театров различных стран и эпох, простоту, сердечность, заразительность приемов площадного театра. Его целью было научить виртуозному владению предметами, деталями костюма, повадками, характерными для разных персонажей. В репертуаре учебных работ были «Саламанская пещера» М. Сервантеса, сцена мышеловки из «Гамлета»

У. Шекспира, сцена сумасшествия Офелии и др.

Как видим, В.Э. Мейерхольд предлагал ученикам брать для актерской работы все и не бояться стрессовых ситуаций и событий, требующих от актера огромной внутренней напряженности. Довольно часто он водил студийцев в цирк, вместе с ними обсуждал работу клоунов, обращал внимание на простоту их поведения, сценическое обаяние, на то, что каждый клоун в совершенстве владеет каким-либо цирковым жанром – акробатикой, жонглированием либо разговорным жанром.

По свидетельству его ученицы А.В. Смирновой-Искандер, «Всеволод Эмильевич всегда и во всем ценил профессионализм. Он говорил, что в цирковом искусстве сразу видно работу. Видно, как человек владеет своим телом, аксессуарами... Любил жонглеров, без конца восхищался их мастерством» [6, с. 195].

12 февраля 1915 г. в студии на Бородинской состоялся вечер постановок студийцев. Программа была рассчитана на три отделения. В первом отделении была показана интермедия М. Сервантеса «Саламанская пещера». Второе и третье было отдано этюдам и пантомимам. В показе были представлены разностилевые и разножанровые работы: «Уличные фокусники», «Две Смеральдины и Панталоне», «Арлекин – продавец палочных ударов», «Три апельсина», «Две корзины», этюд в стиле сентиментальных историй XVII в. «О паже, верном своему господину», пантомимы на тему «Гамлета». Таким образом, были представлены: испанский, итальянский, французский, английский, китайский театры и русский балаган. В представлении участвовал тридцать один исполнитель – «комедианты студии».

Зрительный зал представлял собой полукруг из стульев с двумя боковыми проходами и одним посередине, вовлеченными в действие. Эстрада была задрапирована белой шелковой занавесью с изображением маски, от нее в зал вели две боковые ступеньки. Просцениум представлял часть пола, покрытый полукругом синим сукном. Все участники вечера были одеты в одну и ту же «прозодежду». У мужчин были темно-малиновые цвета костюмов, с лиловой или голубой расцветкой и оранжевым поясом. У женщин –

темно-лиловый костюм с малиновым поясом и повязкой на руках. Импровизация понималась как свободное комбинирование определенных сценических приемов и положений, заранее приготовленных. В показе использовалась музыка В.А. Моцарта, Ж.Ф. Рамо. Все номера шли под аккомпанемент рояля. Каждый этюд или пантомима имели свои трюки и шутки, свойственные данной форме театра. Одни разыгрывались на сцене, другие на просцениуме. Вечер был повторен еще дважды, но отзыв о работе студии был неоднозначен. А.А. Блоку, присутствующему на вечере, показ не понравился. Актер Андрей Петровский отметил «непоставленные голоса и нечеткость дикции». В.Э. Мейерхольд не только пытался защитить свои идеи, но и винил себя за неудачи показа: не надо было выставлять учебные работы, эксперименты на зрителя. К концу 1915 г. студия прекратила существование в силу обстоятельств внутренних и внешних – шла война.

Сам В.Э. Мейерхольд не был удовлетворен своей педагогической работой. Ему неинтересно было заниматься азбучными истинами с неопытными студийцами. Он мечтал о своем театре, и эксперименты студии переносил в свои спектакли. Он считал, что воспитание актера и режиссера должно происходить только при театре. Все студийцы присутствовали на его репетициях и участвовали в массовых сценах и спектаклях. Он повторял студийцам два пушкинских тезиса: театр условен и театр народен, – это можно отнести ко всей русской классике. Студия на Бородинской была лабораторией поиска метода актерской игры. Беседа была одной из важнейших форм его общения со студийцами, в основном о проблемах театра в соответствии с поиском новых форм и методов. Он считал, что нужно изучать старинный театр не ради возрождения старых форм, а в качестве источника для создания нового театра на основе подлинно театральных традиций прошлого. Новый актер должен обладать всеми знаниями и навыками, которыми владели актеры былых лет. «Я думаю, – утверждает он, – что высококвалифицированный актер определяется на той ступени, где он может одинаково овладеть и планом трагическим, и планом комическим, – и, конечно, тот актер делает ошибку, кто не бросается ни туда, ни

сюда» [1, с. 272]. Идеальным он видит такого актера, «который слышит и видит образ».

В первые годы революции В.Э. Мейерхольд один из первых режиссеров провозгласил своей основной задачей – создание политически действенного театра, тесным образом связанного с современностью.

Постановка «Мистерии-Буфф» В.В. Маяковского была важным этапом в создании театра открыто тенденциозного, агитационного, политического. В спектакле «Зори» Э. Верхарна, поставленного к третьей годовщине революции, В.Э. Мейерхольд стремился к намеренному разрушению привычной коробки-сцены, к такой организации сценического пространства, которая помогла бы более тесному контакту актера и зрителя.

«Стремление к решительной ломке старого, традиционного театра приводило к неустанным поискам разнообразных и неожиданных выразительных средств, к отказу от сцены-коробки, к введению в действие различных движущих механизмов, кино, радио, сложной современной машинерии, к использованию обнаженных конструкций взамен писанных декораций и т. п.

Следуя принципу, впервые открытому в постановке «Мистерии-Буфф», В.Э. Мейерхольд строил действие на различных контрастах патетики и буффонады, героики и сатиры. Используя приемы преувеличения порой откровенно гротескного построения образа, средства броской плакатной обрисовки, режиссер достигал большой силы воздействия» [1, с. 31].

В спектакле «Великодушный рогоносец» Ф. Кроммелинка (1922) В.Э. Мейерхольд выдвигал экспериментальные задачи: демонстрацию внешнего актерского мастерства: использовались эксцентрика, цирковые трюки, акробатика. В спектакле торжествовала «биомеханика», которую В.Э. Мейерхольд в ту пору противопоставлял искусству переживания.

Оценивая высоко талант В.Э. Мейерхольда, его эксперименты во внешней технике, К.С. Станиславский приветствовал и принимал его открытия до тех пор, пока они помогают передаче в художественной форме «жизни человеческого духа». Когда же «физическая культура становится самоцелью в искусстве, когда она подавляет чувство, переживания, то становится ярым противником

новых прекрасных достижений» – утверждал К.С. Станиславский [2, с. 399].

В первой половине 20-х гг. XX в. В.Э. Мейерхольд ставил ряд спектаклей по классике: «Смерть Тарелкина» А.В. Сухова-Кобылина (Театр ГИТИС – мастерская Вс. Мейерхольда, 1922), «Доходное место» (Театр революции, 1923), «Лес» (Театр им. Вс. Мейерхольда, 1924) А.Н. Островского.

«Лес» стал одним из самых известных спектаклей В.Э. Мейерхольда. Он вызвал полемику вокруг постановки не только экстравагантными трюками и зелеными париками. Перед юбилейным представлением «Леса» в 1934 г. во вступительной речи В.Э. Мейерхольд говорил: «Мы политически заострили установку Островского. В пьесе противопоставление двух лагерей. Мы подчеркнули это противопоставление» [7].

Наряду с социальной сатирой в спектакле заявлена стихия русской народной игры. Наиболее мощно это проявлялось в сцене объяснения Аксюши и Петра на гигантских качелях.

Новым этапом творческих поисков В.Э. Мейерхольда является постановка «Ревизора» Н.В. Гоголя в 1926 г.

Каждая деталь в спектакле «Ревизор» оказывалась включенной в точнейшую и тщательным образом проработанную ритмическую канву, что привело В.Э. Мейерхольда далее к определению направления своей работы как «музыкального реализма» [8, с. 44].

Спектакль изобилует яркими образными мизансценами, например «Шествие» – подвыпивший Хлестаков идвигающиеся за ним, повторяя его движения, вереница чиновников, игра света, игра с вещью.

В.Э. Мейерхольд работал над постановкой, изучив все варианты пьесы со всеми купюрами, вымарываемыми цензурой. В процессе читок и последующих репетиций был возвращен фрагмент, в котором городничиха рассказывает дочери о поручике, проникшем к ней в дом в куле с перепелками. В первый монолог голодного Хлестакова был введен рассказ о карточной игре из «Игроков», в сцене вранья о красоте влюбившейся в него графини добавлена реплика Кочкарева из «Женитьбы» о носе, белизне лица и т. д.

Были введены новые персонажи: заезжий офицер, полумойка, голубой гусар – вздыхатель Анны Андреевны, кадет, влюб-

ленный в Марию Антоновну, Авдотья и Парашка, прислуга в дома городничего, военные и штатские поклонники городничего, сыщик и курьер, полицейский кнут, супруги Погоняевы и супруги Мацапур (из ранних вариантов пьесы). В режиссерской экспликации спектакля «Ревизор» В.Э. Мейерхольд отметил, что «трудность этого спектакля состоит в том, что этот спектакль, как и все пьесы такого порядка, идет главным образом на актера, а не на режиссера... Надо так оборудовать сцену, чтоб на ней легко игралось» [7, с. 108]. Режиссер озабочен тем, как пьесу с чудовищной нагрузкой текста сыграть как серьезный спектакль, сохранив стремительность водевиля.

Он ставит следующую педагогическую задачу: «Сыграть текст так, чтобы он не загрузил спектакля на большое количество часов» [9, с. 110]. Для этого В.Э. Мейерхольд запретил делать широкие планы, а действующих лиц предложил поместить на тесную сцену «в пять квадратных аршин». Так, например, 1 и 2 явления, когда городничий общается о письме, все вызванные чиновники сидят на одном диване, тесно, перед диваном стол красного дерева с полированной поверхностью, видны только лица и руки над столом, под столом – ноги, что дало возможность игре мимики и рук стать самодовлеющей.

В.Э. Мейерхольд заостряет внимание на трактовке образов Добчинского и Бобчинского, занятых очень серьезным делом: подсматривать, подслушивать, собирать сплетни. Это отнюдь не водевильные персонажи, как их часто играют.

Каждая сцена подробно и интересно решена режиссером, включая последнюю «немую сцену», куда он вводит семь жандармов из дверей, появившихся и застывших манекенов,двигающихся на канатах к центру.

В беседе с актерами на одной из репетиций В.Э. Мейерхольд предлагает тщательную разработку каждого характера пьесы. Исполнителю роли Осипова (Н.И. Боголюбову) он предлагает играть его молодым, но постариковски мудрым. «Он опустил. Он нечистоплотен в силу необходимости – всем задолжали, все заложено. Все время с Хлестаковым путается. Я думаю, что он все-таки вор. Он вечно голоден, а когда не кормят, остается воровать... До прихода Хлестакова он ест и потому все следы замечает. У него

узелочек, мешочек, он туда хлеб и все пряпывает от Хлестакова» [7, с. 120].

М.И. Бабановой, исполняющей роль Марьи Антоновны, В.Э. Мейерхольд предлагает отказаться от демонстрации сентиментальной барышни 1830-х гг., а подчеркнуть ее развратность. Мать страшно развратна и «наставляет рога» городничему за милую душу. Дочка это воспринимает. Они переодеваются, прельщаются. «В костюме, в переодевании, во всем надо быть очень пристрастными, беспредельно непристойными», – указывает режиссер [7, с. 122].

Прежде, чем приступить в работе над ролью, актер должен разобраться, что это за амплуа. А разобраться он в этом сможет, лишь усвоив, что это за жанр пьесы, которую ставит режиссер. В.Э. Мейерхольд ставил «Ревизора» на новых основах, отмечая гротеск, водевиль, на основе реализма, к которому подошел через стихию музыки. В докладе о «Ревизоре» в 1927 г. он говорил: «Мы увидели, что компоновать спектакль нужно по всем правилам оркестровой композиции, что партия актера каждого в отдельности еще не звучит, нужно обязательно ее ввернуть в массу групп инструментов-ролей, сплести эту группу в очень сложную оркестровку, отметить в этой сложной структуре путь лейтмотивов и заставить вместе звучать, подобно оркестру, и актера, и свет, и движения, и даже вещь, которая попадает на сцену» [7, с. 140].

В области актерской техники он требует преодоления «шутки, свойственных театру» в плане подлинного реализма. В.Э. Мейерхольд призывает актеров представлять на сцене только то, что может зазвучать как подлинная правда. «Я обращаю внимание актеров, – говорит он, – главным образом на ту правду, которую надо искать в себе, выводить из своих наблюдений и переносить на «экран», переносить только то, что действительно звучит правдой для коллективного мнения. И вот этот прием игры с очень скрупулезным выбором жестов, с выбором улыбок, с выбором ракурсов, только таких, которые могли бы быть отпечатаны на очень чувствительной пленке киноаппарата – только это нами выбиралось» [7, с. 142].

В процессе подготовки спектакля В.Э. Мейерхольд обращал пристальное вни-

мание на пластическую, ритмическую сторону спектакля, на культуру слова.

Поражает глубокая работа режиссера над формированием замысла не только «Ревизора», но и «Горе от ума» А.С. Грибоедова. Постановка пьес классического репертуара на сцене нашего театра, – говорил В.Э. Мейерхольд о постановке «Горе уму» в 1928 г., – имеет задачей ознакомить широкие зрительские массы с лучшими произведениями русской драматургии, предоставить актерам блестящий материал для игры, на котором они могут шлифовать свое мастерство и, пробивая толщу ложной «традиции», дать этим произведениям новое толкование, более близкое к подлинному замыслу, и второе и вместе с тем продиктованное требованиями новой эпохи» [10].

А ведь как раз классика в интерпретации В.Э. Мейерхольда подвергалась суровой критике. Обвинения в формалистическом искажении классических пьес предьявлялись мастеру с 1937–1938 гг. в дни разгрома ГосТИМа (Государственного театра им. Вс. Мейерхольда).

Но В.Э. Мейерхольд, великий ниспровергатель и экспериментатор, в своих обращениях к классике выступает как прирожденный и пронительный наследник тех духовных и художественных исканий, которыми жила русская культура в свой «золотой век» в самых высоких своих проявлениях – от А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова до П.И. Чайковского и А.П. Чехова [11].

И с этим нельзя не согласиться, перечитывая стенограммы репетиций Мастера, его экспликации к спектаклям, дневниковой записи.

Глубокое изучение творческого наследия В.Э. Мейерхольда позволяет понять, что для великого режиссера форма спектакля никогда не была первоисточником замысла. Его оригинальные трактовки основывались на глубоком вскрытии содержания пьесы, знакомства с творчеством автора, эпохой, энциклопедических знаниях истории мирового театра [12]. И этому нужно учиться у В.Э. Мейерхольда современным сценическим деятелям: актерам и режиссерам.

1. Мейерхольд В.Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 2. 1917–1939. М., 1968.

2. *Станиславский К.С.* Статьи. Речи. Беседы. Письма. М., 1953.
3. *Полищук В.* Книга актерского искусства. Всеволод Мейерхольд. М., 2010.
4. *Варламова Л.П.* В Александрийском театре: режиссура Мейерхольда и тенденции актерского искусства начала XX века // Мейерхольд. К истории творческого метода: Публикации. Статьи. СПб., 1998.
5. *Мейерхольд В.Э.* Лекции 1918–1919. М., 2000.
6. *Рудницкий К.* Мейерхольд. М., 1981.
7. *Мейерхольд В.Э.* Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 1. 1891–1917. М., 1968.
8. *Кухта Е.А.* «Ревизор» Мейерхольда: к вопросу о театральной драматургии спектакля // «Ревизор» в театре имени Вс. Мейерхольда: сборник статей. СПб., 2002.
9. *Горбунов Е.Н.* Мейерхольд репетирует «Тридцать три обморока». М., 2002.
10. *Рошаль Л.* Горе уму, или Эйзенштейн и Мейерхольд. Двойной портрет на фоне эпохи. М., 2007.
11. Мейерхольд репетирует: в 2 т. / сост. и автор коммент. М.М. Ситковская. М., 1993. Т. 1. Спектакли 20-х гг.
12. *Сазонова В.А.* Экспериментальные поиски театральной педагогики В.Э. Мейерхольда (1905–1919 гг.) // Научный вестник. Тамбов, 2005. Вып. 2.
2. *Stanislavskiy K.S.* Stat'i. Rechi. Besedy. Pis'ma. M., 1953.
3. *Polishchuk V.* Kniga akterskogo iskusstva. Vsevolod Meyerkholt'd. M., 2010.
4. *Varlamova L.P.* V Aleksandriyskom teatre: rezhissura Meyerkholt'da i tendentsii akter-skogo iskusstva nachala XX veka // Meyerkholt'd. K istorii tvorcheskogo metoda: Publikatsii. Stat'i. SPb., 1998.
5. *Meyerkholt'd V.E.* Lektzii 1918–1919. M., 2000.
6. *Rudnitskiy K.* Meyerkholt'd. M., 1981.
7. *Meyerkholt'd V.E.* Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy. Ch. 1. 1891–1917. M., 1968.
8. *Kukhta E.A.* “Revizor” Meyerkholt'da: k voprosu o teatral'noy dramaturgii spektaklya // “Revizor” v teatre imeni Vs. Meyerkholt'da: sbornik statey. SPb., 2002.
9. *Gorbunov E.N.* Meyerkholt'd repetiruet “Tridsat' tri obmoroka”. M., 2002.
10. *Roshal' L.* Gore umu, ili Eyzenshteyn i Meyerkholt'd. Dvoynoy portret na fone epokhi. M., 2007.
11. Meyerkholt'd repetiruet: v 2 t. / sost. i avtor komment. M.M. Sitkovetskaya. M., 1993. T. 1. Spektakli 20-kh gg.
12. *Sazonova V.A.* Eksperimental'nye poiski teatral'noy pedagogiki V.E. Meyerkholt'da (1905–1919 gg.) // Nauchnyy vestnik. Tambov, 2005. Vyp. 2.

1. *Meyerkholt'd V.E.* Stat'i. Pis'ma. Rechi. Besedy. Ch. 2. 1917–1939. M., 1968.

Поступила в редакцию 7.09.2015 г.

UDC 792.027

V.E. MEYERHOLD AND HIS THEATRE HERITAGE

Valentina Aleksandrovna SAZONOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Studies of Art, Professor, Honoured Worker of Culture of Russian Federation, Research Adviser of “Acting Art” Speciality, e-mail: iscusstvo_tgy@mail.ru

The producer's experiments of the outstanding master of native stage art of Vsevolod Emilevich Meyerhold in the sphere of theatre and pedagogy are considered. The specific peculiarities of master's producing, innovation and his searching in work with actors, search of expressiveness in acting technique are revealed. The process of becoming of creative individuality of V.E. Meyerhold: intolerance to dullness, constant search in students' years, passion of methods K.S. Stanislavsky and his refusal of “naturalistic” theatre, rebel against his teacher and starting his own creative works, passion of symbolism, antiquity, area folk theatre. Experimental search of theatre pedagogy on Povarskaya were aimed at maximum revealing of acting technique and at space-plastic decision of performance. It is marked, that not only posed aims, work at form of performance were important for V.E. Meyerhold but first of all up-bringing of intellectually-developed actor – personality. The reasons of closing the studio at Povarskaya: discrepancy of poor acting technique of young studio actors to brilliant fantasy of producing of V.E. Meyerhold. The peculiarities of understanding by master of grotesque and its practical application in work with performance “Valaganchic” (Booth) in the theatre of V.F. Kommisarshevskaya; the views of producing conditional theatre which let to develop the imagination of the spectator, “enlightened feeling of life”. Studio at Borodinskaya – new stage of creative experiments of the director, in the sphere of theatre forms, methods of acting and acting technique, studying the method and nature of national theatres of different countries and epochs. The special attention is paid to work art classics: producing searches and drama composition of “The Government Inspector”. The carefulness of development of every character of the play, the acquirement of the accordance of truth of life observations to scenic is marked.

Key words: director; theatre-studio; antiquity; experimental laboratory; conditional theatre; grotesque; method of acting of games; improvisation; biomechanics; director's concept.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 821.161; 63.5(2)

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА КАК НАУКА. В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

© Петр Андреевич ГОНЧАРОВ

Мичуринский государственный аграрный университет, г. Мичуринск,
Российская Федерация, доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой литературы, философии и социальных коммуникаций,
e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

Заметки П.А. Гончарова представляют собой отклик на статью профессора Тамбовского университета Л.В. Поляковой «Филологическая регионалистика как наука», опубликованную в журнале «Вопросы литературы» [1], где тамбовский филолог ставит проблему формирования в современной системе гуманитарных наук самостоятельного направления или отрасли – регионалистика – с ее специфическими критериями и инструментарием анализа. Автор отклика пишет о чрезвычайной актуальности проблемы *регионализма*, о востребованности ее практикой в условиях современной социокультурной ситуации, а разработанную Л.В. Поляковой теорию и методологию, предложенные пути исследования филологической регионалистики считает продуктивными. Особенно перспективна, по оценке П.А. Гончарова, попытка автора статьи «Филологическая регионалистика как наука» развести понятия «регионалистика» и «краеведение».

Ключевые слова: теория и методология гуманитарных наук; глобализация; регионалистика; краеведение; филологическая регионалистика; литературное краеведение; междисциплинарные контакты.

Региональность как явление социально-культурной жизни человека, как система ее «знаков» и ярких характеристик, социально-культурный код современной реальности формируется в наши дни под воздействием всеобщего возросшего интереса к малой родине, к отечественной истории в целом. Этот интерес обусловлен прежде всего необходимостью возрождения самого современного человека, порушившего многие свои исторические и нравственные основания. С другой стороны, ни одна локальная проблема сегодня не может разрабатываться без учета активизировавшихся в последние десятилетия текущих процессов глобализации, в т. ч. глобализации гуманитарного знания, ведущей к нивелированию национальной сущности и идеологического содержания бытия в регионах разных масштабов. Под воздействием реальных имманентных процессов современного социума закономерен интерес гуманитарных наук не только к единым типологическим характеристикам, но и к специфическим особенностям регионально-исторического развития, что и является предме-

том изучения краеведения, регионалистики. Сложнейшая проблематика претендует на специальное глубокое изучение, научное осмысление и непредвзятое освещение. Именно эта тенденция регионализации интеллектуальной сферы отражена ныне в деятельности образовательных учреждений, научно-исследовательских коллективов и отдельных ученых, направленной на удовлетворение потребностей регионов, в формировании в гуманитаристике самостоятельного направления – регионалистики с ее специфическими отраслями и дефинициями: регионалистики исторической, экономической, географической, этнологической, культурно-исторической и т. п. Каждая из этих отраслей нуждается в отдельном теоретическом оснащении.

О феномене региональности на страницах ведущего литературоведческого журнала «Вопросы литературы» [1] размышляет доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Лариса Полякова в статье «Филологическая регионалистика как нау-

ка». В своих многочисленных работах, в т. ч. в монографии «Тамбовская магистраль русской литературы» [2] она не раз писала о литературе нашего края, поставила и вопрос о целесообразности создания в системе гуманитарных наук самостоятельного научного направления, филологической регионалистики, о необходимости разработки специального инструментария для анализа. В статье на страницах «Вопросов литературы» тамбовский филолог с опорой на филологические реалии излагает свою теорию и методологию регионалистики как науки.

Задача *филологической регионалистики* как отрасли, с одной стороны, филологии, с другой – исторического знания, по оценке Л. Поляковой, состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника. «Филологическая регионалистика – гуманитарная ветвь прикладного научного многофункционального знания, историческая функция которой в период нарастающего напряжения между глобализационным и ментальным особенно актуализируется, – подчеркивает автор. – Она не сводится к литературному краеведению или, скажем, к диалектологии, а предполагает изучение широкого спектра местнографических реалий, вплоть до национального менталитета, этнических проблем, живого разговорного языка, анималистики, ономастики или топонимики, способствует активизации междисциплинарных процессов в изучении местнографии и сама является коммуникативным культурным феноменом. В процессе практического освоения филологической регионалистики возможно создать дополнительные к уже известным представления о литературных произведениях и творческой индивидуальности их авторов, об исторических портретах того или иного края» [1, с. 195-197].

Таким образом, Лариса Полякова открыто и, следует сказать, очень своевременно ставит вопрос о необходимости различать краеведение, в частности, литературное и специализированную регионалистику, к примеру, филологическую, литературоведческую. Послушаем еще аргументацию опы-

ного и вдумчивого исследователя: «В настоящее время существует несколько весьма несхожих определений комплекса научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию региона. Краеведение – это не только процесс изучения, но и пограничная область гуманитарной науки. Ясно, что речь идет о прикладном и пограничном характере науки, обращенной к изучению жизни края, и в этом случае понятия «краеведение», «краеведение», «регионалистика» в принципе тождественны. Однако важно подчеркнуть: в практике, в т. ч. художественной, они реализуют себя в отдельности и вместе, полисемантически, полифункциональны и синкретичны, они направлены на изучение края, пересекаются, но все же никак не взаимоотменяются. Регионалистика как отрасль гуманитарной науки имеет более артикулированный вектор движения – через познание особенностей края к постижению тайн конкретных открытий в той или иной научной сфере, к получению нового специализированного научного знания» [1, с.197]. Автор статьи приводит пример: в филологической, литературоведческой регионалистике через изучение истории Петербурга – к пониманию «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина, романов Ф.М. Достоевского или поэмы А.А. Блока «Двенадцать». «Существенна и обратная связь: от литературного знания к установлению исторического факта» [1, с. 197].

И итог размышлений Л. Поляковой в аспекте сравнительных характеристик краеведения и регионалистики: «Регионалистика в отличие от краеведения предполагает рассмотрение иного по уровню и объему, расширенного спектра вопросов, включая этническую, национальную, психологическую, культурологическую или концептуально-политическую проблематику. Она предлагает более позиционированные оценки конкретных, как правило, имеющих место исторических или историзованных фактов» [1, с. 197-198].

Филологическая регионалистика, как видим, это не одна наука, она, как говорил в целом о литературоведении Д.С. Лихачев в работе «Еще о точности литературоведения», «целый куст различных наук», объединенных материалом, объектом изучения, именно жизнью региона, когда реальной единицей

измерения изучаемого явления служит слово, с одной стороны, становящееся носителем образов истории в ее многопрофильном выражении, с другой – «строительным материалом» истории литературы, текстологии, сюжетологии, герменевтики, диалектологии, когнитивной лингвистики и других разделов филологической науки [1, с. 198].

Ориентир тамбовского ученого на изучение в пределах филологической регионалистики прежде всего литературно-художественной классики принципиально важен. В научно-популярной литературе эксплуатируется не определенный в своих содержательных границах термин «литературоведческое краеведение», когда краеведение базируется не только и не столько на идеологии реального комментария исторического события или литературного памятника, а в первую очередь на изучении общей картины литературной жизни края. «Литературоведческая регионалистика предполагает изучение явлений художественной литературы, – уточняет автор статьи «Филологическая регионалистика как наука». – В процессе выработки критериев *отбора авторов* и их произведений с целью выявления исторических фактов и историко-литературных закономерностей для монографического исследования она ориентируется прежде всего на литературно-художественную классику, т. е. на писателей и их произведения, которые в те или иные историко-литературные периоды определяли и определяют ведущие направления в национальном искусстве в целом, служат базово-накопительным художественным «капиталом» для утверждения традиций или новаторских решений» [1, с. 198-199].

Именно классика способна обеспечить еще одно фундаментальное отличие регионалистики от краеведения в области литературоведения – преодоление в художественной литературе и науке о ней местнографии, когда образ города или континента выполняет функцию программного, концептуального обобщения, которое позволяет писателю преодолеть границу регионализма, создать литературную традицию, а исследователю дает возможность сравнительных писательских характеристик именно в плане общих вопросов художнического мирозерцания. Это явление преодоления местнографии Л. Полякова рассматривает на примере со-

поставительного анализа произведений двух классиков мировой литературы, художников разных эстетических пристрастий, представителей разных культурных эпох и национальных литератур – Михаила Шолохова и Уильяма Фолкнера с их «Тихим Доном» и «Йокнапатофой» (оказывается, индейское слово «йокнапатофа» означает «тихо течет река по равнине») [1, с. 190-191]. «Русский и американский художники размыли, «взяли», «покорили» границу между регионализмом и универсальностью в литературе» [1, с. 191], – пишет Л. Полякова. По ее убеждению, филологическая регионалистика как наука не только предполагает сопоставительный анализ, но и обязывает исследователя рассматривать литературное произведение с краеведческим материалом в общем историко-литературном контексте, а не только в контексте творчества самого художника. Такого рода и уровня филологические исследования способны выполнить две обязательные для филологической регионалистики задачи: через постижение мирозерцания писателя изучить город, а через созданный им образ региона открыть путь к изучению творческой индивидуальности самого автора и его художественных открытий [1, с. 192-193].

Естественно, что подход к проблемам филологической регионалистики, заявленный и сформулированный известным литературоведом, оказывается продуктивным и при обращении к литературе иных регионов России. Так, литература Сибири, через монументальный образ Сибири, воссозданный в произведениях В. Шукшина, А. Вампилова, С. Залыгина, В. Астафьева и других, обретает черты и функции русской литературной классики XX столетия. Но специфика этого геопозитического образа в творчестве каждого из упомянутых здесь писателей делает их произведения глубоко оригинальными. В этом плане появляющиеся в печати некоторые литературоведческие работы можно с уверенностью считать развитием идей школы профессора Л. Поляковой [3; 4].

Филологическая регионалистика активно развивается в ряде научных центров: Курске, Елецком ГУ им. И.А. Бунина, Красноярске. В ТГУ им. Г.Р. Державина эта научная дисциплина получила свой печатный орган – журнал «Филологическая регионалистика» (гл. ред. – проф. Н.Ю. Желтова).

Публикация Л. Поляковой читается с большим интересом не только потому, что четко сформулирована проблематика, предложены конкретные решения, а историко-культурный контекст обширен и сам по себе привлекателен. Тамбовского читателя по-особому заинтересуют выводы автора с опорой на «тамбовский текст» русской литературы, на картины жизни «тамбовского человека» (по Платонову) в произведениях Г.Р. Державина, Е.А. Боратынского, М.Ю. Лермонтова, С.Н. Терпигорева, А.М. Жемчужникова, С.Н. Сергеева-Ценского, Е.И. Замятина, А.П. Платонова, А.С. Серафимовича, М.И. Цветаевой, Н.Е. Вирты, даже А.С. Солженицына. «В контексте вопросов о возможностях филологической регионалистики в изучении литературной классики и одновременно историко-урбанических реалий может стать продуктивным, пусть и не исчерпывающим содержание литературного памятника, обращение, например, к поэме М.Ю. Лермонтова «Тамбовская казначейша» с ее оттенками смыслов, внетекстовым антуражем, анализом выразительного и говорящего эпизода русской жизни (губернский казначей Бобковский проиграл в карты свою жену Авдотью Николаевну), – пишет Л. Полякова. – Процессы создания региональной картины, городского пространства, а одновременно преодоления регионализма на страницах этого произведения осуществляются не с помощью историко-социальной документальной атрибутики, статистических справочных данных, источников из периодической печати административного, хозяйственного или церковного характера, изображения объектов торговли и промышленности. Поэт избрал локально-исторический подход, позволивший ему раскрыть, в понятии Н.П. Анциферова (известного историка-урбаниста и филолога. – *Л. Г.*), «душу города» [1, с. 194]. При этом автор статьи специально подчеркивает, что о «душе» провинциального Тамбова нельзя судить только по главной сюжетной линии лермонтовской «Тамбовской казначейши», а следует учитывать творческую индивидуальность поэта, выраженную во всей художественной системе произведения, в т. ч. в жанровой типологии трагикомической поэмы, а не сатирической, как принято считать в популярном литературном краеведении.

В качестве итога нашего прочтения исследования Л. Поляковой «Филологическая регионалистика как наука» процитирую еще один фрагмент статьи: «Решение задач филологической регионалистики – миссия историка, владеющего искусством филологического исследования, или филолога, способного конкретно исторически и социально мыслить. Социально-ценностный подход к художественному творчеству предполагает ответы на вопросы о том, какие духовно-нравственные и общественные ценности эпохи отразила художественная местнография, какую социально значимую информацию об авторе, времени и о себе она несет. Если вспомнить остроумное сравнение М. Гаспарова (естественные науки существуют для того, чтобы человечество не погибло от голода, гуманитарные – чтобы оно не погибло от самоистребления), то филологическая регионалистика, обращенная не только к городам, поселкам, но и к целым материкам и континентам, исполняет именно эту роль» [1, с. 196].

Статья Л.В. Поляковой, опубликованная авторитетным журналом российских филологов, убеждает: рождается – адекватная времени и уровню развития современного гуманитарного знания – научная дисциплина, краеведение не отменяющая, но поднимающая его до уровня самостоятельного научного направления.

1. Полякова Л.В. Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. М., 2015. № 3. С. 186-201.
2. Полякова Л.В. Тамбовская магистраль русской литературы. Тамбов, 2011.
3. Гончаров П.П., Гончаров П.А., Стрыгина Е.Л. Геокультурные процессы в аксиологии В.М. Шукшина // 15 Юбилейные Царскосельские чтения; Евразийский опыт: культурно-историческая интеграция: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. В.Н. Скворцова. СПб., 2011. С. 29-41.
4. Гончаров П.П., Гончаров П.А. «Царь-рыба» В.П. Астафьева: образ Сибири как основа внутренней структуры. Мичуринск, 2012.

1. Polyakova L.V. Filologicheskaya regionalistika kak nauka // Voprosy literatury. M., 2015. № 3. S. 186-201.

2. *Polyakova L.V.* Tambovskaya magistral' russkoy literatury. Tambov, 2011.
3. *Goncharov P.P., Goncharov P.A., Strygina E.L.* Geokul'turnye protsessy v aksiologii V.M. Shukshina // 15 Yubileynye Tsarskosel'skie chteniya; Evraziyskiy opyt: kul'turno-istoricheskaya integratsiya: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii / pod obshch. red. V.N. Skvortsova. SPb., 2011. S. 29-41.
4. *Goncharov P.P., Goncharov P.A.* «Tsar'-ryba» V.P. Astafeva: obraz Sibiri kak osnova vnutrenney struktury. Michurinsk, 2012.

Поступила в редакцию 20.06.2015 г.

UDC 821.161; 63.5(2)

PHILOLOGICAL REGIONALISTICS AS A SCIENCE. ON THE BASIS OF THE STUDY OF THE PROBLEM

Petr Andreevich GONCHAROV, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russian Federation, Doctor of Philology, Professor, Head of Literature, Philosophy and Social Communications Department, e-mail: goncharovpa2015@yandex.ru

The remarks of P.A. Goncharov are the comments on the article of professor of Tambov University L.V. Polyakova "Philological regionalistics as a science", published in the journal "The Questions of Literature" (M., 2015. № 3, May–June. P. 186-201), where Tambov philologist states the problem of formation of independent direction or branch in modern system of humanities – regionalistics – with its specific criteria and tools of analysis. The author of the review writes about the extreme relevance of the problem of *regionalism*, about the importance of it in practice in the conditions of modern socio-cultural situation, and the developed by L.V. Polyakova theory and methodology, the proposed ways of the research of philological regionalistics are considered to be productive. P.A. Goncharov estimates as the most prospective, the attempt of the author of the article "Philological regionalistics as a science" to differentiate the concepts "regionalistics" and "study of local lore".

Key words: theory and methodology of humanities; globalization; regionalistics; study of local lore; philological regionalistics; literary study of local lore; interdisciplinary contacts.